
В
путь
Аня Витко
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Аня Витко

В путь

«Автор»
2026

Витко А.

В путь / А. Витко — «Автор», 2026

Юная художница Алина Бабина начинает 10-ый класс в новом престижном лицее. Она рада, потому что, наконец-то, смогла вырваться из круга одноклассников и одноклассниц, которые дразнили ее на протяжении девяти лет.Однажды перед уроком физкультуры Алина знакомится с Күннэй Протодьяконовой, которая переехала в Москву из села Чурапча республики Саха с надеждами поступить в ГИТИС, чтобы стать актрисой.Дружба с Күннэй дарит Алине счастье. Девочки-подростки не только находят общие интересы и весело проводят время вдвоем, но их общение также начинает менять Алинино мировоззрение, открывая ей глаза на колониальные страницы российской истории.Алина мечтает, чтобы ее первая в жизни дружба длилась вечно, но тут возникает неожиданное препятствие. Харизматичный одноклассник из богатой семьи обращает на Алину внимание и в то же время проявляет неуважение к Күннэй.Сможет ли дружба двух девочек-подростков выдержать те испытания, которые выпадут на их пути?

© Витко А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 16
Глава 3 28
Глава 4 43
Глава 5 60
Глава 6 74
Конец ознакомительного фрагмента. 93

Аня Витко
В путь

Глава 1

Красота осени настигает меня внезапно, заставляя замереть в нескольких шагах от калитки, ведущей на территорию детского садика. Златокудрые березы и порыжевшие осины за зеленым забором горят в лучах закатного солнца. За первые пять сентябрьских дней цветовая гамма мира радикально изменилась, сменив оттенки зеленого на яркую палитру огня. Такое ощущение, что мир — это гигантская сфера, куда художник-невидимка-великан время от времени капает несколько капель красителя.

Небо начало расчищаться после недавнего дождя и горит синим пламенем в лужах на асфальте. В этих кусочках неба кружатся кленовые листья, которые своим багряным цветом напоминают алые паруса из романа Александра Грина.

Поутихший ветерок доносит до меня запахи сырой земли, гниющей листвы и сладкие ароматы еще не увядших цветов-однолеток. Я вдыхаю свежесть полной грудью и впервые осознаю, что давно не дышала так свободно, давно так не наслаждалась осенью.

Вообще, до сегодняшнего дня я ненавидела осень. Увядание природы означало мучительные школьные будни. Невысыхающие лужи на асфальте были, как разбросанные повсюду зеркала, призванные каждую секунду напоминать мне о моей лопоухости. Порой пробирающий до мурашек ветер в переулках неумолимо повторял голосами моих жестоких одноклассников и одноклассниц: “Ки-и-ки-и-мо-о-ра-а-а-а!”

Теперь это все позади. За первую неделю в десятом классе нового лицея НИУ ВШЭ я не услышала ни одного обзывательства.

Дверь детского садика хлопает, и на пороге появляется незнакомая женщина с сыном. Вздрогнув, я вспоминаю об альбоме у себя в руках и о том, зачем я сюда пришла — прочитать Соне первую главу второй книги своего комикса. Книга называется “Домовенок Демьян и три беды”, а первой главе я дала очень длинное название: “Глава о том, как домовенок Демьян разгадал коварный план лисы Лисаветы и стал героем дня”. Выдумывая это название, я вдохновлялась длинными заголовками из своих любимых детских книжек про Муми-тролля.

Я проверяю время на наручных часах. Пол-шестого. Надо поторопиться. Сонина мама, Ирина Павловна, обычно приходит забирать дочку после семи.

Я сторонюсь, пропуская женщину с сыном. В это мгновение я мельком вижу доверчивое и открытое миру лицо мальчика, и у меня перед глазами возникает счастливое Сонино лицо, каким оно становилось каждый раз, когда в прошлом году я читала ей первую книгу комикса.

Ах, как я соскучилась по Соне за это лето. Как мне не терпится поскорее услышать ее возглас: “Алиночка!” и увидеть ее несущейся ко мне навстречу с распахнутыми руками. Как я хочу снова почувствовать тепло ее тела у себя под боком. Жду не дождусь того, чтобы украдкой посматривать, как она, надув губы и сопя, внимательно следит своими широко открытыми голубыми, как васильки, глазами за моим пальцем, который я перемещаю с картинки на картинку, читая реплики персонажей разными голосами.

Я вспоминаю, как каждый раз, когда приходила Ирина Павловна, Соня не хотела со мной прощаться, хваталась за меня и не отпускала, и мне приходилось тысячу раз обещать ей, что я непременно вернусь на следующей неделе с новой главой. “Демьяну тоже отдыхать надо. Не каждый день — мир спасать,” — говорила я, гладя Соню по голове.

Ах, как я соскучилась по тому, чтобы снова быть кому-то нужной.

Поблагодарив женщину с сыном за то, что придержала мне дверь, я устремляюсь к крыльцу.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, где находится комната старшей группы, я на несколько секунд замираю в раздевалке. Это — небольшое подсобное помещение без окон с металлическими шкафами для хранения вещей. До боли знакомые веселые наклейки — кот Матроскин, ежик в тумане, Винни Пух — и ароматы горячей еды, всегда разные (сегодня пахнет гречневой кашей), вызывают у меня сложное чувство. Ностальгия, разочарование, облегчение — все эти эмоции перемешаны, будто краски в палитре.

С одной стороны, моя жизнь полностью изменилась — я поменяла школу, а с другой — кажется, все осталось точно также, как и было: моя летняя надежда на то, что в лицее я, наконец-то, впервые в жизни обрету подругу не оправдалась.

У меня по спине пробегают мурашки, как если бы на меня внезапно повеяло арктическим холодом. Все школьные годы зима была для меня подобна смерти. Казалось бы, все вокруг: голые ветки деревьев, монотонный черно-белый пейзаж и вечно затянутое тучами небо — существовало с одной целью — в тысячу крат усиливать мое чувство одиночества.

Новогодние дискотеки в школе: сперва извечные сплетни, кто с кем будет танцевать, потом замазывающее душу, как мазут — воду, чувство собственной никчемности, чувство, что я — ничтожество по сравнению с девочками, которые пришли нарядными, как королевы, долгие вечера рыданий дома в душе под шум горячей воды.

Зимой моя мать вечно пропадала в гостях у подруг и коллег по работе на предновогодних ужинах, корпоративах и днях рождения, в то время, как я сидела в одиночестве за столом в своей комнате с выключенным светом и смотрела на новогодние гирлянды в окнах дома напротив. Где-то были семейное счастье, любовь, уют, гармония, а мне думалось, что было бы лучше, если бы я никогда не родилась.

Время как будто бы остановилось, останавливается, никогда не потечет вновь.

Сегодня — не 5-е сентября, а субботний апрельский вечер четыре месяца назад. Мои пальцы дрожат, пока я открываю на пыхтящем и медленно думающем компьютере сайт лицея НИУ ВШЭ. Когда страница со списком зачисленных, наконец-то, загружается, я зажмуриваюсь, делаю глубокий вдох и нажимаю ctrl + F. В поисковике я с замиранием сердца печатаю: “Бабина Алина”.

Ноль совпадений становится 1/1.

Я нажимаю enter.

Я — в списке!

Я вскакиваю со стула и бросаюсь на улицу, в звон капели и щебет певчих птиц, дышать свежестью отсыревшей под талым снегом земли, ловить автобус, чтобы добраться до Чистых прудов.

Остановившись перед фонтаном с поющим журавлем, я достаю из кармана пальто монетку и щелчком большого пальца катапультирую ее в бассейн. Монетка блещет в свете уличных фонарей, описывая арку над темной водой. Она серебряной вспышкой превращается в мою Полярную звезду. Я шепчу: “Любовь моей жизни, приди ко мне.”

В тот момент, когда я загадываю желание, я уже знаю, что ему не суждено сбыться, и, тем не менее, я повторяю заветные слова снова и снова, потому что не могу иначе. Возможно, надежды и разочарования — это такой же неизбежный и неизменный цикл, как весеннее расцветание природы и ее осеннее увядание.

Любовь моей жизни, умоляю, приди ко мне.

Меня вырывает из забытья шум шагов, и я снова оказываюсь в раздевалке детского садика. Встрепенувшись, поднимаю голову как раз в тот момент, когда из детской комнаты выходит моя мать с охапкой плюшевых игрушек в руках. Сегодня она одета в жилетку с рас-

цветкой в виде шкуры пантеры с розовыми пятнами вместо черных. У нее в ушах прыгают нелепые сережки в форме пчелиных ульев.

Материнская радость как всегда выплескивается через край, и я с трудом удерживаюсь, чтобы не цыкнуть при виде ее широкой улыбки.

— Алиненок, привет!

Когда мать уже перестанет меня так называть?

— Как дела? Как учеба? — Мать садится на корточки перед шкафчиком, открывает дверцы и принимается убирать игрушки внутрь одну за другой.

Я молчу, потому что прекрасно знаю, что она не ждет от меня развернутого ответа. Ей не интересна моя жизнь.

И верно. Сложив игрушки в шкаф и захлопнув дверцы, она встает, проводит запястьем по лбу, изображая, что вытирает пот, запрокидывает голову и говорит, глядя в потолок:

— А у меня рай закончился. Дети осмелели. Опять шум, гам, топотня, крики, рев! И моя бедная, бедная голова.

Мать с улыбкой хватается за голову.

Я пытаюсь поднять уголки губ, но мои челюсти как будто бы сводит судорогой, и я слышу скрежет собственных зубов. Почему я так реагирую? Ведь я уже давно поняла, что моя мать — стрекоза из басни Крылова. Жизнь для нее — это вечное лето, и она, эгоистка, только и знает, что порхает от одних подруг к другим, наслаждаясь чем только можно: вкусной едой, путевками на юга, походами в кино, и еще множеством разных развлечений, знать о которых мне совершенно неинтересно. Почему несмотря на то, что мои теплые отношения с матерью закончились после того, как она развелась с моим отцом, когда мне было шесть лет, почему несмотря на то, что пролетело уже девять лет, я, все равно, продолжаю остро реагировать на ее поведение?

Мать все болтает:

— А родители тоже уже все на нервах. Опять пробки, спешка, никто ничего не успевает.

“Мать называется,” — думаю я. Как только эта женщина — Валя — умудрилась уже почти что десять лет проработать воспитательницей в детском саду? Какая нелепость! У нее ведь вместо заботливого материнского сердца — свистящая щель, вместо теплых рук радушной хозяйки, создающих домашний уют — стрекозиные крылья, вместо самоотверженной души — летящий по ветру пух одуванчиков.

Эта женщина виновата в распаде семьи, потому что ей было важнее порхать по миру, чем ухаживать за своим мужем и поддерживать его в тяжелые моменты.

Эта женщина ни разу не удосужилась согреть собственную дочь материнским теплом. Сколько раз я брала в руки перочинный ножик, чтобы выпустить циркулирующие по моим венам токсины: “кикимора,” “мымра,” “НЛО”, “лопух”? Где в те мгновения была эта женщина, которая называется моей матерью? В гостях у тети Дарины или тети Оли? Нет, наверное, она в те минуты возлегала на шезлонге на курорте в Анапе.

— Алиночка?

В дверном проеме показывается Соня в леггинсах и футболке с рисунком Симбы, Налы, Пумбы и Тимона из мультика “Король Лев”. Как она загорела за лето!

— Привет, Соня! — я расплываюсь в улыбке и шагаю к ней навстречу.

Соня бросается ко мне, и я еле успеваю отбросить альбом с комиксом на скамейку и опуститься на корточки прежде, чем мы заключаем друг друга в объятия. Я глажу Сонины, как всегда, взлохмаченные волосы, улавливаю перемешанные друг с другом запахи фруктового шампуня и чеснока.

Как я счастлива! Я — не такая, как мать. Я доказала это прошлой осенью, когда мать попросила меня зайти к ней на работу вечером после уроков. Помню, это был холодный конец

ноября, и небо, несмотря на то, что было, всего лишь, шесть вечера, было уже темным, как ночь.

В комнате старшей группы было пусто. По крайней мере, мне так показалось при первом взгляде. Мать сидела за рабочим столом и что-то печатала на компьютере. Когда я к ней подошла, она закрыла компьютер и объяснила, зачем меня позвала: ей срочно надо было к тете Дарине (какая-то очередная госпитализация из-за обострения артрита), но нельзя было оставить Соню без присмотра, а коллега уже ушла домой. Тут только я заметила девочку, стоявшую за рядами детских столов в углу у окна.

Я согласилась последить за Соней до прихода ее мамы, потушить свет, закрыть комнату и сдать ключ охраннику, а моя мать собралась и убежала по своим делам. Я села за стол на ее место и посмотрела на Соню.

Неожиданно Сонины плечи вздрогнули, и мое сердце тоже вздрогнуло, когда я поняла, что девочка плачет. Тогда я в очередной раз со всей ясностью осознала то, какой бессердечной была моя мать. Она могла спокойно заниматься административными делами, пока ее воспитанница плакала, тоскуя по дому! А убегая к подруге по очередному надуманному кризису (тетя Дарина, часто в моем присутствии сетовала моей матери на то, что муж ее не любит; я уверена, что половину своих вспышек артрита тетя Дарина выдумывала, чтобы о ней позаботились), мать даже не попрощалась с плачущей девочкой!

Именно в тот промозглый ноябрьский вечер завязалась наша с Соней дружба. Я подошла к ней (блики уличных фонарей в ее искрящихся от слез глазах навсегда останутся у меня в памяти), обняла и предложила нарисовать ей что угодно. Помню, как Соня, задумавшись, вытянула губы трубочкой, а потом сказала: “У меня дома живет домовенок. Его зовут Демьян. Но мама мне не верит. Она говорит, домовых не бывает. Но он есть! Нарисуй его. Тогда мама поверит. Если я ей покажу.”

Соня уселась за один из детских столиков, а я принесла на стол листок бумаги и коробку разноцветных карандашей и встала рядом с Соней на колени. Соня совсем успокоилась, пока сосредоточенно описывала мне домовенка: “У него черные волосы. С синим. Как хвост у сороки. Знаешь какой? И уши у него больше. Как у тебя. Даже еще больше.”

Так зародился мой комикс про домовенка Демьяна. Я рисовала его целый год, и в первой книге получилось три главы. Каждый раз, заканчивая либо отдельный рисунок, либо целую главу, я испытывала то ни с чем не сравнимое, неописуемое удовольствие, когда долго борешься с хаосом и вот, наконец, получается подобрать такое сочетание цветов и так расположить все элементы, что при взгляде на финальную композицию, шепчешь: “Красота!” А еще я полюбила то чувство, что я хоть кому-то нужна в этом мире. Ради этих двух чувств я буду продолжать рисовать свой комикс какой бы интенсивной ни оказалась учеба в лицее.

— Как прошло лето? — спрашиваю я, когда Соня отпускает меня и, подойдя к скамейке, берет обеими руками альбом.

— Я видела медуз! Они такие скользкие. С щупальцами.

— Где ты была? Как город называется? — говорит мать, и я снова скрежещу зубами от ее вмешательства. Когда она нужна, ее — нет, а когда ее никто не спрашивает, она лезет со своими уроками географии.

— Сочи.

— На каком море?

— На Черном!

Я глажу Соню по голове и говорю, как можно более спокойным голосом:

— А я тебе новую главу нарисовала. Пойдем читать?

— Да!

Соня прижимает альбом к груди, закидывает голову, бросает на меня нетерпеливый взгляд и, сорвавшись с места, убегает в комнату.

Мать неожиданно мрачнеет, вздыхает и шепчет:

— Молодец, что пришла. Соня… У нее с ребятами проблемы начались. Ссоры постоянные. Сколько уже лет, а я все поражаюсь, откуда в детях так много жестокости?

Это она говорит своей дочери, для которой девять классов школы были адом! Стиснув зубы, я разуваюсь и молча захожу в детскую комнату следом за Соней. Все, чего я хочу — это, чтобы мать занялась своими административными делами и не мешалась.

Когда я поднимаю глаза, то застываю на месте от неожиданности. Соня — не одна. Рядом с ней на ковре сидит, втянув голову в плечи, смуглый мальчик с коротко подстриженными черными волосами.

— Алиночка классно рисует. Скоро увидишь, — говорит Соня, поглаживая обложку альбома. Заслышав мои шаги, она смотрит на меня и говорит. — Это — Фарух!

Мать устраивается у меня за спиной за рабочим столом и объясняет:

— Фарух — новенький.

— Привет, Фарух! — говорю я с улыбкой и направляюсь к детям.

Пока я усаживаюсь между ними, Фарух все сидит с опущенной головой. Я сразу понимаю, что он, видимо, застенчивый мальчик.

— Любишь комиксы? — спрашиваю я.

Неожиданно мальчик поднимает голову и, густо покраснев, смотрит на меня мечущимися из стороны в сторону глазами.

— Фарух только начал учить русский, — говорит мать и, открыв компьютер, что-то быстро печатает. — Мы с ним, пока что, с помощью Google переводчика общаемся. Надеюсь, что правильно перевела. Sizga komikslar yoqadimi? Sizning sevimli komiksingiz qaysi?

Фарух облегченно выдыхает и усиленно кивает.

Внезапно, глядя в черные глаза мальчика, я переношусь в прошлое, в свою старую школу, где я не могла спокойно пройти по коридору — обзывательства летели мне в спину, как комья грязи. В моем старом классе одноклассники и одноклассницы сминали меня в ком глины и вмешивали в одну и ту же емкость вместе с двумя нерусскими девочками, которые плохо понимали по-русски и которых все дразнили одну — “гориллой” за густые черные волосы на смуглых руках, а другую — “чуркой”, потому что она училась сплошь на двойки и переходила в старшие классы по слухам только благодаря тому, что ее отец, владелец сети салонов красоты, давал учителям взятки.

Я ненавидела тех девочек, потому что в отличие от меня, они могли, если бы захотели, приложить усилия и вписаться в коллектив. Что, например, стоило одной из них сбрить волосы на руках? А вторая могла усиленно пахать вместо того, чтобы спать на уроках. За девять лет вполне можно было овладеть русским языком в совершенстве! В отличие от тех двух изгоев, я ничего не могла поделать со своими торчащими в стороны ушами. Не могла же я их отрезать, в конце концов!

— Давай читать! — требует Соня и открывает альбом.

Мать подходит ко мне и протягивает мне свой телефон с открытым на экране Google переводчиком. Я принимаю его и тяжело вздыхаю. Внезапно, хотя я никогда не злилась на маленьких детей, я хочу прогнать Фаруха. Что это будет за игра в сломанный телефон? Я уверена, что искусственный интеллект переврет половину моих реплик, а это значит, что мальчик поймет, в лучшем случае, четверть, если не треть всей истории. Знает ли он вообще, кто такие домовые?

Самое неприятное — это то, что из-за этого мальчика Соня будет постоянно отвлекаться и не погрузится в мир домовенка Демьяна целиком. А я столько усилий приложила этим летом! Я каждую самую малую деталь, будь то цветок или насекомое, перерисовывала сотню раз, добиваясь совершенства. И вот теперь какой-то Фарух, которого я вижу в первый и, может быть, последний раз испортит Соне все первое впечатление от моей работы.

— Алиночка? — Соня машет рукой у меня перед глазами.

Встрепенувшись, я откашливаюсь и наклоняюсь вперед. Ладно, если Соня так хочет, я наберусь терпения и переведу свой комикс на… Что это за язык? Узбекский.

> ***1. “Кнок-кнок!” Покрытая рыжей шерстью лапа стучится в деревянную дверь.***
>
> ***2. На крыльце русской избы с деревянным петушком на крыше стоит антропоморфная лиса, одетая в зеленый сарафан и белую косынку. Ее левая передняя лапа согнута в локте. На лапе, как браслеты, висят венки из ромашек, одуванчиков и васильков.***
>
> ***3. “Кто там?” В проеме приоткрытой двери показывается обрамленное золотой косой вопросительное лицо молодой хозяйки дома. Девушка одета в белую льняную рубашку и темно-синюю юбку до пят.***
>
> ***4. “Здравствуй, Аксинья! Это я — кума Лисавета. Принесла тебе мно-о-ого венков. Выбирай какой хочешь,” — Лисавета подмигивает и улыбается, обнажив белые клыки.***

Я набираю в переводчике упрощенный вариант: *Лисавета. Принесла венки.* Смотрю на Фаруха, который хмурится и нависает над экраном. Проходит, наверное, целая минута. Внезапно, у меня мелькает догадка, что, может быть, он не умеет читать. Вот это да! Год до школы остался…

Именно поэтому я ненавидела быть в одном коме глины с нерусскими девочками-изгоями в старой школе. Они заслуживали презрение ребят, а я — нет. Также и этот Фарух. Он даже на родном языке читать еще не умеет.

— Ты же не все написала! — Соня забирает у меня из рук телефон и принимается, сопя, перепечатывать реплику Лисаветы полностью.

Я с грустью слежу за ее стараниями, которые занимают добрых пять минут. Такими темпами мы, точно, до конца не доберемся.

Закончив с перепечаткой, Соня возвращает мне телефон. Я знаю, что она еще не знает латиницу, поэтому я нехотя читаю фразы Фаруху.

Когда я заканчиваю, он никак не реагирует на прочитанное. Мое раздражение нарастает. Нормальный ребенок хоть как-то отреагировал бы. Кивнул бы или помотал головой. А этот сидит, как истукан!

— Ты чего? — спрашивает Соня, заглядывая мне в лицо. — Давай дальше!

Ура! Какое облегчение, что можно не дожидаться от Фаруха никаких реакций.

Я продолжаю читать и переводить предложения на узбекский. Не знаю, понимает Фарух или нет, но мне без разницы — я рада, что дело пошло быстрее.

> ***5. Из-за печки выглядывает домовенок ростом с ведро. Он одет в желтую рубашку, белые шаровары с зелеными полосками и соломенные лапти. У него черные с синим отливом волосы и большие, торчащие в стороны уши. На лице у домовенка — беспокойство. Он шепчет: “Аксинья, надо поговорить!”***

Неожиданно Соня тычет пальцем в домовенка, а потом указывает на Фаруха. Дети смотрят друг на друга и над чем-то смеются. Что смешного?!

6. Аксинья сидит на коленях перед домовенком, который стоит, скрестив руки на груди. Аксинья спрашивает: "Дема, что случилось?"

Соня меня перебивает:

— Пусть его зовут Фарух!

Тут до меня доходит причина смеха. Домовенок, и впрямь, своими черными волосами и глазами немного напоминает Сониного нового друга.

Я вздыхаю, но ничего не поделаешь. Сонины желания — закон. Пока я перевожу реплику Аксиньи, я никак не могу избавиться от сожалений по поводу облика Демьяна. Когда я придумывала его костюм, я вдохновлялась домовенком Кузей из детской книжки Татьяны Александровой. Будь моя воля, я бы изобразила Демьяна с такими же, как у Кузи синими глазами и с копной желтых волос, под которой не видать ушей, но именно по настояниям Сони он вышел темноволосым и темноглазым. И вот теперь это аукнулось; приходится менять персонажу имя…

7. Домовенок Фарух хмуро смотрит в сторону двери, за которой стоит Лисавета. "Лисицам нельзя доверять! Они все — воришки."

8. Аксинья со смехом машет рукой и говорит: "Фарух, что за глупости?"

9. Домовенок Фарух смотрит исподлобья вслед Аксинье, которая возвращается на крыльцо.

10. Аксинья говорит Лисавете: "Давай их все сюда. Я перед зеркалом примерю."

11. Лисавета улыбается до ушей, обнажая белые клыки: "Конечно, моя милая, выбирай сколько душе угодно. Не спеши. Я не тороплюсь."

12. У себя в опочивальне Аксинья раскладывает венки в ряд на большой мягкой кровати с пологом.

13. Аксинья любуется на венки, прижав сплетенные в замок пальцы к подбородку.

14. Аксинья стоит вполоборота перед зеркалом в полный рост и любуется своим отражением в венке из васильков.

15. Лисавета крадется через двор к курятнику.

16. Фарух выглядывает из-за поленницы и ахает.

17. Фарух на восьми ногах несется в дом, помогая себе четырьмя руками.

18. Фарух хватает кочергу.

19. Когти Лисаветы сверкают в лучах солнца, когда лиса, встав на задние лапы, нависает над испуганной курицей. Черная тень Лисаветы протягивается от ее задних лап к задней стене курятника.

20. "Стой, воришка!" Появившийся на пороге курятника Фарух с гневным лицом наставляет кочергу на Лисавету.

21. "Я? Что я?" Лисавета испуганно шарахается в угол курятника, закрыв пасть передними лапами.

22. "Я просто пришла сказать курочкам привет!" Лисавета наклоняет голову и невинно улыбается.

23. “Убирайся прочь!” Фарух шагает вперед, выставив кочергу, как копье.

24. “А как же мои венки?” Лисавета крадется вдоль стены на цыпочках, обходя Фаруха, который не сводит с нее рогов кочерги.

25. “Останутся у нас. Не хватало еще, чтобы ты наших соседок обворовала!” Фарух делает выпад вперед, согнув правую ногу в колене и вытянув руки с кочергой.

26. Лисавета несется по двору на четырех лапах. Ее платье разошлось по швам. Подол нелепо опоясывает середину ее туловища. Она с оскалом оглядывается на Фаруха и кричит угрозу: “Я тебе еще покажу!”

27. Из дома выбегает Аксинья. Она замирает посреди двора и ахает, прижав руки ко рту.

28. Аксинья кланяется Фаруху, сложив руки лодочкой. “Благодарю тебя, добрый и храбрый домовой. Впредь обещаю во всем тебя слушаться.”

— Продолжение следует, — я смотрю на Соню.

К моему удивлению Соня не хлопает в ладоши, как обычно, и не бросается придумывать идеи для следующего приключения домовенка. Несколько минут она сидит, насупившись, а потом говорит:

— Я люблю лисичек. Почему они все — воры?

Сперва я теряюсь, что ответить, но вскоре нахожу объяснение. Это вовсе не я придумала, что лисицы — хитрые. Во всех русских народных сказках лисы — обманщицы. Взять хотя бы сказку про Колобка.

Однако, я не успеваю ничего сказать, потому что в раздевалке раздается стук каблуков, и в дверном проеме показывается Сонина мама.

— Добрый вечер! — Доброжелательная улыбка мигом слетает с лица Ирины Павловны, когда она видит Фаруха.

— Привет, Ир, как дела? Опять завал по работе? — Моя мать вскакивает из-за стола и выходит в центр комнаты, чтобы получше видеть Сонину маму, которая продолжает стоять в проходе, обутая в уличную обувь.

Ирина Павловна, риелтор по профессии, обычно не упускает возможности пожаловаться на очередного нерешительного клиента. Я ожидаю какую-нибудь новую историю в духе того, что сделка опять застопорилась, потому что клиенту очень понравилась планировка, но дом — слишком старый, однако, к моему удивлению, Ирина Павловна резко командует:

— Соня, вставай. Пора.

Соня поворачивается к Фаруху и, ткнув пальцем в альбом, спрашивает:

— Как тебе?

Фарух с энтузиазмом кивает.

Внезапно Ирина Павловна, забыв про уличную обувь, быстро проходит в комнату, нагибается к дочери, берет ее за руку и тянет вверх.

— Не хочу! — Соня вырывается и прячется ко мне за спину.

Ирина Павловна выпрямляется и шумно выдыхает. Мое сердце бешено колотится в груди; я раньше никогда не видела Ирину Павловну такой сердитой.

— Сонь, тебе пора домой ужинать, — говорит моя мать мягким голосом. — Хочешь кушать? Мама тебя накормит. И нам с Алиной и Фарухом тоже скоро по домам.

Я беру альбом и встаю с пола. Соня стоит, опустив голову.

— Сонь, тебе пора, — говорю я. — Я скоро опять зайду. С новой главой.

— Сделай так, чтобы они с Лисаветой помирились, — Соня смотрит на меня с мольбой в глазах. — Он — добрый домовенок. Он не будет никого бить и прогонять!

— Хорошо, обещаю, — я вздыхаю от того, что Соне не понравилась моя новая глава.

Соня подходит к Фаруху, который продолжает сидеть, опустив голову, обнимает его, а потом убегает в раздевалку.

Я смотрю ей вслед с щемящим чувством одиночества в груди. От прежней радости любования осенней природой не осталось и следа. Да, в лицее никто меня не дразнит, но стала ли моя жизнь счастливее? У меня перед глазами проносятся сегодняшние скитания по коридорам от одного кабинета к другому, отсиживание уроков без напарницы по парте, одиночество во время перерывов между занятиями, медленное без аппетита пережевывание безвкусных обедов в столовой в окружении веселых разговоров, которые, кажется, доносятся из потусторонних миров…

А теперь вот еще и Соня осталась недовольна моим комиксом… На меня накатывает хорошо знакомое из прошлой школы чувство собственной никчемности.

Ирина Павловна подходит к моей матери и говорит голосом, который звучит достаточно тихо, чтобы Соня ничего не услышала из раздевалки:

— Я же просила за ней присматривать.

Ирина Павловна выразительно смотрит на Фаруха, который продолжает сидеть, положив руки на коленях и втянув голову в плечи.

— Ир, мы же это уже обсуждали.

Моя мать хмурится и машет рукой, чтобы Ирина Павловна прошла следом за ней в дальний угол кабинета.

Сонина мама не двигается с места. Она говорит угрожающим шепотом:

— Если еще раз увижу Соню с этим чумазым, пойду жаловаться. Поняла? Тебе плевать, а когда у нее вши заведутся, мне их выводить надо будет, не тебе.

С этими словами Ирина Павловна круто разворачивается и быстро уходит прочь в раздевалку.

Я смотрю, как овальные вмятины, оставленные на ковре каблуками, медленно выравниваются…

Вши?!

Вздрогнув, я инстинктивно запускаю пальцы в волосы и скребу ногтями по затылку. Еще не хватало, чтобы у меня завелись вши, и мне пришлось подстричься наголо. Пышное каре — единственный способ прятать мои гигантские уши.

Мать тяжело вздыхает, подходит к Фаруху, садится рядом с ним на корточки и принимается гладить его по голове. Я с облегчением выдыхаю. Я знаю, что мать — эгоистка и если бы у мальчика, действительно, были вши, она ни за что бы не стала подвергать себя опасности.

Наступившую тишину нарушает донесшийся из раздевалки сердитый голос Ирины Павловны: “Что за бестолочь? Сколько можно повторять? Куртку застегивают. Поняла?”

Визг молнии.

Медленно затихающее цоканье каблуков сначала по коридору, а потом вниз по лестнице.

Совсем тихий хлопок входной двери.

Мать спрашивает у Фаруха:

— Понравился комикс?

Она тянется за своим телефоном с Google переводчиком, а я содрогаюсь от раздражения, как если бы меня ударило током. То, что Ирина Павловна только что сорвалась на Соню — это вина Фаруха. Может быть, вшей у него и нет, но такие подозрения не берутся из ниоткуда. Значит, Ирина Павловна однажды застала Фаруха за каким-нибудь нечистоплотным занятием. И вот теперь Фарух нежится в доброте моей матери, а Соня будет, возможно, целый вечер страдать от того, что ее мама теперь не в духе.

Мои руки начинают подрагивать от гнева, и чтобы успокоиться, я отхожу к окнам и выглядываю на задний двор, залитый медовыми лучами заходящего солнца. По-началу не помогает. Я слышу, как мать вполголоса читает что-то по-узбекски, а Фарух отвечает ей по-русски: “Я любить кошку.” Мать поправляет его: “Я люблю кошек.” Я ударяю костяшками по подоконнику, пытаясь отвлечь себя физическими ощущениями.

Я смотрю на пустые качели и городки с горками, и мне вспоминается мое детство. Говорят, что детство — самая счастливая пора. Но в моем случае это было не так. Каждый день начинался с родительских ссор и заканчивался ими. На вопросы отца: “Где мой завтрак?” и “Почему рубашка не поглажена?” — моя мать отвечала: “Сам готовь” или “Сам гладь.”

Еще до того, как родители развелись, я, пятилетняя, чувствовала, что что-то было не так. Например, мой отец никогда не приходил на праздники в детский садик, в то время, как другие ребята всегда заявлялись в сопровождении обоих родителей.

Уже в школе я смогла четко сформулировать для себя, почему в разводе была виновата мать. Она не только не умела ничего из того, чему девочек учили на уроках труда: шить, готовить, прибираться, но и к тому же в ней не было ни одной женской добродетели: ни покладистости, ни мягкости, ни нежности, ни самоотверженности.

Как-то раз я поклялась себе, что если когда-нибудь произойдет чудо, и молодой человек обратит на меня внимание, то я стану для него идеальной спутницей жизни: ни разу не скажу ему поперек ни единого слова, буду во всем ему помогать, и в нашем доме всегда будут чистота и порядок, а на столе всегда будет сытная еда.

— Хотеть смотреть лев, — говорит Фарух у меня за спиной.

— Хочу увидеть льва, — поправляет моя мать.

— Хочу увидеть льва, — повторяет Фарух.

— Умница!

О! Как я зла на мать. Она лишила собственную дочь счастливого детства, а чужого ребенка готова на руках носить.

О! Как я зла на Фаруха. Это он испортил Соне все впечатление от комикса. Соня постоянно отвлекалась на перевод, и поэтому ей не понравилась история. Если бы она погрузилась в сюжет с самого начала, она бы сразу почувствовала, что Лисавета со своей клыкастой улыбкой — злодейка и радела бы за то, чтобы Демьян предотвратил неминуемую кражу кур.

Теперь уже не Демьян. Фарух.

Домовенок Фарух… Что за бред?!

Я содрогаюсь на слове “бред” в своих мыслях. Я никогда раньше не называла ни одну из Сониных идей — бредом. Надо срочно успокоиться.

Ладно, моя мать лишила меня счастливого детства, но я сделаю все, что будет в моих силах, чтобы мои дети никогда не прятались под одеялом от грохота посуды на кухне и никогда не захлебывались слезами, пока в квартире хлопают двери и дрожат оконные рамы.

Меня вырывает из мыслей незнакомый женский голос с нерусским акцентом:

— Валентина Михайловна? Здравствуйте! Спасибо Вам большое, что посидели с Федей.

Я оборачиваюсь и вижу, как в кабинет заходит молодая женщина нерусской внешности с кожаной сумкой на плече. Ее густые черные волосы заплетены в две тяжелые косы. Она одета в темно-синюю рубашку с длинными рукавами и черные брюки. У нее на ногах — белые носки.

Фарух вскакивает с пола, подбегает к женщине, обнимает ее за колени и утыкается лицом ей в живот.

Моя мать тоже встает с ковра и здоровается:

— Фатима Имановна, здравствуйте! Без вопросов, всегда пожалуйста.

Молодая женщина гладит сына по голове и что-то говорит ему по-узбекски. Мальчик убегает в раздевалку, а Фатима Имановна расстегивает сумку и, достав коробку конфет, протягивает моей матери.

— Ой, что Вы? Не надо! — протестует моя мать.

— Как же? Благодарность. Возьмите, пожалуйста! — говорит Фатима Имановна и, когда моя мать принимает-таки угощение, смотрит на меня и спрашивает. — Ваша дочка?

— Да, Алина.

Я цежу сквозь зубы: “Здравствуйте.” У меня отнюдь нет желания знакомиться с матерью Фаруха. Или его Федей зовут?

— Очень приятно, — Фатима Имановна снова переводит внимание на мою мать и спрашивает озабоченно, — Федя хорошо себя вел?

— Он у Вас — замечательный мальчик.

— Хвала Аллаху! — Фатима Имановна запинается и поправляет себя. — Слава Богу, слава Богу. Ладно, мы побежали. Хороших выходных!

— Вам тоже!

Пока мать собирается домой: выключает рабочий компьютер, раскладывает по местам несколько завалявшихся по углам игрушек, тушит везде свет, я разглядываю подарочную коробку конфет. Это оказываются глазированные шоколадом финики с ореховой начинкой.

Мать Феди/Фаруха пожелала хороших выходных. Все учебные годы я ненавидела выходные, потому что у всех ребят были интересные планы либо с друзьями, либо с семьей, а для меня выходные означали невыносимое одиночество в квартире, пока моя мать порхала по гостям.

Я вздыхаю. Грядущие выходные не будут исключением. Мать говорила что-то про то, что тете Дарине ни жить, ни быть понадобилось в сауну.

А мне предстоят домашние задания. Я не жалуюсь. Я всегда была отличницей, потому что поскольку у меня никогда не было подруг, у меня всегда было много времени, чтобы прилежно учиться.

И все-таки, пока мы с матерью идем в молчании домой, я не могу избавиться от разочарования, которое скребется у меня в душе, как мышь, которое стрекочет где-то под сердцем, как сверчок за печкой. Я не могу отрицать перед самой собой, что я надеялась провести эти выходные по-новому: на прогулке со своей первой в жизни подругой или, еще лучше, со своим молодым человеком.

Моя мать говорит:

— Вши! Это же надо такое сказать? При Фарухе! Как так можно? Никакого такта.

Я пожимаю плечами. Что тут скажешь? Я от матери ничего другого и не ожидала. Ее дочь отучилась первую неделю в новой школе, даже не просто в школе, а в престижном лицее с образовательной программой по западному образцу, а Валя даже не удосужится спросить, хотя бы из элементарной вежливости, про первые впечатления. Ей, конечно же, важнее какой-то то ли Фарух, то ли Федя с его нерусской мамашей.

Глава 2

Катастрофа случается перед уроком физкультуры. Невидимая медведица как будто бы вспарывает мне живот, и сразу за этим следует горячее и липкое ощущение, которое не оставляет сомнений — началось.

Вдобавок к пульсирующей боли внизу живота, меня прошибает холодным потом, потому что я осознаю — я забыла дома то самое, что мне сейчас необходимо больше всего на свете.

Девочки вокруг болтают и смеются, а я не слышу ничего кроме мысленного вопроса: “Что делать?!”

Я украдкой окидываю одногруппниц взглядом, но кого я обманываю? Я, все равно, не осмелюсь ни к кому подойти с такой личной проблемой.

Я опираюсь локтями в колени и прячу лицо в руках. Что если появится пятно? Какой будет позор!

Внезапно кто-то трогает меня за плечо. Сердце трепещет в груди, как вылетевшая из-под ног со взрывным хлопаньем крыльев куропатка.

Что случилось?

Я заняла чье-то место?

Надо подвинуться?

Я вскидываю голову и вижу над собой смуглую девочку азиатской внешности с перекинутой через плечо длинной черной косой. Она одета в желтый худи, бежевые тактические штаны с большими карманами по бокам и красные сникеры.

Я тут же узнаю ее. Она также как и я выбрала трек “Креативные индустрии”. Это — та самая девочка, которая на первом занятии по математике поправила Марию Ивановну, когда та неправильно произнесла ее имя: “Не Кюни, а Күннэй.” Я, до сих пор, не знаю, откуда она. Фамилия у нее вполне русская — Протодьяконова.

— Все в порядке? — Күннэй смотрит на меня, сочувственно изогнув брови.

— Эмм… да, — от неожиданности я на несколько мгновений забываю про боль и подозрительно вглядываюсь в лицо девочки.

В прошлой школе, одна из одноклассниц как-то раз в столовой “случайно” опрокинула стакан и облила меня морсом, но тогда ее озабоченное восклицание: “Ой, прости, пожалуйста! Ты в порядке?” — тут же сменилось взрывом хохота.

Сколько я ни ищу в лице Күннэй подвоха, ее озабоченность, которая выражается в изогнутых дугами бровях и полуоткрытых губах, кажется мне искренней. Кроме того, вокруг не видно подружек-подпевал, только и ждущих сигнала поднять меня на смех.

Боль снова распарывает меня снизу вверх, и я хватаюсь за живот, чувствуя, как мое лицо перекашивается, как если бы его свело судорогой.

— Точно? — Күннэй садится рядом и ставит рюкзак между ног. — Месячные, что ли?

Я густо краснею. Только бы никто вокруг не услышал. Прямота Күннэй напоминает мне мою мать. Пару лет назад Валя усадила меня на диван и, открыв энциклопедию на странице с изображением женской репродуктивной системы, подробно объяснила, что происходит с девушками и женщинами каждый месяц.

Помню, что после того разговора, я предприняла в школе одну из немногочисленных и самых травмировавших меня попыток сблизиться с одноклассницами. На мой вопрос: “А у вас уже были менструации?” — группа девочек брызнула со смеху. Какое-то время меня преследовало новое прозвище — “менстра”.

Уже позже я постепенно сообразила, что среди культурных женщин не принято обсуждать такие вещи вслух, а в случае, если возникает необходимость, то следует использовать эвфемизмы, вроде “женские причины” или “цикл”.

О! Как я была зла на мать за то, что она меня об этом не предупредила. Хотя чего я ожидала от женщины, которая разрушила свою семью и не питала к родной дочери ни капли любви?

— Если что, у меня есть обезболивающее, — говорит Күннэй и хлопает рукой по верхнему карману рюкзака.

Я чувствую вязкое движение вниз. Мне срочно нужны *они*.

— Эмм… а у тебя случайно нет…

— Прокладки? — шепчет Күннэй. — Да, конечно.

Она расстегивает рюкзак, и я испуганно шепчу:

— А можно не здесь?

— Ах да, пойдем в туалет.

Я еле выживаю на уроке физкультуры. Тем временем, Күннэй выполняет все упражнения не хуже парней: пробегает десять кругов, ни разу не запыхавшись, и отжимается десять раз не с коленей, как все девочки, а с прямыми ногами, как парни. После урока, она снова подходит ко мне в раздевалке.

— Как самочувствие?

К концу урока обезболивающее, наконец, подействовало, и я слабо улыбаюсь:

— Вроде, получше. Спасибо.

— Всегда пожалуйста. Есть еще пары? Или уже отстрелялась?

— Я — все.

— Я тоже! Хочешь в парке посидеть?

Несколько секунд я вглядываюсь в лицо Күннэй. Внезапно меня поражает мысль: неужели Күннэй хочет со мной подружиться?

Я говорю: “Я не против,” — и, пожав плечами, наклоняюсь, чтобы убрать кроссовки в мешок. Меня охватывает такое чувство, как если бы мое сознание было небосводом, который долгое время был затянут тучами, и только сейчас, в плотной мрачной толще появился разрез, и мою застывшую в вечной мерзлоте душу обогрел тонкий луч солнца.

И не надейся, Алина Бабина.

Один из первых уроков, которые я усвоила в жизни: чем больше надежды, тем сильнее разочарование. Сначала я надеялась, что развода не будет, потом я надеялась, что врачи ошиблись с диагнозом, и у дедушки — не рак легких, потом я надеялась, что бабушка переживет воспаление легких. После того, как в седьмом классе мне третий год подряд не удалось пройти на региональный тур олимпиады по ИЗО, я поняла, что надежда — это точно такой же смертельный яд, как и отчаяние.

Мое поступление в престижный лицей НИУ ВШЭ, где у ребят есть свобода выбрать одно из девяти направлений, самим выстроить свой учебный план и даже пройти один курс в университете ВШЭ, стало для меня неожиданностью.

— Как тебе лицей? Мне нравится, что учителя не зациклены на ЕГЭ, — говорит Күннэй, когда мы выходим на крыльцо, залитое ярким светом сентябрьского солнца.

Перед рядом железных гаражей напротив входа в лицей тянется вереница желтых одуванчиков, а в клумбе у крыльца качают головками желтые астры. Это — не цветы, а россыпь солнышек.

— Мне тоже все очень нравится, — говорю я. — Особенно жду, когда курс в Вышке начнется. Ты, кстати, какой выбрала?

— Основы кино.

— Я тоже!

— Супер. Будем вместе сидеть.

— Я — за. Кстати, все хотела спросить: ты — откуда?

Күннэй усмехается:

— У меня часто тут спрашивают. Я из республики Саха, село Чурапча.

— Саха?

География никогда не была моим сильным предметом. Сколько я ни роюсь в памяти, я не могу вспомнить…

Прочитав недоумение у меня на лице, Күннэй поясняет:

— Якутия. Саха — это самоназвание нашего народа. Отсюда и республика Саха.

Якутию я знаю. Это же — самый большой регион России. Как странно, что я была не в курсе про название Саха.

— И давно ты в Москве?

— Нет, я летом приехала. Ради лицея. Я планирую через год подавать в ГИТИС.

— ГИТИС?

— Один из самых крупных театральных вузов в мире.

— Будешь актрисой?

— Да, обожаю играть. А ты? Уже решила кем хочешь быть?

Мы с Күннэй останавливаемся на светофоре перед переходом в парк на Чистых прудах. Все вокруг насыщено сочными красками: листья кленов пылают разными цветами, от темно-багряного до золотистого, по голубому небу неспешно плывут белые облака, на столбе светофора блестят паутинки. Мне вдруг хочется взять кисточку, окунуть ее в мир вокруг и начать рисовать.

— Художницей, — говорю я. — С детства рисую.

— Вау, здорово! А что ты любишь рисовать? И чем? Красками? Карандашами? Можно посмотреть?

В этот момент зажигается зеленый сигнал, и мы торопливо переходим дорогу. В парке на Чистых прудах — много гуляющих. Мимо нас с визгом и хохотом проносятся на самокатах мальчик и девочка.

Меня внезапно поражает мысль, что это — первый раз в моей жизни, когда кто-то из сверстниц искренне интересуется тем, как я провожу свободное время.

— Я рисую детские комиксы. Я обожаю детские книжки, но писательница из меня никакая. Так что вот рисую. Аля приключения Муми-тролля.

— Муми-тролль? — Күннэй вопросительно выгибает брови.

— Это была такая серия книг в 70-е. Писательница — Туве Янссон. Муми-тролли — это существа вроде скандинавских троллей. А я в своих комиксах вдохновляюсь славянской мифологий. Мой главный герой — домовенок.

Күннэй резко останавливается, и на секунду мое сердце екает. Она осознала, что связалась с редкостной занудой и теперь думает, как бы сбежать?

Күннэй поворачивается ко мне лицом и вдруг сжимает мои запястья своими мягкими и теплыми ладонями. Она говорит, задыхаясь от восторга:

— Я тоже обожаю фольклор! Знаешь про олонхо?

На мгновение мир вокруг перестает для меня существовать за исключением черных и блестящих глаз Күннэй, которые напоминают ночное небо с россыпью звезд.

Вау! Я впервые встретила кого-то со схожими интересами!

Күннэй отпускает мои запястья, и я, спохватившись, мотаю головой. Күннэй поясняет:

— Это — наше эпическое искусство. Устные сказания про богатырей и богатырок, шаманов и удаганок, которые защищают Средний мир от злых духов.

Күннэй продолжает идти дальше, и я следую за ней. В моей душе разрез в завесе грозовых туч стремительно расширяется. Из каждого оврага с талой слякотью на дне, из-под каждой отсыревшей за зиму коряги, из каждой прошлогодней борозды на еще не засеянном поле, начинают тянуться к солнцу стебельки подснежников.

Белые трепещущие лепестки на черно-серо-буром пейзаже — это частички моей разорванной в клочья души, которые стремятся друг к другу, чтобы вновь стать единым целым. Может ли такое быть, что мои надежды оправдались, и я встретила свою родственную душу? Может ли такое быть, что эта встреча станет живой водой, брызги которой исцелят меня после девяти лет издевательств?

Я запрещаю себе надеяться. Если после нашей первой прогулки, Күннэй решит, что это будет наша последняя прогулка, я буду к этому готова.

— Средний мир? — спрашиваю я. — Никогда не слышала про фольклор саха. И кто такие удаганки?

— Мы верим в три мира: Верхний, Средний и Нижний, а удаганки — это по-другому шаманки. Но погоди, ты же про свой комикс еще не закончила. В чем там сюжет? Я в детстве “Наруто” обожала!

— Ну, у меня, пока что, не такой масштаб, конечно… У меня небольшие главки. И комикс больше подходит для детей детсадовского возраста.

Вспомнив про Соню, я добавляю:

— Вообще-то, мне сама идея пришла благодаря одной знакомой девочке из детского садика. У меня мать воспитательницей работает.

— Круто! А меня младший брат есть. Он в этом году в первый класс пошел. Уверена, ему будет интересно. Так про что там?

Мы с Күннэй доходим до фонтана с поющим журавлем. На лавочках под сенью сиреневых кустов сидят молодые парочки, а рядом с фонтаном мамы следят за детворой: ребята либо играют в догонялки, либо плескаются в теплой водичке. То тут, то там воркуют голуби.

— Главный герой — домовенок Демьян, — говоря это, я, все еще, надеюсь, что к следующей нашей встрече Соня уже забудет про идею переназвать главного героя. — У меня каждая глава — это такое мини-приключение. Домовенок защищает свою доверчивую хозяйку Аксинью от всяких злодеев. В недавней главе…

— Погоди! — перебивает меня Күннэй. — Я передумала. Без спойлеров. Принеси мне самой прочитать. Звучит интересно.

Я польщенно киваю и, воспользовавшись паузой, спрашиваю:

— А ты? Хочешь в театре играть или в кино сниматься? В каких жанрах?

Күннэй ставит руки на пояс, обводит фонтан сияющим взглядом и, набрав полные легкие воздуха так, как будто бы собирается запеть, говорит:

— Я обожаю живые выступления: запах деревянного пола, декорации в гримерке, магия связи твоей души с душами людей в зале. А когда ты, например, сделала что-то смешное, пошутила, и весь зал хохочет — это самое лучшее чувство на свете.

Я смотрю на Күннэй и киваю каждому ее слову, а когда она заканчивает, я восклицаю:

— У меня также! Я иногда задумывалась: может, стоит перейти в цифровой формат. Но я обожаю запах стружки, когда точишь карандаши, запах нового альбома, шорох страниц.

Күннэй поворачивается ко мне с широкой улыбкой:

— Так ты тоже — старая душа! Это меня так подружки дома прозвали — кырдьаҕас дууһа — Стародушка. Они — технари и не особо понимают искусство. Я им говорю, что могу репетировать хоть с утра до ночи, и что сцена — это мой второй дом. А они меня не понимают. Мол, как так? Понятно, если бы я мечтала стать второй Николь Кидман или Анджелиной Джоли.

Күннэй усмехается, видимо, вспоминая старые шутки с подругами, а потом продолжает:

— Я пытаюсь им объяснить, что для меня нет такой финальной точки, что вот, я там вошла в список самых известных и богатых актрис и все, жизнь удалась. Мне вообще это не важно.

— Да! — Я восклицаю сдавленным от ликования голосом. Моя душа расцветает, будто сирень. — Я тоже рисую не ради славы или денег. Даже если мои комиксы не будут раскупаться, я, все равно, буду продолжать рисовать.

Я смотрю на Күннэй, которая на миг отворачивается и смотрит вперед в том же направлении, что и поющий журавль в фонтане. Своими длинной и тонкой шеей и тем, как она стоит с прямой спиной, вытянувшись в струнку и горделиво вскинув подбородок, она напоминает мне стерха, которого я видела один раз в детстве. Я словно бы перемещаюсь в заросли камыша на берегу заросшего тиной и кувшинками лесного озерца. Мы с бабушкой тихо стоим и смотрим, как огромная птица с длинной изящной шеей, продолговатым черным клювом, и тонкими, будто спички, ногами, расправляет гигантские белые крылья и взмывает ввысь. Золотая радужка глаза, обрамленного перьями цвета спелой брусники, блещет в лучах солнца. Пара сильных взмахов, и птица скрывается из виду за кронами дубов, чья шелестящая листва издает такой же звук, какой издает журчащий по овражку ручей. “Стерх?” — спрашивает бабушка, щурясь вслед исчезнувшей, будто мираж, птице, и я замечаю в ее покрасневших глазах слезы.

Күннэй снова поворачивается ко мне и говорит:

— Обязательно дай почитать свои комиксы.

Я киваю. Разумеется.

Күннэй, как я счастлива, что ты заговорила со мной!

Күннэй говорит:

— Ты, кстати, как? Не проголодалась еще? Можем ко мне зайти. Я тут неподалеку живу. Мы с сестрой снимаем однушку в Хомутовском тупике. Пятнадцать минут пешком.

Я теряюсь. Меня еще никто из сверстниц не приглашала к себе в гости. Как себя ведут в таких ситуациях? Когда мать идет к кому-то в гости, она обычно захватывает с собой гостинцы: коробку конфет или тортик.

И что, если сестра Күннэй — дома? Хотя я чувствую себя с Күннэй на одной волне, все равно, мы с ней едва знакомы. Что, если я не понравлюсь ее сестре, и Күннэй почувствует это и решит подыскать себе другую подругу?

Я говорю:

— У тебя есть сестра? А я ей не помешаю случайно?

— Нет, не парься! — Күннэй машет рукой. — Она сейчас на работе. Она работает в газете. И у нее есть молодой человек. Она с ним по вечерам. Так что, идем?

— Да, спасибо за приглашение.

— Супер!

Күннэй с энтузиазмом направляется к выходу из парка.

— Кстати, чуть не забыла. Ты случайно не вегетарианка? У меня — рыбный суп на обед.

— Нет-нет, все в порядке. Еще раз, большое спасибо.

Я не запоминаю маршрут до дома Күннэй, потому что мечты о будущем занимают все мои мысли. Я знаю, что все сложится не так, как я хочу, но мне не удается взнуздать свою фантазию. Как будет здорово на всех уроках сидеть с Күннэй, проводить с ней перемены, ходить вместе в столовую, гулять и любоваться сменой времен года! И главное, надо не забыть завтра вместе с комиксом принести новой подруге коробку конфет в благодарность за сегодняшний обед.

Дом Күннэй оказывается старой пятиэтажкой. По периметру растут высокие клены и каштаны. Вдоль потрескавшегося тротуара плотно припаркованы старые легковушки. Подъезд замусорен выпавшими из почтовых ящиков буклетами и изрисован граффити.

Күннэй ведет меня на пятый этаж, отворяет обитую кожей черную дверь, и я, заручившись ее поощрительным кивком, с огромным интересом захожу внутрь.

В маленькой прихожей с выкрашенными в приятный бежевый цвет стенами справа стоит шкаф открытого типа из светлого бука, а слева — невысокая черная обувница. Все крючки в

шкафу заняты одеждой. На каждом висит по несколько пальто, кардиганов и осенних курточек разных цветов и фасонов. Обувница переполнена обувью: от многообразия лоферов, туфель на шпильках, кроссовок, и сникеров разных цветов и брендов, у меня начинает рябить в глазах.

— Извини за бардак. Не ждала гостей! — говорит Күннэй.

Она снимает сникеры, бросает на пол рюкзак и, присев на корточки перед нижними ящиками шкафа, достает элегантные тапки с большими белыми помпонами и ставит их передо мной.

Сама остается босиком. Делает несколько шагов вперед и замирает в коридоре, повернувшись ко мне лицом. У нее за спиной виднеется просторная комната с балконом.

Махнув левой рукой в сторону, Күннэй говорит:

— Там — ванная и кухня, — затем, указав себе за спину, поясняет, — а там — наша с Саргыланой комната. Спальня и гостиная в одном флаконе.

Я стягиваю свою темно-синюю кофточку, которую я прикупила на рынке в начале весны. Моя рука замирает на полпути к крючкам в шкафу. Я могла бы повесить кофточку на крючок поверх бежевого кардигана, но его мягкая и тонкая кашемировая ткань выглядит настолько неземной, что меня охватывает страх, что она порвется, как паутинка, от одного прикосновения к ней грубой материи. Тут же из глубин памяти всплывают мерзкие воспоминания о том, как в средней школе одноклассницы начали краситься, щеголять в платьях и носить туфли на шпильках, а я единственная ходила на уроки строго в школьной форме и без макияжа, потому что чувствовала, что любая моя попытка принарядиться будет выглядеть жалко и только усилит поток дразнилок и обзывательств в мой адрес.

— Вешай, куда хочешь, — говорит Күннэй, выдергивая меня из ступора.

Я складываю кофточку и кладу ее рядом с ложкой и щеткой для обуви на верхнюю поверхность двух ящиков, расположенных внизу шкафа.

Затем я поворачиваюсь к тапкам и снова зависаю. Внезапно я осознаю, что мне было так комфортно рядом с Күннэй не только потому, что мы оказались с ней на одной волне в плане нашей беззаветной любви к творчеству, но еще и потому, что я не почувствовала в ее поведении скрытого намека, который всегда исходил в мой адрес от других девочек: “Я — красавица, а ты — уродина.”

С самых первых минут знакомства я почувствовала, что Күннэй не заботилась о том, чтобы выглядеть, как модель из рекламного ролика. Об этом мне сказал ее неформальный стиль — худи и тактические штаны и отсутствие макияжа и маникюра. И потом на уроке физры, она выложилась по полной, не обращая внимания на пот и растрепавшиеся волосы.

Теперь, пока я созерцаю белые помпоны на тапках, моя уверенность в том, что Күннэй не будет осуждать мою скромную одежду расшатывается. Что, если Күннэй, оказывается, модница? Может быть, мне стоит убрать эти тапки, которые выглядят под стать ухоженным ступням французской принцессы, а не моим ногам, которые никогда не знали педикюра, обратно в шкаф, натянуть обратно свою кофточку, придумать отговорку о срочной смене планов и сбежать?

Я решаю повременить, выяснить отношение Күннэй к моде наверняка.

— Мне нравится твой стиль. Очень элегантный, — говорю я, указывая в сторону верхней одежды.

Күннэй отвечает со смехом:

— Это все — Саргыланы. Та еще модница. Ты еще ванную не видела.

У меня тут же отлегает от сердца.

— А тапки — тоже ее? — спрашиваю я. — Она не будет против?

— Нет, что ты? — Күннэй снова смеется. — У нее их — тысячи. Она даже их все не носит.

Теперь с уже совсем спокойным сердцем я надеваю тапки и иду в ванную мыть руки. Просторная комната со стенами, облицованными аквамариновой керамической плиткой с узором из рифовых рыбок, вмещает в себя ванную, унитаз, раковину с тумбой и стиральную машину.

По обеим сторонам от зеркала в стену вмонтированы полочки, и все шесть плотно заставлены разными флаконами, тюбиками и пластиковыми бутылками. Тут вперемешку и туалетная вода, и духи, и средства для ухода за кожей и волосами, и косметика, и лаки для ногтей.

Шести полочек и тумбы под раковиной явно недостаточно, чтобы вместить все продукты для ухода за внешностью. На двери висит вертикальный ряд тканевых полочек, каждая из которых прогибается под тяжестью пластиковых бутылок уменьшенного размера — такие обычно покупают, если собираются в поездку на несколько недель.

Стеклянная поверхность вокруг раковины заставлена стаканами: в одном, где между стенок плавают в голубой жидкости пластмассовые рыбы-клоуны, стоят щетки и тюбики с зубной пастой, в другом, обычном и непрозрачном — коллекция расчесок, которая состоит из деревянных гребней и массивных расчесок с зубьями. В остальных непрозрачных стаканах — разнообразные кисточки и расчески для нанесения макияжа.

Дальние углы ванной, где ванная упирается в стену, тоже заставлены так, что там нет свободного места. Я насчитываю три бутылки с жидким мылом, три шампуня и три кондиционера. Пробежав глазами по описаниям, я собираю целый букет экзотических ароматов: кокос, апельсин, лаванда, яблоня.

Я выскальзываю из тапок и перешагиваю босыми ступнями на пушистый белый коврик под раковиной. Пока я мою руки душистым мылом и брызгаю теплую водичку на лицо, я вновь испытываю облегчение от того, что вся эта коллекция средств для ухода за собой принадлежит сестре Күннэй. Я чувствую, что если придется, то я смогу со спокойной душой признаться Күннэй в том, что я без понятия, как называются средства для макияжа и, уж тем более, в какой последовательности их наносят. Она не станет меня осуждать.

Кухня оказывается небольшой комнатой серо-голубого цвета с линолеумом на полу. Окно, выходящее на пятиэтажку напротив, занавешено прозрачными занавесками. Соседские окна скрыты из виду густой кроной каштана.

Я замираю рядом с деревянным столом, накрытым белой скатертью с подсолнухами, и смотрю на Күннэй, которая уже успела переодеться в просторную серую футболку с рисунком черного скакуна на фоне заходящего солнца и в удобные черные штаны по колено.

То, как Күннэй перемешивает суп на плите, поставив одну руку на пояс, аромат запекающейся в духовке рыбы, запах нарезанной на разделочной доске мяты, столбы сверкающей пыли в просачивающихся сквозь листву лучах солнца — все это внезапно складывается воедино и переносит меня в единственное место и время в моей жизни, когда я была счастлива и когда я чувствовала себя дома.

Я — снова маленькая девочка. Я сижу за дубовым столом в деревенском доме и наблюдаю то за тем, как бабушка хлопочет возле печи, то за тем, как дедушка строгает что-то ножом. Ни кухня в московской квартире, где я жила с родителями до их развода, ни кухня в нынешней двушке, которую мать купила на часть денег с продажи деревенского дома — ни в одной из этих кухонь никогда не было домашнего уюта.

Если бы это было возможно, я бы хотела проводить все вечера в гостях у Күннэй.

— Прошу к столу, — Күннэй уже закончила разливать дымящийся суп по тарелкам и, взяв одну двумя руками, переносит ее на стол.

Я сажусь лицом к окну и не успеваю и глазом моргнуть, как моя новая подруга и хозяйка ловко накрывает на стол: две горячие тарелки с супом, две тарелки с рыбой и одна большая тарелка с ломтиками свежего черного хлеба.

Усевшись напротив, Күннэй берет ломтик хлеба, окунает его в суп и, откусив, закрывает глаза. Прожевав, она говорит:

— Ммм… Как я проголодалась!

Она принимается быстро хлебать суп ложкой.

Я привыкла есть одна. Обычно пока я ем, медленно пережевывая каждый кусочек, я либо слушаю музыку, либо смотрю что-нибудь на Ютубе, либо просто скитаюсь по интернету. Сейчас я без понятия, как себя вести.

— Что-то не так? — спрашивает Күннэй, прикрывая рот ладонью.

— Нет, нет, все отлично, — я поспешно делаю глоток соленого бульона и отвечаю на немой вопрос подруги. — Очень вкусно!

Тут я краем глаза замечаю фотографии на стене над столом и поворачиваюсь рассмотреть их поподробнее.

Күннэй тут же принимается мне про них рассказывать. Она как-то умудряется одновременно и говорить, и с большим аппетитом поглощать рыбу и суп. Сразу видно, что она привыкла есть в компании.

— О, вот тут мы — всей семьей, — Күннэй показывает лоснящимся от рыбьего жира мизинцем на горизонтальную фотографию в синей рамке, которая висит в самом центре. — Это — мои мама с папой, брат Хоочугур и Саргылана. Мы тут на Ыһыах, в городе Мирном. Это, наверное, четыре года назад было. Саргылана только бакалавриат закончила. В МГУ. Журфак.

Я разглядываю семью, стоящую на фоне бескрайнего зеленого поля. Родители Күннэй стоят по краям. Оба одеты в праздничную национальную одежду: папа — в коричневый кафтан, черные штаны и расшитые узорами сапоги, а мама — в длинное до пят белое платье. Ее голову украшает металлический обруч с подвесками, на груди висит тяжелое серебряное ожерелье, а на запястьях серебрятся два тяжелых браслета цилиндрической формы.

Рядом с мамой стоит Саргылана с распущенными волосами длиной чуть ниже плеч. В отличие от мамы и младшей сестры, Саргылана ярко накрашена и одета не в национальное платье, а в легкую белую блузку, светлые просторные брюки и туфли на каблуках. У нее у единственной из женской половины семьи нет на голове обруча с подвесками.

Вглядываясь, я замечаю, что Күннэй и Саргылана похожи на свою маму овальной формой лица, густыми черными бровями и тонкими длинными губами, в то время, как стоящий в самом центре композиции мальчик, которому на вид года три или четыре — вылитая копия отца. У него точно такое же круглое лицо, узкий нос и подбородок с ямочкой посередине.

— Ысыах? — переспрашиваю я.

— Правильно Ысэх. Это — наш национальный праздник, — говорит Күннэй, нанизывая кусочек рыбы на вилку, окуная его в суп и отправляя себе в рот. — Мы его отмечаем в день летнего солнцестояния. Его проводят ежегодно в разных городах или селах. Целый день — соревнования, выступления, конные скачки, ярмарка. Самая главная часть праздника — это круговой танец осуохай и встреча солнца.

— Очень интересно.

— Да, в следующем году республиканский Ыһыах у нас в селе будет. Если захочешь в гости, буду твоим гидом.

— В гости?

— Ну да. Я тебя по тайге потаскаю. Ягоды, грибы, рыбалка, купание — лучше не придумаешь!

— Будет здорово, мне бы очень хотелось, — говорю я, вспоминая свое счастливое деревенское детство.

— Тогда заметано.

Вау! Неужели это реально может произойти, что я следующим летом полечу в гости к Күннэй в республику Саха? Даже не верится!

Ладно, до этого еще далеко. Посмотрим, как будет развиваться наша с Күннэй дружба. Со своей стороны, я чувствую, что все сильнее к ней привязываюсь. Я знаю ее, всего лишь,

пару часов, а уже восхищаюсь ее открытостью, спонтанностью и тем, как жизненная энергия бьет из нее неиссякаемым ключом.

Тут мой взгляд падает на фотографию, где Күннэй сфотографирована по пояс с двумя девочками ее возраста. Все трое одеты в слитные купальники, и у них у всех мокрые волосы, как если бы они только недавно выбрались из озера на заднем плане. Я сразу понимаю, что это — лучшие подруги Күннэй.

От укола ревности у меня портится настроение. Что если Күннэй вскоре обнаружит, что я — зануда по сравнению с ее подругами детства и найдет себе кого-то поинтереснее? Может, лучше было и вовсе не вкушать счастье зарождающейся дружбы.

— Милана и Лилия, — Күннэй, не подозревая о моих чувствах, указывает мизинцем на лица подруг. — Мы часто созваниваемся. Я вас как-нибудь познакомлю. Уверена, вы друг другу понравитесь.

Я смотрю на Күннэй в изумлении. Она как будто бы читает мои мысли!

— Буду рада знакомству, — ко мне возвращается аппетит, и я наворачиваю несколько ложек супа.

Тем временем, Күннэй с аппетитом доедает последние ложки супа и, отставив пустую тарелку в сторону, подвигает к себе рыбу и рьяно за нее берется.

Некоторое время мы едим молча, а потом я замечаю фотографию, где Күннэй сидит верхом на черном коне.

— Вау! Ты умеешь ездить верхом?

Күннэй явно оживляется. Она кладет рыбу обратно на тарелку, выпрямляется, расправляет плечи, вскидывает подбородок и говорит:

— Да, это Саапас — мой друг детства.

Я рада возможности засыпать подругу вопросами:

— Саапас? Это ты сама придумала?

— О! У этого имени — целая история. Сейчас расскажу.

Күннэй достает изо рта несколько косточек, выкладывает их на край тарелки, облизывает пальцы и, сплетя их в замок и положив перед собой, говорит:

— Помнишь про олонхо?

— Да.

— Исполнять олонхо — это целое искусство. Меня мама (она у меня — учительница истории и МХК в школе) с детства начала учить. Я ей очень благодарна.

У меня столько вопросов, что я не удерживаюсь и перебиваю подругу:

— Погоди, ты же сказала, что олонхо — это ваше эпическое искусство. Я думала, оно, как древнерусские былины — уже в прошлом.

Күннэй яростно мотает головой:

— Нисколечки! В Якутске есть целый классический театр “Олонхо”. Его цель — сохранять наш эпос. И у нас еще есть организация “Молодые олонхосуты”. Олонхосуты — это так исполнители олонхо называются. И каждый год на Ыһыах проводится конкурс лучшего исполнителя или исполнительницы олонхо.

Теперь я до конца понимаю, почему Күннэй так обрадовалась, когда узнала, что я создаю комикс по мотивам из славянского фольклора. Оказывается, она любит олонхо не просто, как памятник культуры, а как живой вид искусства.

— А ты когда-то участвовала? — спрашиваю я.

— Нет, но в будущем — непременно… Может, даже в следующем году.

Күннэй поднимает голову и мечтательно подпирает нижнюю скулу костяшками левой руки. Однако, уже через секунду она возвращается в реальность и, подавшись корпусом вперед, говорит:

— Так, я же тебе про Саапаса рассказывала.

Я киваю и отметаю прочь роящиеся в голове вопросы: как правильно исполнять олонхо? Олонхосуты аккомпанируют себе на музыкальных инструментах, как древнерусские сказители — на гуслях? Какой приз достается лучшему олонхосуту?

Еще будет время обо всем расспросить; я надеюсь.

Күннэй начинает рассказ:

— Однажды летом мама задала мне выучить “Нюргуна Боотура”. Это — одно из самых известных олонхо. Мне тогда лет семь-восемь было. И вот я однажды сижу у себя в комнате и учу эпизод про скачки. Там конь Нюргуна соревнуется с конем одного злого богатыря из Нижнего мира. И вот я, значит, учу себе, учу, и вдруг… Ба-бах!

Күннэй раскидывает руки в стороны для эффекта и продолжает:

— Такой раскат грома, что, аж, весь дом содрогнулся. Смотрю в окно, а там — ничего не видно. Плотная завеса дождя. И вдруг начинается стук, как будто бы, знаешь, великаны забрасывают дом камнями. Приглядываюсь, а это — град. Каждая градина — размером со спелую вишню.

Күннэй изображает кольцо, соединив подушечки большого и указательного пальцев. В ответ я расширяю глаза — вау! Я никогда не видела такого большого града.

— Гроза быстро прошла. У нас всегда летом так: сначала хлынет, как из ведра, а через пять минут, раз, и все закончилось. Как кран закрутили. И тут папа со двора мне кричит: “Күннэй, бегом сюда. Самулина родила!” А это была моя мечта — увидеть новорожденного жеребенка. Я, значит, вскакиваю, несусь в конюшню, а там — жеребенок!

Голос Күннэй подпрыгивает на октаву вверх, и она складывает ладони лодочкой. Ее глаза сияют от счастливого воспоминания.

— Мама с папой спрашивают, как я хочу его назвать. А в том отрывке, который я учила, на коней во время скачек налетает черный западный ветер Саапас. Это — лютый такой ветер, ветер, который валит с ног, который нагоняет столько туч, что там, аж, четыре грома громыхают. Я смотрю на жеребенка, а он — весь черный. Так и родилась идея назвать его Саапасом.

— Классная история, — говорю я с удовольствием.

Күннэй доедает последние кусочки рыбы и, составив друг на друга пустые тарелки, встает из-за стола и отходит к раковине помыть посуду.

Я торопливо доедаю свою порцию. Күннэй собирается было помыть и мои тарелки, но я настаиваю на том, чтобы сделать хоть что-то полезное. Пока я тщательно тру посуду губкой, Күннэй хлопочет у меня за спиной: достает что-то сначала из холодильника, потом из верхнего шкафчика, гремит чайником. Когда я управляюсь с посудой, она приглашает меня за собой в главную комнату.

Первое, что бросается мне в глаза — это кофейный столик перед кожаным диваном. На нем как будто бы развернулась скатерть-самобранка: в центре стоят две глубокие тарелки, одна из которых доверху заполнена лепешками, а в другой щедро наложена то ли сметана, то ли сгущенка. На краю стола стоят две дымящиеся кружки с мятным чаем.

И когда только Күннэй успела так быстро организовать чаепитие?

Пока я удивляюсь, моя новая подруга уже усаживается на диван по-турецки и говорит, указывая на угощения:

— Это — якутские лепешки. С творогом. А это — наш традиционный десерт. Керчех называется. Сметана, сливки и ягоды.

— Никогда не пробовала, — говорю я и усаживаюсь на диван рядом с подругой.

— Ну так, вперед. Заценивай.

Следом за Күннэй я беру одну из мягких, лоснящихся от масла лепешек, окунаю ее в керчех и, подставив ладонь под подбородок, медленно откусываю. Ммм… Какая вкуснятина! Творожное тесто со сладкой начинкой словно бы тает у меня на языке. Я не помню, когда в последний раз я бы вот так наслаждалась чаепитием.

Я перестала праздновать дни рождения в 12 лет и запретила матери покупать себе торты и подарки. Когда мне исполнилось 13 лет, я перестала ходить с матерью на новогодние посиделки к ее подругам и коллегам по работе. С 14 лет мое ежедневное меню никогда не меняется: манка по утрам, на обед — суп, пюре или гречка с бутербродом и салатом, на ужин — макароны с сыром.

Сейчас, пока я сижу бок о бок с Күннэй, которая, как я надеюсь, станет моей первой в жизни подругой, каждый кусочек лепешки с керчехом, каждый глоток мятного чая кажется мне празднованием начала нового пути.

О, как я хочу, чтобы эти минуты длились целую вечность!

— Огромное спасибо. Изумительно! — я подчеркиваю свои слова парой одобрительных кивков.

Некоторое время мы едим в тишине, и я пользуюсь возможностью оглядеться. Напротив дивана стоит односпальная кровать, заправленная темно-синим одеялом. Над кроватью висит длинный вертикальный календарь с четырьмя секциями. Самая верхняя — это обложка с золотым двуглавым орлом на фоне российского флага. Три нижних секции — это недели августа, сентября и октября. Под кроватью аккуратно составлены пушистые белые тапочки. При виде этих тапочек я догадываюсь, что на этой кровати спит Саргылана.

Вторая односпальная кровать, заправленная белым одеялом, находится под выходящим на балкон окном. За изголовьем стоит прикроватный столик, на котором установлены ночник и украшенная витиеватой резьбой деревянная шкатулка. На подоконнике над кроватью выложена коллекция из камней и речных ракушек.

Рядом с диваном стоит большой письменный стол с выдвижными ящиками. Полочка над столом заставлена книгами и учебниками. На столе лежит, заряжаясь, небольшой компьютер серебряного цвета.

После чаепития, Күннэй предлагает собрать пазл — пейзаж со стаей императорских пингвинов на фоне бескрайней снежной пустыни. Я соглашаюсь, и пара часов пролетает незаметно.

Мы с Күннэй обсуждаем все на свете. Наш разговор то бурлит бурным потоком, то затихает, то закипает вновь. Я узнаю много нового о том, как саха живут в селах и деревнях при -60 градусах зимой, про базовые навыки выживания в лесу, про ускоряющееся из-за глобального потепления таяние вечной мерзлоты и про пожары, которые уничтожают большие участки тайги чуть ли не каждое лето.

Хотя я уже готова довериться Күннэй всем сердцем, я удерживаю себя от того, чтобы поделиться с ней сокровенными темами: сложными отношениями с матерью и тем, как надо мной издевались в прошлой школе. Еще не время. Я хочу дождаться тех пор, когда я буду точно уверена, что Күннэй меня не бросит. Поэтому в ответ на вопросы о своем прошлом, я только очерчиваю общие контуры: в детстве я каждое лето ездила к бабушке с дедушкой в деревню Ивановку в республике Коми; в школе я участвовала в олимпиадах по ИЗО, но ни разу не прошла дальше городского этапа; я решила перевестись в лицей, потому что, также как и Күннэй, подумала, что обучение в престижной старшей школе повысит мои шансы поступить в МГАХИ или Вышку; мои родители рано развелись, и мой отец уже давно не участвует в моей жизни.

Когда мы с Күннэй заканчиваем собирать пазл, оказывается, что на улице уже зажглись фонари.

— Извини, совсем потеряла чувство времени! — восклицает Күннэй. — Ты далеко живешь? Если что, можешь у меня переночевать. Я себе на диване постелю. Саргылана все поймет.

— Нет-нет, все в порядке. Я на метро быстро доберусь.

— Ну ладно. Напиши, когда вернешься домой. И дай телефон своей мамы. На всякий случай.

Я тронута заботой Күннэй. Моя новая подруга — чудо, дар судьбы. Мы обмениваемся номерами телефонов, и я вбиваю в ее список контактов номер Валентины Михайловны.

— До завтра, и не забудь свой комикс, — говорит Күннэй мне на прощание.

— Обещаю!

Всю дорогу домой я чувствую в теле необыкновенную легкость, как если бы я сидела не в грохочущей электричке после долгого дня, а была пушинкой, парящей в тихой вышине среди летних облаков.

Как только я перешагиваю порог квартиры, я первым делом здороваюсь не с матерью, которая выходит меня встретить, а отписываюсь Күннэй:

Алина: ***Я дома. Спокойной ночи!***

— Алиненок, все в порядке? — спрашивает мать, изображая озабоченность. — Что-то ты сегодня задержалась. Я уже переживать начала.

Ответ от Күннэй приходит мгновенно.

Күннэй: ***Ура! Добрых снов!***

Выключив телефон, я наклоняюсь, чтобы разуться и отвечаю на вопрос матери:

— С одной девочкой познакомилась. Она меня в гости позвала.

Когда я выпрямляюсь, мать все смотрит на меня, как будто бы ждет продолжения. Я качаю головой, говорю: “Очень устала,” и иду в свою комнату.

Все, что я сейчас хочу — это насладиться горячим душем и лечь спать. Может быть, сегодня во снах я буду летать.

Глава 3

На следующий день я просыпаюсь за десять минут до будильника и с необыкновенной для себя легкостью выпрыгиваю из кровати и бегу умываться. Наспех позавтракав и в сотый раз перепроверив, что мой альбом с комиксом за ночь никуда не делся и все еще находится в моей сумке между учебников, я одеваюсь в свою любимую черно-белую водолазку с прямоугольным разрезом и белые брюки и спешу в прихожую.

Пока я завязываю шнурки на кроссовках, мне вспоминается, что однажды в средней школе я начала вести дневник, где я каждый вечер зарисовывала какое-нибудь самое яркое впечатление минувшего дня. Сейчас меня охватывает желание создать два рисунка:

9 сентября 2014: портрет Күннэй в профиль со стерхом на заднем плане.

10 сентября 2014: пейзаж в стиле импрессионизма, где над зеленым полем сияет радуга.

Может быть, мне стоит возродить тот дневник.

— Хорошего дня! — кричу я матери перед тем, как выскочить за порог.

Это мое прощание настолько выбивается из привычной рутины, что я слышу, как мать, которая завтракает хлопьями с молоком, с бряканьем отпускает ложку, со скрежетом отодвигает табуретку и спешит в коридор.

Я замираю, обхватив ручку двери пальцами.

Завернув в прихожую, мать говорит:

— Спасибо, Алиненок. Тебе тоже.

Мы неловко машем друг другу руками, а потом я выхожу на площадку и закрываю за собой дверь.

Мое радостное возбуждение длится недолго. Когда после тряски в переполненном автобусе, я с трудом протискиваюсь в вагон поезда в метро, меня внезапно пугает стая мыслей, налетевших черными воронами: “Что, если я все не так поняла? Что, если Күннэй вовсе не горит желанием и дальше со мной сближаться? Что, если она попросила показать комикс из вежливости и уже забыла об этом? Что, если все, что вчера произошло было не больше, чем просто актерская игра?”

Радуга в моем сердце тускнеет все больше с каждым шагом вверх по лестнице на второй этаж, где у нас с Күннэй по средам проходит МХК первым уроком. В конце концов, сомнения овладевают мной настолько, что поднявшись на третий этаж и завернув в коридор, я уже не осмеливаюсь поднять глаза.

— Алин, привет!

Я вскидываю голову. Сегодня Күннэй одела вместо худи футболку с рисунком Наруто. Ее сияющее радостью лицо напоминает мне выглянувшее из-за тучи солнце, от чьих лучей побледневшая было радуга в моей душе вспыхивает с новой силой.

— Я принесла комикс, — говорю я, хлопая рукой по сумке.

— Супер! А у тебя тоже кино — последняя пара? Хочешь снова в гости? — спрашивает Күннэй и добавляет с усмешкой. — Саргылана не ест мучное, и мне с лепешками помощь нужна.

Я киваю прежде, чем успеваю остановить саму себя: ведь получается, я второй раз приду в гости с пустыми руками. Но мне так понравилось вчера вечером с Күннэй, что я не могу отка-

заться. Кроме того, я с таким нетерпением ждала первое занятие по основам кино в Вышке, что я буду рада обсудить его потом с новой подругой.

Тут раздается звонок на урок, и я делаю себе в мыслях заметку купить две коробки конфет и подчеркиваю эту зарубу двойной жирной линией.

Күннэй садится за вторую парту в ряду возле окна, и, когда я замираю рядом в нерешительности, она показывает рукой на свободный стул, мол, садись, чего встала? Как это приятно — сидеть за одной партой с той, кто не посмеивается над тобой каждую секунду. Я краем глаза наблюдаю за тем, как Күннэй выкладывает на стол учебник по МХК, толстую тетрадь в твердой черной обложке и большой красный карандаш с черным грифелем.

Тут в кабинет быстрыми и уверенными шагами заходит Даниил Иванович — высокий худощавый мужчина с сединой на висках. Он одет в свои неизменные черный костюм, белую рубашку и черные оксфорды.

Даниил Иванович начал пугать меня с первого же занятия, когда на вопрос одной девочки: “Почему мы проходим архитектуру и письменность? Это же не художественная культура,” — он сказал: “Я на глупые вопросы не отвечаю.”

Теперь я быстро опускаю глаза, открываю свою тонкую зеленую тетрадь и принимаюсь крутить в пальцах шариковую ручку. Я предчувствую, что мое сердце вот-вот затрепещет, как птица в западне.

Однако, вот Даниил Иванович уже со стуком поставил свой кожаный портфель на учительский стол, а я — спокойна. Видимо, мне придают уверенность размеренное дыхание Күннэй и то, как она сидит, откинувшись на спинку стула и расслабленно опустив руки на колени.

На проекционном экране высвечивается тема сегодняшнего урока: “Изобразительное искусство и музыка Древнего Египта”. Под заголовком — фотография знаменитой маски Тутанхамона.

Даниил Иванович откашливается и принимается монотонным голосом преподавать материал, но меня это нисколько не отталкивает. Я бросаюсь записывать каждое слово, потому что мне интересно абсолютно все, что касается художественного канона в Древнем Египте, начиная с того, что согласно правилам, скульптуры мужских тел окрашивались красно-коричневыми цветами, а женщин — желто-розовыми, и заканчивая тем, что все древнеегипетские живописцы при создании человеческих фигур ориентировалась на длину среднего пальца руки при измерении пропорций.

Очередной слайд сменяется, и на экране высвечивается надпись: “Смерть скоро настигнет того, кто осмелится нарушить покой мертвого правителя.” Под этой надписью находится черно-белая фотография, на которой запечатлен археолог, склонившийся над золотым саркофагом.

Пока Даниил Иванович прокашливается в кулак, я переживаю флешбек. Накануне Старого Нового года учительница литературы в моей прошлой школе задала прочитать рассказ Конан Дойля "№ 249", а во время классного обсуждения заинтриговала весь класс двумя реальными историями.

Одна касалась, как раз, усыпальницы Тутанхамона: оказывается, в течение 10 лет после вскрытия усыпальницы по разным причинам умерло больше десяти участников экспедиции.

Другая история была о вскрытии могилы Тамерлана в Самарканде. Вопреки предостережению, что если потревожить покой Тамерлана, то на мир обрушится поток демонов войны, советские ученые вскрыли гробницу 21 июня 1941-го года.

“Я ничего не утверждаю,” — сказала учительница, и в этот момент лампа над доской замигала. — “Верить или не верить — решать вам, но что-то мне подсказывает, что чей-то дух нас с вами слушает.”

На перемене после урока заинтригованные девочки устроили спиритический сеанс общения с духами Тутанхамона и Тамерлана.

Сделав несколько глотков воды, Даниил Иванович преподносит слайд весьма прозаично:

— Как я уже сказал на первом занятии, искусство отражает мировоззрение и образ жизни конкретных обществ в конкретные эпохи. Усыпальницы фараонов — яркий пример. Они отражают верования древних египтян в загробную жизнь и позволяют реконструировать быт тех времен.

Даниил Иванович переключает слайд. На новой фотографии запечатлены двое мужчин и одна женщина в одежде викторианской эпохи.

— Для начала немного истории. Усыпальницу Тутанхамона обнаружил британский археолог Говард Картер в 1923-м году. Это — одно из величайших археологических открытий 20-го века, потому что, каким-то чудом, усыпальницу не разграбили, и в ней прекрасно сохранилось множество ценных артефактов.

Я сосредоточена на том, чтобы правильно записать имя и дату и поэтому вздрагиваю, когда Даниил Иванович говорит:

— Протодьяконова, я же говорил: не надо перебивать меня с вопросом про туалет. Вы не в начальной школе.

Күннэй опускает руку и отвечает:

— У меня вопрос по лекции.

Прежде, чем Даниил Иванович успевает напомнить моей подруге о том, что все вопросы — в конце урока, Күннэй быстро говорит:

— Вы сказали: “величайшее археологическое открытие”. Я не совсем согласна со словом “величайшее”. Величайшее для кого?

Даниил Иванович начинает было говорить, но Күннэй с ошеломительной для меня смелостью продолжает говорить поверх преподавателя. В итоге, тот тяжело вздыхает, берет из стакана с письменными принадлежностями блестящую черную ручку и принимается постукивать ей по столу.

— Вы показали цитату про угрозу смерти, так? Значит, древние египтяне и их жрецы не хотели, чтобы в гробницу совались чужаки. Неважно, грабители или британские археологи. Никакое это не величайшее открытие. Это — надругательство самое настоящее.

Вау! Я смотрю на Күннэй с восхищением. Мне бы никогда не хватило смелости завести дискуссию с авторитетом. Вне сомнений, из моей подруги выйдет отличная актриса — кажется, ей не знаком болезненный страх перед реакцией людей на ее действия.

А еще я обожаю то, что Күннэй говорит, что думает. Я люблю, когда люди высказывают свои мысли прямо, без утайки. Мне очень не хватало этого умения, когда в прошлой школе я слышала у себя за спиной обзывательства, но никогда не решалась обернуться и дать обидчикам и обидчицам отпор.

Тишина, которую пунктирует равномерный стук ручки по столу, затягивается. Даниил Иванович сидит, откинувшись на спинку стула и уставившись в пространство перед собой. Мое восхищение сменяется тревогой: что, если учитель сейчас возьмет и осадит Күннэй? Я точно знаю, что на месте подруги, я бы расплакалась от публичного позора.

Наконец, учитель кладет ручку на стол, наклоняется корпусом к компьютеру и, сложив руки, говорит тоном, не терпящим возражений:

— Я не собираюсь тратить время на казуистику.

— Это не казуистика!

У меня внутри все сжимается, потому что я еще никогда не слышала, чтобы кто-то из моих сверстниц повышала голос на старших. Тем временем, Күннэй продолжает возмущенным тоном:

— А спор о том, была колонизация Сибири или было просто мирное присоединение — это тоже, по Вашему, казуистика? Вы же сами сказали, что искусство отражает мировоззрение.

То, как мы называем вещи, имеет значение. Это определяет, каким мы видим мир, а значит, определяет наши поступки.

Мысль подруги поражает меня своей оригинальностью; я никогда раньше об этом не задумывалась.

Күннэй все также бесстрашно развивает свою мысль дальше:

— Лично я считаю, что ученые не имеют права разорять древние гробницы “во благо науке”. Вы знаете про принцессу Укока? Я считаю, ее должны захоронить, как этого хотят коренные жители.

Кто такая принцесса Укока?

Даниил Иванович впервые поднимает голову и смотрит прямо на Күннэй взглядом, от которого у меня сердце уходит в пятки.

— Протодьяконова, задержись после урока.

Затем, показательно глянув на часы над дверью в кабинет, он возвращает взгляд к экрану компьютера и говорит:

— Если у кого-то еще начнется словесный понос, выходите из кабинета, не спрашивая. У меня нет времени на глупые дискуссии.

Күннэй шумно выдыхает, откидывается на спинку стула, скрещивает руки на груди и до конца урока не делает ни одной записи. Выражение ее лица — неподвижно и непроницаемо.

Я не могу сосредоточиться на конспекте. Сначала, у меня внутри все бурлит от негодования на учителя. Его нетерпимость к вопросам — явный перебор. Мне вспоминается, например, учительница математики, Мария Ивановна, которая в самом начале первого урока сказала нам: “Глупых вопросов не бывает. Если что-то непонятно, сразу спрашивайте. В науке все великие открытия совершались потому, что люди не боялись задавать вопросы.”

Постепенно эмоции сменяются раздумьями. Күннэй права. Слова имеют значение. Мне вспоминается далекий день, когда я осознанно начала называть женщину по имени Валя не “мамой”, а “матерью”. Это произошло после того, как родители объявили мне о своем разводе. Я помню этот разговор так, как если бы я наблюдала за происходящим сверху из-под потолка в той старой двухкомнатной квартире, в которой мы с родителями прожили шесть лет.

Когда Алина зашла в родительскую комнату, ее отец сидел на черном кожаном диване, закинув ногу на ногу, и смотрел в стену напротив немигающим взглядом. Мать Алины подошла к девочке, взяла ее за руку и усадила на диван. Потом, опустившись перед ней на корточки, она произнесла роковые слова: “Мы с твоим отцом решили подать на развод. Это значит, что мы не будем больше жить втроем.”

Несколько секунд Алина сидела молча, а потом разрыдалась. Мать поднялась было, чтобы ее обнять, но Алина вывернулась и убежала в гостиную. Она бросилась на свою кровать, уткнулась в подушку и принялась выть в голос. Когда мать дотронулась до ее плеча, Алина развернулась к ней и прокричала сквозь рыдания: “Мать, не трогай меня! Это ты во всем виновата! Ты, ты, ты!”

Каждый раз, когда я говорю отчужденное и холодное слово “мать”, я напоминаю сама себе о том, что между мной и предательницей семьи Валей никогда больше не может быть близости. Хотя мы живем с ней в одной квартире, мы фактически находимся в разных мирах.

После урока я жду Күннэй в коридоре.

Минут через десять моя подруга вылетает из кабинета с раскрасневшимся от гнева лицом и, не беспокоясь о том, чтобы закрыть за собой дверь, машет мне рукой, мол, пошли.

Я еле поспеваю за ней вниз по лестнице.

Первую половину пути от лицея до здания Вышки мы идем молча. Хотя Күннэй ниже меня по росту и, значит, шаги у нее короче, она шагает так быстро, что я, хотя и стараюсь изо всех сил, никак не могу ее нагнать. Мы пролетаем мимо памятника Грибоедову. Вокруг гудят автомобили и чирикают воробьи; у нас под ногами шуршат пожухшие кленовые листья.

Я не знаю, как себя вести. Я ни разу в жизни не успокаивала рассерженную подругу. К тому же, я без понятия, как Күннэй отреагирует на мои вопросы. Не зря же существует поговорка: “попасть под горячую руку.” Судя по темпераменту Күннэй, она любит держать любую ситуацию под контролем. Значит, мне лучше подождать, пока она выпустит пар, а потом, возможно, она сама захочет поделиться происшедшим.

Моя гипотеза оказывается верной. Күннэй останавливается перед бронзовым памятником какому-то историческому деятелю. Я никогда раньше не обращала на него внимания.

Мужчина в длинном пальто и сапогах сидит на стуле, положив левую руку на книгу, которую он держит открытой на колене. В первые секунды, пока я разглядываю лицо с азиатскими чертами, я предполагаю, что это — китайский философ. Конфуций?

Надпись на белокаменном пьедестале гласит: “Абай Кунанбаев. Казахский поэт и мыслитель”. Справа от памятника возвышаются два каменных истукана.

Күннэй несколько минут задумчиво разглядывает памятник, потом трет лоб ладонью, поворачивается ко мне и говорит решительным голосом:

— Я решила поменять МХК на исследования современной культуры.

Вот сейчас я чувствую, что она не против обсудить, что произошло и говорю:

— Да уж, жаль, что такой учитель попался. У меня от одного его вида колени дрожат. Я бы, может, тоже поменяла, но, блин… Мне так все интересно.

— Западло, конечно, — соглашается Күннэй, закусив нижнюю губу. — Я так ждала искусство доколумбовой Америки. Поделишься потом конспектами?

— Конечно!

Күннэй хмурится, ставит руки на пояс, хмыкает и, снова подняв голову, переводит взгляд на памятник Кунанбаеву.

— Словесный понос, — повторяет Күннэй слова Даниила Ивановича. — Это же надо такое сказать! Мне у такого человека учиться нечему.

— Согласна. Непрофессионально с его стороны. Мне очень даже понравился твой вопрос. Я никогда об этом не задумывалась. В смысле, о том, что когда археологи раскапывают гробницы, это — неуважение к предкам.

Күннэй поворачивается ко мне с горящими глазами:

— Конечно! Знаешь, мне бы не хотелось, что меня вот так вот откопали через сотню тысяч лет и начали бы изучать под микроскопом. Бррр!

Мою подругу передергивает; эта судорога омерзения выглядит настолько реалистично, что мне сложно сказать, играет Күннэй или нет.

— Мне бы тоже, — говорю я и, подумав, добавляю, — а кто такая принцесса Укока? Никогда раньше не слышала.

— Это — мумия. Ее нашли в Республике Алтай в 90-е. Она очень хорошо сохранилась, потому что в камере в кургане, где она была захоронена, был лед.

Я киваю, и Күннэй продолжает:

— Разумеется, археологи были в восторге. Столько нового материала. Мумию, конечно же, досконально изучили, а потом отдали в музей.

Күннэй морщится и добавляет:

— Это же кощунственно — глазеть на давно умершую женщину. Она, наверняка, не хотела такой участи.

Я соглашаюсь:

— Да, мне бы тоже не хотелось быть экспонатом в музее.

— И что меня больше всего злит — коренные жители Алтая хотят ее захоронить. Но российская бюрократия неумолима. Это — везде так. Империя всегда получает, что хочет, а колонизированные народы не имеют права голоса.

Мне вспоминается, что в споре с Даниилом Ивановичем Күннэй сказала, что есть разница в том, как говорить: колонизация Сибири или мирное присоединение. У меня снова происходит флешбек. На этот раз я оказываюсь на уроке истории. Учительница вызвала меня к доске с поручением расписать в два столбика положительные и отрицательные последствия присоединения Сибири к русскому государству. “Переход сибирских народов от первобытно-общинного строя на более высокий этап развития,” — это был первый пункт в столбике со знаком “плюс”, который я вывела скрипучим куском белого мела.

— Я всегда говорила “присоединение Сибири”, — признаюсь я. — Честно, не думала, что есть какая-то разница.

Глаза Күннэй полыхают.

— Конечно, есть! Моя мама постоянно жалуется на государственную программу по истории. Какое мирное присоединение? Зверские убийства мирных жителей, взятие аманатов, чтобы коренные жители не рыпались и платили ясак, эпидемии, распространение алкоголя.

Я смотрю на Күннэй широко открытыми глазами. О таком мне в школе не рассказывали.

— Не веришь? Я тебе скину пару статей. Там об этом подробно рассказывается.

— Нет, нет, я верю, просто я реально о таком никогда не слышала. Отправь, пожалуйста.

— У меня мама — чудо. Она уже давно ведет дополнительный кружок про историю саха. Это в официальных учебниках нас любят изображать какими-то дикарями.

На этих словах Күннэй я густо краснею. К счастью, она снова смотрит на памятник и не замечает моего смущения.

— Саха на протяжении тысячелетий выживали в сложнейших природных условиях. Для этого, конечно, большого ума не надо, — говорит Күннэй саркастично.

Я в восторге от своей новой подруги. С каждой минутой, которую я с ней провожу, мне все больше кажется, что до знакомства с Күннэй, мир был черной металлической доской, а теперь Күннэй своими словами-резцами выгравировывает на этой однообразной и унылой поверхности сверкающие линии. Ни я, ни Күннэй не знаем, какой рисунок возникнет в конце. Да и вообще, у меня такое чувство, что у этого процесса трансформации моего мира никогда не будет конца. Мой мир теперь всегда будет непредсказуемо меняться благодаря моей подруге.

— И вам, наверное, также не рассказывали про колонизацию Центральной Азии, — говорит Күннэй. — Может, я тебе еще пару статей Абашина скину. Он — эксперт по Центральной Азии.

Күннэй достает из заднего кармана штанов телефон и, проверив время, восклицает:

— Бегом! Десять минут осталось.

Мы торопимся на нашу первую университетскую лекцию в Вышке. Уже на бегу, Күннэй дает мне пару советов:

— Корректно говорить Центральная Азия, а не Средняя. И Кыргызстан, а не Киргизстан. Лучше Саха, а не Якутия. Если сомневаешься, то лучше всего спроси, как местные жители предпочитают.

Я киваю, хотя Күннэй, за которой я вновь никак не могу угнаться, этого не видит.

Пока я тороплюсь следом за подругой, меня внезапно посещает такое чувство, будто бы я на несколько мгновений переношусь в роман “Война и мир”, который я прочитала этим летом, в Москву 19-го века с ее франзуцскоговорящим высшим обществом, знатными семействами графов и князей, купеческими гильдиями и английскими клубами.

Особенно ярко у меня возникают перед глазами мои самые любимые сцены из глав, где молодые Ростовы гостят у дядюшки: во время охоты Ростов видит матерого серого волка с красноватым животом, а потом красную лисицу, которая несется по зеленой траве с пушистым, как труба, хвостом; вечером после сытного ужина из лепешек, курицы и медовых орехов Наташа принимается танцевать под русские народные песни.

Цитата из романа как будто бы впечаталась в мою память: “Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, — эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, — этот дух.”

Я особенно полюбила эти сцены, потому что летом они перекликались с моим комиксом про домовенка Демьяна: пока я рисовала хитрую куму Лисавету, у меня перед глазами стоял образ красной лисицы из романа.

А еще, пока я работала над главой, меня посещало чувство, что мной также, как и Наташей, двигал русский дух.

Когда впереди показывается фасад Вышки, построенный в таком же изысканном архитектурном стиле, как и здания вокруг, мое сердце радостно трепещет. Сегодня — чудесный день трансформаций и открытий. Я впервые не оробела перед Даниилом Ивановичем, впервые увидела пример того, как можно не соглашаться с авторитетами, и вот сейчас, мне предстоит впервые зайти в университет и прослушать настоящую лекцию.

Перед тем, как нырнуть в здание Вышки следом за Күннэй, я бросаю беглый взгляд на полностью пожелтевшие кроны осин. Они, также как и я, радикально изменились за первые недели сентября. Я чувствую с ними близость. Может, осень станет моим любимым временем года.

Когда мы с Күннэй перебегаем просторный вестибюль с блестящим полом и гардеробной с пустыми вешалками, моя подруга оборачивается ко мне с широко открытыми глазами:

— Погоди, ты помнишь номер кабинета?

Меня, как будто бы дергает током, когда я говорю:

— R504, но я, без понятия, где это…

— Я тоже без понятия, но ничего — найдем!

Күннэй разворачивается так резко, что ее длинная черная коса несколько раз качается туда-сюда у нее за спиной, как стрелка метронома.

Если бы я была одна и до начала занятия оставалось бы пять минут, как сейчас, я бы запаниковала. Но сейчас, пока я спешу за подругой, которая мчится вперед так, как будто бы знает нужное направление, я не сомневаюсь, что мы с ней успеем вовремя.

На лестнице пожилая уборщица в голубой косынке неторопливо моет ступеньки шваброй.

Күннэй обращается к ней с вопросом:

— Извините, не подскажите, где тут аудитория R504?

Женщина машет рукой вверх:

— Вам, девчат, на пятый этаж.

— Спасибо огромное! — Күннэй срывается с места.

Я тороплюсь следом, но останавливаюсь, когда женщина добавляет:

— Тут нумерация такая: латинские буквы — это корпуса. Первая цифра — этаж.

— Спасибо! — говорю я и устремляюсь вверх по лестнице.

Моя подруга уже взбегает по следующему пролету.

Как же я восхищаюсь Күннэй. Какая она — бойкая, предприимчивая и находчивая. Я бы, наверное, минут десять пыталась заставить себя задать вопрос незнакомке. Меня бы терзал страх, что случайная встречная подумает обо мне что-то вроде: “Вот дура, не может сама догадаться.”

Мы с Күннэй врываемся в аудиторию за пару минут до начала занятия. К счастью, профессора еще нет, и у меня есть возможность замешкаться на пороге и оглядеться. Кабинет оказывается ровно таким, каким бы мне хотелось — полной противоположностью клаустрофобным школьным классам, где я постоянно чувствовала себя, как в западне.

Напротив просторной кафедры с компьютером, проектором и интерактивной доской находится амфитеатр с количеством рядов, точно, больше десяти. Наши с Күннэй однокласс-

ники и одноклассницы, человек 15, тоже с гуманитарного направления и трека “Креативные индустрии”, сидят за столами в хаотичном порядке. Большая часть ребят сосредоточена в середине. Позади всех сидят, уткнувшись в телефоны, несколько парней. Первые два ряда пустуют.

В моем отличном расположении духа, мне вспоминается сцена из “Маугли”, где Каа шипел Бандар-логам: “Ближе.” Тут же фантазия подбрасывает мне вымышленную сцену. В аудиторию заходит одетый в формальный костюм профессор. Он выглядит как более седой, жилистый и худощавый двойник Даниила Ивановича. Остановившись перед амфитеатром, он манит нас, своих учеников и учениц, рукой и говорит, растягивая гласные: “Бли-и-же-е.”

Я широко улыбаюсь, окидываю ребят взглядом и вдруг встречаюсь глазами с одним из парней.

Он сидит выше всех, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди. У него в ушах блестят белые беспроводные наушники, и он покачивает головой в такт какой-то песне.

Его голубые, как безоблачное небо в крещенские морозы, глаза встречаются с моими и сковывают все мое тело.

Время перестает течь, и я как будто бы застываю в льдине.

С высоты птичьего полета на меня смотрит парящий в небе Финист ясный сокол.

Да, если бы я иллюстрировала одноименную сказку, я бы выбрала прототипом именно этого молодого человека с его курчавыми черными волосами до плеч.

Какой красавец!

Как странно, что я его раньше не видела. Видимо, он сначала поступил на какое-то другое направление и только недавно решил перейти на наше гуманитарное. Вот бы узнать, как его зовут.

— Где хочешь сесть?

Я содрогаюсь. Голос Күннэй раскалывает мое очарование, как топор — глыбу льда. Покраснев, я перевожу внимание на подругу, которая стоит между вторым и третьим рядами. Торопясь к ней, я начинаю тараторить:

— Не знаю, давай на третьем сядем. Мне, в принципе, без разницы.

Моя болтовня не помогает. У меня внизу живота начинается знакомый мне с бессонных ночей процесс — распускание весеннего шафрана, когда лепестки дрожат, секунда за секундой отклоняясь все дальше и дальше от оси под влиянием все усиливающегося тепла первого солнечного луча.

Усевшись рядом с Күннэй, я говорю:

— У меня, вроде бы, зрение в порядке. Отсюда хорошо вижу. А у тебя, кстати, как со зрением?

Я прикусываю язык. Какое облегчение, что красавец слушает сейчас музыку — мое нынешнее состояние не иначе как “словесным поносом” Даниила Ивановича не назовешь. Прежде, чем моя подруга успевает ответить, в аудиторию заходит профессор.

На секунду я забываю о красавце у себя за спиной, потому что Олег Витальевич разрушает все мои представления о том, как должен выглядеть настоящий профессор. Этот мужчина, которому на вид около 30, напоминает мне казаков с иллюстраций к “Тарасу Бульбе” и картин “Присоединение Сибири Ермаком Тимофеевичем” и “Запорожцы”. Голова Олега Витальевича побрита наголо, в обоих ушах блестят по две пары маленьких серег-колец черного цвета, а его круглое лицо с широким подбородком и быстрыми темно-карими глазами украшает короткая черная борода с усами. В довершение ко всему профессор одет в обычные черную футболку с рисунком гор, джинсы и ярко-красные кроссовки с большими задниками.

Сбросив спортивный рюкзак за кафедрой и вытащив пластиковую бутылку воды, Олег Витальевич не встает за стойку с аппаратурой, а выходит в пространство между первым рядом амфитеатра и кафедрой. Поставив бутылку на стол и опершись руками о поверхность стола, он наклоняется вперед и, окинув нас всех взглядом, говорит:

— Ну что, привет, класс!

Его громкий баритон полон энтузиазма, и я тут же отношу его в категорию преподавателей, для кого каждое занятие — это мини-выступление.

— Называйте меня Олег. Без отчеств и без всяких “профессор Тарасов”. Я еще не настолько стар.

Вау! Оказывается, вполне возможно такое, чтобы преподаватели не вызывали дрожь в коленках на первом же занятии.

— Сегодня у нас с вами не будет никакой теории. Мы все — люди. Нам вместе работать целый год, а значит, надо узнать друг друга получше. Начну с себя. У меня в жизни — две страсти. Кино и альпинизм. В альпинизме жизненно важно выстраивать отношения на берегу. Когда тебе предстоит восхождение на гору в экстремальных условиях с группой незнакомцев, знать друг друга по именам недостаточно. Надо выработать взаимное доверие. Это — основа выживания. Залог успеха.

Олег выпрямляется, хлопает в ладоши, берет бутылку и, открутив крышку, делает несколько глотков воды. Все его движения — энергичные и четкие. Несложно поверить, что он занимается альпинизмом.

— Поступим так. Называете свое имя и один факт о себе — чем увлекаетесь. Но есть один нюанс.

Олег ставит бутылку на стол и поднимает вверх указательный палец. Круто развернувшись, он убегает за кафедру к рюкзаку и возвращается с плюшевым снежным барсом, талисманом с недавно прошедших в Сочи зимних олимпийских игр.

— Съемка фильма — это всегда командная работа.

Встретившись взглядом с одним из парней на пятом ряду, Олег бросает ему игрушку и объявляет:

— Эстафета началась!

Поймав барса, парень подсаживает указательным пальцем очки повыше и говорит:

— Э-э-э… Арсений… Сеня, то есть. Увлекаюсь журналистикой.

Сеня оглядывается по сторонам и бросает барса другому парню, который сидит на ряд ниже. За Жекой, который гоняет футбол, следует Паша, который занимается теннисом, затем, Леня, который играет в компьютерные игры, и вот, наконец-то, снежный барс летит в руки к Финисту ясному соколу.

Я слежу за аркой, которую описывает окрылившийся барс до того момента, когда красавец, привстав, ловит игрушку. Усевшись обратно, он откидывает со лба пышные волосы и говорит:

— Георгий, но зовите меня Гогой. Как Гог из Ветхого Завета, только с “а” на конце.

Мое сердце трепещет, потому что я уже понимаю, что Гога — не такой, как все.

— В общем, я — святой и демон в одном лице, — Гога усмехается и продолжает, — У меня две страсти — стрельба и кино. Когда-нибудь вы все увидите меня на красной дорожке в Каннах.

Меня восхищает амбициозность Гоги. Все неординарные личности амбициозны.

— Сейчас я вам кое-что покажу! — Гога кладет снежного барса на стол и сбегает к кафедре.

Олег с интересом наблюдает, как молодой человек, не спросив разрешения, включает компьютер и проектор.

— Как тут залогиниться?

Олег поднимается на кафедру и говорит со смехом:

— Вам, ребят, знать пароль не полагается.

Пока профессор вводит пароль, я любуюсь на Гогу, который ходит взад и вперед вдоль доски, заложив мускулистые руки за спину. Его энергичность и раскрепощенность напоминают мне Күннэй, и я осознаю, что восхищаюсь людьми с лидерскими качествами.

— Готово.

Олег отходит от компьютера, и на интерактивной доске высвечивается заставка рабочего стола. Над бескрайним зеленым простором возвышаются невысокие горы с мягкими округлыми вершинами, озаренные багряным светом восходящего солнца.

— Это — Ваша фотка? — спрашивает одна из девочек.

— Да, это я сделал с перевала Дятлова прошлым летом.

— Перевал Дятлова?! — переспрашивает другая одноклассница высоким от шока голосом. — Это — там, где загадочно погибла тургруппа?

Олег отмахивается:

— Ничего там не было загадочного. Все давно ясно. Причина смерти — гипотермия.

— Но там же были признаки того, что они потеряли разум, — в разговор вступает еще одна девочка. — Я думаю, они столкнулись с инопланетянами!

Тем временем, Гога открывает в браузере “ВКонтакте” и логинится в свой аккаунт. Я несколько раз повторяю в голове никнейм: “Saint Gog” и запоминаю фотографию на аватарке — портрет Гоги в профиль с черно-красными шумоподавляющими наушниками на голове.

Самый свежий пост на странице — видео с заставкой лесного пейзажа.

— Это все — псевдонаука, — смеется Олег, скрещивая руки на груди. — Но отличный материал для фантастического фильма. Может, кто-то из вас когда-нибудь снимет.

Гога усаживается на профессорское кресло, откидывается на спинку стула и, уперевшись локтями в подлокотники, сводит указательные пальцы в форме стрелки и прижимает их к подбородку. Он говорит:

— Короткометражка. 10 минут. Фильм называется “Загнанный лис”. Это я летом снял. Мы с друзьями на охоту ездили.

Гога вальяжно вытягивает руку и несколькими щелчками по тачпаду включает видео на весь экран. Затем, откинув со лба волосы, он отъезжает на стуле в сторону и поворачивается так, что сидит вполоборота к нам.

Олег поворачивается лицом к фильму, складывает руки на груди и расставляет ноги пошире.

Я снова смотрю на соколиный профиль Гоги. На этот раз, восторг трепещет в моей груди сотней взмахов крыльев колибри в секунду. Гога — первый в моей жизни молодой человек, который явно серьезно занимается искусством. Он и мои прежние одноклассники — забияки, лентяи и драчуны — также далеки друг от друга, как земля и небо.

Лицей при Вышке — поистине, волшебное место, место, где собрались талантливые ребята со всей Москвы; нет, я поправляю сама себя, вспомнив про Күннэй, даже не со всей Москвы, а со всей России!

Фильм начинается с эпической съемки лесного массива с высоты птичьего полета. Я как будто бы лечу над зелеными кронами разных широколиственных деревьев. У меня захватывает дух. Как Гога умудрился такое заснять? Неужели у него или у кого-то из его друзей есть собственный дрон?

Я точно знаю, что материнской зарплаты не хватило бы, чтобы купить дрон. У меня есть свой банковский аккаунт с крупной денежной суммой, но эти сбережения с продажи деревенского дома бабушки и дедушки пойдут на оплату моего обучения в университете, если мне не удастся поступить на бюджет.

В фильме точка зрения резко меняется, и я оказываюсь на краю окруженной старыми кленами лужайки перед лагерем из трех палаток. В центре лагеря высокий мужчина в черной футболке и тактических штанах цвета хаки тушит костер, поливая его водой из литровой

бутылки. Руки мужчины покрыты черными татуировками. Судя по пропорциям его спортивной фигуры и густым черным бакенбардам ему явно больше 25-ти, но еще не за 30.

Из палатки справа от меня выбирается Гога, одетый во все черное. Его волосы собраны в пучок на затылке.

— Здорово, Слав, — Гога машет рукой мужчине с татуированными руками. — Никита? Идешь? — Гога смотрит куда-то вдаль. — Готовы поохотиться?

Слава отбрасывает пустую бутылку в сторону и показывает Гоге два больших пальца вверх.

В лагерь заходит другой бородатый мужчина. Он ниже Славы на голову. Мне бросаются в глаза его широкий ремень с пустой кобурой и стильные умные часы на запястье.

Пока Гога на экране деловито подходит к сложенным возле палатки чехлам с ружьями и закидывает один себе на плечо, я безуспешно пытаюсь совладать с потоком восхищенных мыслей: Гога дружит со взрослыми мужчинами? Он с ними так запросто на “ты”? Они принимают его как равного?

Поистине, Гога — неординарный!

Дальше съемка ведется от первого лица. Я как будто бы на несколько минут становлюсь Гогой и иду за Славой по лесной тропе. Мне удается разглядеть Славины татуировки: на правой руке изображен солдат в каске и с ружьем в окопе, а на левой — охваченная пламенем Вавилонская башня. Единственные звуки — шорох камней под ногами, дыхание идущих и трели певчих птиц.

Внезапно точка зрения снова меняется. Теперь я смотрю на мир глазами собаки. Я бегу среди кустов, принюхиваясь то к земле, то к воздуху. Мои учащенное дыхание и топот лап звучат, как две параллельные друг другу барабанные дроби. В мое поле зрения попадают длинные корни тополя, вздымающиеся над землей, словно наполовину раскопанный скелет динозавра. Потом я проношусь мимо куста с ягодами, чей ярко-красный цвет, как будто бы сигналит: “Осторожно, яд!”

Уловив что-то, я замираю.

Впереди — спуск на просеку, заросшую высокой травой.

Среди зеленых стеблей полыхает красным — это лисица скачет к дубовой роще на противоположной стороне просеки.

Точка зрения снова меняется. Теперь я стою между стволов деревьев, направив ружье на красную лисицу, которая несется по просеке, то ныряя в заросли травы, то выныривая из них. За ней мчится белый пойнтер с рыжими пятнами на спине. Одним гигантским броском он настигает жертву, и оба зверя исчезают в траве.

Когда я приближаюсь к месту, где исчезли животные, вся аудитория оглашается пронзительным визгом раненного животного.

— Ах! — это восклицание вырывается у меня непроизвольно, когда на экране появляется пойнтер, который мертвой хваткой вцепился в окровавленную шею лисицы.

Я опускаю голову и смотрю на свои дрожащие между коленей руки.

Я содрогаюсь от оружейного выстрела.

Внезапно все звуки затихают, и Олег говорит:

— Так, Гога, спасибо, что поделился фильмом. На будущее, про кровь и сцены насилия надо предупреждать. Возрастные ограничения не зря существуют.

Я боюсь поднять голову на случай, если на экране все еще виден кадр охоты, где пуля обрывает жизнь лисицы.

— Блин, это же просто лисица! — возражает Гога.

Почему меня так колотит? Почему истошные вопли продолжают отдаваться эхом в ушах? Почему я никак не могу забыть яростный оскал пойнтера и выпученные, мечущиеся туда-сюда глаза лисы? Это же, можно сказать, всего лишь, экранизированная сцена из “Войны и мира”.

— Да, Гога, но у нас тут есть дамы, — говорит Олег. — Приношу всем извинения. Если кому-то надо поговорить об этом после урока, задержитесь, пожалуйста.

— Ты в порядке? — шепчет Күннэй.

Мягкое прикосновение ее руки к моему запястью тут же унимает дрожь. Я смотрю на ее тревожное лицо, а боковым зрением вижу, как Гога быстрыми шагами выходит с кафедры и возвращается на свое место.

— Да, — я с усилием изображаю улыбку, — просто никогда не видела охоту.

Күннэй участливо кивает.

Тут у меня за спиной раздается Гогин голос:

— Если вы, ребят, хотите заценить мои фильмы, страница — Saint Gog. Олег, а как тебе приемы в фильме? Скажи, эпично!

Я поражаюсь Гогиной смелости. Во-первых, я бы ни за что не решилась показать свой комикс группе незнакомых ребят, а во-вторых, он уже с профессором на “ты”! Хотя чему удивляться? У всех разные темпы развития. Есть вундеркинды, которые заканчивают школу экстерном, а есть те, кто умудрены жизненным опытом настолько, что ведут себя так, как будто бы им не 15 лет, а все 30!

Олег выключает компьютер и занимает свое прежнее место перед кафедрой.

— Да, смена точек зрения вышла отлично. Но расти есть куда. Самое главное, что можно было бы улучшить — это сценарий. Даже если ты хотел снять документалку, все равно, фильм должен доносить какую-то идею, понимаешь? А не просто охота с друзьями в лесу. Но для начала, очень не плохо. И спасибо, что поделился. Это всегда поощряется. Ладно, идем дальше. И, Гога, про дам не забывай. Обычно, дамы вперед, а у нас наоборот вышло.

Олег смеется, а я боюсь обернуться. Мое сердце стучит в висках, как молот в кузне по раскаленным брускам. Кого Гога выберет?

Позади раздается легкий присвист, и Гога говорит:

— Эу, на третьем ряду рядом с длинной косой.

Мое сердце пикирует вниз, и я оборачиваюсь с пересохшим горлом.

Небесно-голубые глаза пронзают меня насквозь.

Только бы поймать барса.

Финист ясный сокол привстает и, занеся руки за спину, бросает игрушку из-за головы.

К моему ужасу барс отклоняется влево настолько, что я тщетно вытягиваю за ним руки — игрушка падает в проходе, и мне приходится вскочить со стула и выбраться из-за стола, чтобы ее поднять.

Когда я возвращаюсь на место рядом с Күннэй, мои щеки пылают, и я проклинаю свою неуклюжесть, то, что я одела сегодня водолазку, а не блузку и то, что не сделала хотя бы маломальский макияж: могла хотя бы губы накрасить…

Из-за сильного биения сердца, слова даются мне с большим трудом:

— Эмм… Я — Алина. Люблю рисовать.

— Повтори, пожалуйста, — Олег наклоняется вперед, прислоняя открытую ладонь к правому уху.

Я повторяю имя и хобби, мысленно проклиная свой тихий голос.

— Ммм… Рисование. И что ты рисуешь? — спрашивает Олег.

Почему из всех ребят, которые уже представились, он решил задать дополнительный вопрос именно мне?

— Комиксы, — я с трудом выдавливаю из себя это слово и поспешно кладу снежного барса на стол перед Күннэй.

К счастью, моя подруга не дает Олегу возможность переспросить меня или задать еще какой-нибудь вопрос.

— Күннэй. Я обожаю актерское мастерство. Мечтаю стать актрисой и играть в театре. Мои любимые жанры фильмов: фэнтези, фантастика и социальный реализм. Еще я с детства училась исполнять олонхо. Это — традиционный эпос саха.

— Как имя, еще раз? — спрашивает Олег.

— Күннэй.

— Күн-нэй, — повторяет Олег и улыбается, — не против, если мы будем называть тебя Ксюшей? Так привычнее.

— Нет, я хочу, чтобы вы называли меня Күннэй, — голос моей подруги звучит резко и холодно. — Тут, всего лишь, два слога. Не сложно запомнить, по-моему.

— Хорошо, — Олег вскидывает обе руки вверх, как будто бы сдается перед вооруженной группой людей.

Күннэй окидывает взглядом ребят и бросает барса кому-то дальше.

После занятия Гога, засунув в уши наушники, вылетает из аудитории самым первым.

— Ты как? — спрашивает Күннэй, когда мы выходим на свежий воздух.

Взглянув на ее озабоченное лицо, я вспоминаю про кровавую сцену из Гогиного фильма.

— Все в порядке, — говорю я. — Меня поразил тот парень. Гога, да? Так не бояться критики! Вау!

Күннэй морщится:

— Выпендрежник, на мой взгляд. И эгоист.

Я в шоке смотрю на свою подругу, которая продолжает возмущенным голосом:

— Ненавижу охоту ради забавы. Дядя Филипп, он — охотник, учил меня, что никогда нельзя брать у природы больше, чем тебе нужно. Нельзя нарушать баланс.

— Да, звучит правильно, — соглашаюсь я, но, все равно, всю дорогу к Күннэй в гости, голубые глаза Финиста ясного сокола, его мускулистая фигура и лидерское поведение, его манера откидывать со лба мягкие, будто шелковые, кудри, не идут у меня из головы.

Может, Гога с друзьями охотились вовсе не ради забавы? Может, они были в походе, и охота была для них способом пропитания? Тогда я втройне восхищаюсь этим молодым человеком, который сможет выжить в экстремальных условиях.

Уже перешагнув знакомый порог съемной квартиры Күннэй, я с замиранием сердца вспоминаю, что мне предстоит впервые в жизни показать свой комикс сверстнице.

Треволнение быстро проходит, когда я вспоминаю, как Күннэй сжала мое запястье и помогла успокоиться после сцены с поимкой лисы. Моя подруга точно не ранит меня грубым комментарием или необдуманной критикой.

Пополдничав творожными лепешками с керчехом, мы с Күннэй усаживаемся на диване с двумя кружками чая и моим альбомом.

Күннэй так мастерски исполняет мой комикс по ролям, что мне самой становится интересно слушать, хотя я знаю каждую реплику Аксиньи, Демьяна и кумы Лисаветы наизусть. Может, мне стоит пригласить Күннэй с собой в детский садик, чтобы она прочитала Соне мою следующую главу?

— Прикольно, мне понравилось, — говорит Күннэй, прихлебывая чай. — И классно рисуешь. Сама научилась?

Этот вопрос вызывает у меня каскад воспоминаний: самые счастливые моменты из детства, когда я подходила к бабушке с дедушкой с новым рисунком, и они восхищались каждым моим творением; то, как до развода родителей, рисование было для меня способом успокоиться после очередной громкой ссоры отца с матерью и то, как в школе альбомы стали для меня порталами в другие миры, где не существовало одноклассников и одноклассниц и куда не долетали поддразнивания, вроде “кикимора”, “мымра” и “лопух”.

— Да, я — самоучка.

— Круто! Ты, кстати, знаешь про мастерские в лицее?

Я качаю головой.

— О, их — очень много. Я, например, хочу пойти на курс “Профессия актера”. Но я видела там пару мастерских с рисованием. Вроде бы, есть акварель. Не знаю, может, тебе интересно станет.

Я давно думала о том, не записаться ли в художественный кружок, но меня всегда останавливала мысль о том, что тогда мне придется рисовать по заданию, а больше всего в творчестве мне нравится именно свобода.

— Я подумаю, но, скорее всего, нет. Я не очень люблю рамки, — объясняю я.

— А, понимаю, — Күннэй кивает. — У начинающих актрис это — распространенная проблема: какие роли ты хочешь и какие тебе выпадают. Но ничего, терпение и труд все перетрут.

Внезапно она меняет тему:

— Алин, я вот задумалась: фильмы и мультики — это ведь, по сути, комиксы, только вместо нарисованных персонажей — там люди или анимация. Или нет? Или есть какая-то более глубокая разница?

Мой первый инстинкт — согласиться с первым утверждением, но тогда непонятно, почему комиксы, до сих пор, существуют, почему не уступили место фильмам также, как, например, наскальная живопись сменилась рисованием на холстах?

— Вау, Күннэй, ты, прямо, философский вопрос задала, — говорю я.

Күннэй садится в позу лотоса, развернувшись ко мне всем корпусом, закрывает глаза и пару мгновений держит собранные в щепотки пальцы в воздухе.

Посмеиваясь, я беру свой альбом и принимаюсь листать знакомые страницы. Вдруг мне приходит на ум наблюдение:

— Хм… знаешь, если квадратики в комиксе — это, типа, экран, то я могу менять размер экрана…

— А как ты решаешь, какого размера будут квадратики и вообще, будут ли это квадратики? Когда Демьян прогоняет Лисавету, там ведь треугольники.

Я польщена интересом Күннэй к моему творческому процессу. Мне хочется дать какой-то более впечатляющий ответ, чем просто “интуиция” или “чтобы гармонично смотрелось.”

— С треугольниками мне хотелось передать быстроту… то, что все происходит стремительно. Не знаю, как объяснить…

Күннэй щелкает пальцами:

— Я поняла! Треугольник — это, типа, срезанное поле зрения.

— Именно!

— Да уж, представь кинотеатр, где экран бы менял формы, — Күннэй смеется, а потом задумчиво барабанит пальцем по подбородку. — А расскажи мне еще про разные приемы в комиксах. Какие у тебя самые любимые?

— Даже не знаю с чего начать!

Я забираюсь на диван с ногами и утопаю в мягких подушках с раскрытым на коленях комиксом. Күннэй пристраивается рядом, поджав ноги. Я чувствую ее теплое дыхание с ароматом мяты.

Я пускаюсь рассказывать подруге все что знаю, начиная с того, как в комиксах принято изображать разные звуковые и визуальные эффекты. Например, несколько разлетающихся в стороны линий при стуке Лисаветы в дверь передают звуковые волны. Завитушки, летящие из-под ног, передают скорость. Зигзагообразные линии — это напряжение.

Потом я каким-то образом перехожу на отличия между американскими, европейскими и азиатскими комиксами. В американских комиксах персонажи, в основном, выглядят реалистично, в то время, как в европейских преобладает мультяшность. В азиатских комиксах акцент ставится на передачу эмоций главных героев и героинь и на изображение динамики.

Күннэй слушает, выражая свои внимание и интерес активными кивками и комментариями, вроде: “Да, помню такое. В “Наруто” столько эпичных битв было!” А когда я рассказываю ей про правила композиции и про то, что когда придумываешь одежду персонажей, важно учитывать не только стиль, но и цветовую гамму и что состояние одежды тоже многое говорит о характере персонажей, Күннэй восклицает:

— Я всегда восхищалась костюмами и декорациями! Знаешь, ты с ребятами целый год репетируешь в обычной одежде, а потом на генеральной репетиции вы одеваете костюмы, выносите декорации, и все, прямо, меняется. Знаешь, как бабочка выпархивает из кокона.

Когда у меня пересыхает во рту от долгого говорения, и я протягиваю руку за чаем, я с удивлением обнаруживаю, что кружка уже остыла, а на настенных часах над дверным проемом уже пол-седьмого. Неужели я проговорила целых полтора часа? Я даже и не заметила.

Перехватив мой взгляд на часы, Күннэй восклицает:

— Извини, я тебя опять заболтала.

— Ничего страшного. Мне очень у тебя нравится. Я бы каждый вечер у тебя проводила, если ты не против. Дома как-то… — я пожимаю плечами, — ммм… одиноко.

— Супер, всегда тебе рада! Как назовем наше дуо?

Я в замешательстве. Когда в старой школе проводились командные игры, я никогда не принимала участие в придумывании названий. Я говорю нерешительно:

— “Творческий Кружок”?

Күннэй смеется и одновременно отчаянно мотает головой.

— Как насчет “Клуба Лепешек”?

— Забавно, мне нравится!

Я второй день подряд возвращаюсь домой счастливая. Год назад я не могла себе такого и представить. По дороге с автобусной остановки я хочу навсегда запомнить эти теплые сентябрьские сумерки, горящие золотом осиновые листья, небо цвета индиго, первую ярко сияющую звезду и тонкие веточки молодых кленов, которые напоминают веретена благодаря серебрящимся в свете уличных фонарей паутинкам.

Глава 4

Неделя после того дня, когда я впервые увидела Финиста ясного сокола в аудиториуме в Вышке пролетает незаметно, и каждая секунда наполнена его присутствием в буквальном и переносном смыслах.

Во-первых, выясняется, что Гогино расписание полностью совпадает с моим. Это — поразительно. Даже с Күннэй, которую я уже начала считать своей родственной душой, у нас и то различаются четыре предмета. Моя подруга выбрала базовую историю, углубленное обществознание, исследования современной культуры и олимпиадную литературу, а я — углубленную историю, базовое обществознание, МХК и китайский. Из шести вторых иностранных языков, Гога тоже выбрал китайский.

Разумеется, поскольку я вижу Гогу на каждом занятии, я постоянно нахожусь в поле действия его харизмы, и мое восхищение им растет экспоненциально.

На ознакомительном уроке китайского Гога поражает меня своей дальновидностью. Учительница Нина Андреевна просит нас всех поделиться тем, почему мы выбрали именно этот язык.

Ответы ребят делятся на две категории: либо по приколу, либо, как я, по романтическим соображениям — я всегда восхищалась тем, как это красиво — передавать мысли картинками.

Гогин ответ оказывается самым неординарным:

— На китайском говорит больше миллиарда человек. Когда мои фильмы будут выходить в мировом прокате, я хочу точно знать, что перевод — качественный. Ну, вы знаете… Переводчики. Вечно все перевирают.

У меня захватывает дух. Гога — не из тех творческих личностей, кто витают в облаках. Он уже задумывается о продвижении своих фильмов в массы. Моя фантазия начинает рисовать будущее, где я работаю художником-постановщиком в Гогином кинопроекте и заодно помогаю ему проверять качество перевода. Как было бы здорово, если бы мы с ним были творческой парой, как Джон Леннон и Йоко Оно, Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, Сальвадор и Гала Дали!

На другом уроке китайского Гога демонстрирует свою прямоту, то, что он готов рубить правду-матку и называть вещи своими именами. Когда Нина Андреевна в очередной раз отвлекается на рассказ о своей молодости, Гога говорит:

— Нина Андреевна, извините, но я китайский пришел учить, а не про Вашу молодость слушать.

Хотя я никогда в жизни не могла представить себя сочиняющей стихи, мои мысли вдруг начинают складываться в оду Финисту ясному соколу:

О ты, крылатый богатырь,
Без замешательства летящий к цели,
О ты, кто не робеешь и не знаешь страха,
Глаголишь истину всегда.

Постепенно мое тело начинает постоянно реагировать на хрипловатый баритон Гоги одним и тем же образом: внутри как будто бы раздается тутти, как будто бы начинают трепетать сотни тысяч лепестков, как будто бы поднимается девятый вал.

Мне не раз приходит на ум мысль, что то, что у нас с Гогой абсолютно одинаковое расписание — это знак, что мы суждены друг для друга. Я изо всех сил прогоняю от себя эту чушь, повторяю сама себе, что надежда — это смертельный яд. Однако, в моей памяти неизбежно, против моей воли возникает монетка, вспыхнувшая Полярной звездой над фонтаном с

поющим журавлем. Я слышу, как загадываю шепотом желание: “Любовь моей жизни, приди ко мне.” И внутренний голос лукаво говорит мне: “А почему бы и не помечтать? Уже два твоих желания сбылись: ты поступила в лицей и встретила подругу. Бог троицу любит.”

И вот, несмотря на все свои усилия не думать о Гоге, я вижу его в своем воображении снова и снова. Вот он сидит, откинувшись на спинку стула и одновременно облокотившись о нее левой рукой. Вот он сидит с наушниками в ушах на подоконнике, сгорбившись над телефоном; его накачанные и оплетенные сетями вен бицепсы вздымаются вверх, будто горы. Вот на уроке ОБЖ он перехватывает у учителя инициативу и фактически проводит всему классу лекцию о том, какие бывают виды ружей, чем они друг от друга отличаются и для каких задач подходят.

Когда в четверг Күннэй зовет меня на свое первое занятие по курсу “Профессия актера”, я с радостью соглашаюсь — прекрасная возможность отвлечься от навязчивых мыслей о Финисте ясном соколе.

— Как дела с комиксом? — спрашивает Күннэй.

Я несколько секунд смотрю на подругу, осмысляя ее вопрос. Иногда размышления о Гоге поглощают меня настолько, что я забываю, где нахожусь и что я только что собиралась сделать.

Ага, вспомнила! В понедельник, поскольку домашних заданий было мало, мы с Күннэй после полдника, решили заняться своими любимыми делами: я села за письменный стол думать над второй главой комикса, а моя подруга свернулась калачиком на диване с томиком пьес Островского и принялась перечитывать “Снегурочку” — в преддверии первого занятия театрального кружка преподавательница разослала всем записавшимся электронное письмо с приветствием и инструкциями, где говорилось, что цель курса — поставить “Снегурочку” к концу академического года.

Я билась над сюжетом целый час, но так и не придумала ни само новое приключение, ни то, как помирить Демьяна с Лисаветой. В итоге, я отложила карандаш и, обернувшись к Күннэй, сказала:

— Кажется, у меня творческий кризис.

Несколько секунд подруга всматривалась в мое лицо, а потом расхохоталась:

— Ты выглядишь, как зомби!

Күннэй смеялась так по-доброму, что я не удержалась и засмеялась вместе с ней. Когда мы вдоволь нахохотались, у меня на душе стало так свежо, как в лесу после летнего грибного дождя.

Вытирая слезы, Күннэй сказала:

— Знаешь один трюк? Если что-то не получается, оставь на время. Мозг будет думать над проблемой на подсознательном уровне. А потом ты вернешься к задаче и, вуаля, ответ готово!

— Хмм… Может, и в самом деле, поможет…

— Если хочешь, я тоже подумаю. Может, меня осенит идея.

— О, спасибо! Когда я прочитала главу Соне, ей не понравилось, что Лисавета — воровка. Она попросила их с домовенком как-то помирить. И я без понятия, как…

— Окей, сестра Лепешка, я попробую что-нибудь придумать.

Я перебралась на диван к Күннэй, и мы провели остаток вечера за разговорами. Күннэй поразила меня историей, произошедшей в республике Саха этим летом. Трехлетняя девочка заблудилась в тайге со своей собакой и была найдена группой спасателей только через 12 дней. До сих пор, остается загадкой, как она смогла продержаться так долго в таких суровых условиях.

Теперь, сидя с Күннэй на подоконнике в лицее, я сокрушенно качаю головой: за два дня — ни капли вдохновения. Может быть, оно и неудивительно: в те часы, когда моя голова не была занята уроками или общением с Күннэй, вся моя энергия уходила на Финиста ясного сокола. За несколько вечеров я пересмотрела все короткометражки со страницы “Saint Gog”:

документальные съемки охоты, походов по лесу и того, как Гога занимается спортивной стрельбой.

Меня впечатлила операторская работа. Зрелищные полеты дрона напомнили мне первые кадры из фильма “Аватар” Джеймса Кэмерона, а беспрестанно удивляющие своей необычностью ракурсы: съемка с пола, из-под потолка, заглядывая внутрь помещения через открытое окно — вся эта оригинальность абсолютно убедила меня в том, что как Күннэй с ее харизмой и эмоциональностью была прирожденной актрисой, также и Гога был прирожденным режиссером.

— Я тоже думала, — говорит Күннэй, — и мне кажется, я кое-что придумала.

— И что? — я сажусь прямее и с нетерпением жду продолжение.

Если подруга поможет мне с сюжетом, я, наконец-то, смогу вернуться к комиксу. А я чувствую, что мне это необходимо. Не только потому, что я не хочу заставлять Соню ждать. Дело в том, что Гогины короткометражки были не единственной причиной моей бессонницы. Впечатления от Финиста ясного сокола — настолько яркие, что я невольно завела новый альбом с его портретами.

Только в отличие от моего обычного процесса рисования, когда я рисую Гогу, это не приносит мне счастливого самозабвения. Наоборот, это — что-то наподобие пытки. Пока я рисую молодого человека, я все мечтаю о том, каким прекрасным могло бы быть наше с ним совместное будущее. Когда я заканчиваю, каждый рисунок становится, как янтарь, где навсегда застыли мои мечты.

Перелистывая альбом с рисунками Гоги, я снова и снова переживаю разбивающий сердце контраст между идеальной жизнью и реальностью. Моя душа, как Икар, стремится к солнцу и каждый раз падает на землю с измазанными растопленным воском крыльями.

Я буду счастлива снова занять свое свободное время комиксом.

— Значит, так, — говорит Күннэй, — одним жарким летним днем в деревне Аксиньи случается беда. Из всех колодцев пропадает вода. В деревне — переполох, потому что до ближайшей реки — полдня пути. Аксинья в ужасе. Демьян — тоже. Он идет к колодцу, чтобы увидеть все собственными глазами. Когда он добирается до опушки леса, все — так, как он и опасался. Когда он вытаскивает из колодца ведро, оно — пустое. Демьян хватается за голову и тут слышит тявканье. Это Лисавета посмеивается над ним из кустов. Она говорит: “Так вам и надо! Получили по заслугам за кражу моих венков.” Демьян недоумевает: “Кражу? Это ты собиралась украсть у Аксиньи куриц!” Лисавета протестует: “Я? Украсть? Нет, это была бы справедливая плата за венок!”

Тут Күннэй прерывает свой рассказ и спрашивает:

— Ну как тебе идея их примирения?

— Шикарно! — восклицаю я. — Как я сама не додумалась? Соне, сто процентов, понравится.

Күннэй с энтузиазмом продолжает:

— В-общем, Демьян вместо курицы выполняет новую просьбу Лисаветы — приносит ей блюдо молока. Выпив все молоко, Лисавета смягчается и говорит, что знает, почему в колодце исчезла вода. Оказывается, это — дело рук русалок. Неподалеку от деревни ведется вырубка леса для строительства новой деревни. Много деревьев погибают ни за что. Русалки решили наказать людей за их жестокость и перекрыли подземную реку. Демьян в отчаянии. Как быть? Лисавета предлагает решение: они отправятся в путешествие, отыщут самый сильный ветер в мире и попросят у него перенести весь лес в безопасное место. Тогда русалки вернут деревне воду. Вот так вот и начинается полное приключений путешествие. В итоге, все заканчивается хорошо: лес спасен, а колодцы снова начинают работать. Ну как?

Я хлопаю в ладоши.

— Мне очень, очень, о-о-о-чень нравится! Ты меня выручила. Я хочу начать, прям, сегодня же. А когда закончу, если хочешь, могу тебя с Соней познакомить, чтобы ты ей прочитала. У тебя так классно по ролям получается.

— С удовольствием, — Күннэй широко улыбается. — Может, еще и Хоочугура по видеосвязи подключим.

— Буду рада с ним познакомиться!

Тут на лестнице раздаются топот шагов и девичьи голоса. Встрепенувшись, Күннэй проверяет время на телефоне.

— Пора!

Мы слезаем с подоконника и торопимся на пятый этаж в актовый зал, где будет проходить занятие.

Ведущая мастерской, высокая, на вид лет 30-ти женщина, одетая в элегантную белую майку и расширяющиеся книзу черные брюки, представляется Диной, “без отчеств — это помогает поддерживать расслабленную атмосферу,” и машет всем рукой, чтобы поднимались на сцену.

Когда я усаживаюсь в первом ряду, Дина говорит:

— Не бойся, я не кусаюсь!

— Я так, посмотреть, — говорю я.

— Если понравится, будем рады тебе на следующем занятии. А вы все, давайте в круг.

Дина плавным движением руки чертит в воздухе круг, и на секунду мне кажется, будто она проводит магическим магнитом, и ребята под воздействием электрического поля образуют на сцене огромное кольцо.

Мне бросается в глаза, что в группе из 10 человек только трое молодых людей. Один парень — очень худой и высокий; у другого на носу — большие квадратные очки в черной оправе, а третий — полный и курчавый. Хотя я сразу теряю к ним интерес, потому что ни один не может сравниться красотой с Финистом ясным соколом, другие девочки посылают в их стороны косые взгляды.

Из всех девочек только Күннэй последовала совету Дины и пришла одетая в удобную не стягивающую движений одежду: футболку и леггинсы. Остальные одеты так, как будто бы им предстоит выступать на показе мод: платья, обтягивающие юбки, блузки.

Видимо, Дина тоже это замечает, потому что говорит:

— Уверена, вам всем не терпится уже репетировать. Попрошу терпения. Поднимите руки, кто читали мое письмо.

Руки поднимает меньше половины группы.

— Быстро повторюсь. Конечно, вы все здесь, чтобы поставить спектакль. Но это — не самое главное. Моя миссия — заложить в вас базу, научить вас основным техникам и дать вам арсенал упражнений, чтобы вы могли потом сами развивать свое актерское мастерство. Поэтому ставить “Снегурочку” мы начнем только в ноябре, а сентябрь и октябрь посвятим тренингам. Основные темы будут такие: сценическое движение, речь, взаимодействие в группе, и упражнения на воображение.

У Дины такой мелодичный и убаюкивающий голос, что мне кажется, будто спинка кресла превратилась в пуховую перину, в которую я постепенно погружаюсь все глубже и глубже.

Дина продолжает:

— У нас с вами будет много упражнений, где вам надо будет прыгать, скакать, ложиться на пол, носиться по сцене, так что, девчат, настоятельно советую одеваться как на физ-ру.

Дина хлопает в ладоши, делает глубокий вдох и, обведя ребят взглядом, говорит:

— Ну что же, а теперь время знакомиться. Пойдем по кругу слева от меня. Называете имя и почему решили записаться в мою мастерскую.

Девочка с длинными и очень густыми светлыми волосами машет всем рукой:

— Я — Ксюша. Я обожаю Голливуд. Может, когда-нибудь снимусь с Брэдом Питтом.

Следующие по очереди девочки называют такие мотивации: кто-то, также, как и Ксюша мечтает прославиться, кого-то с детства родители отдали в театральный кружок, кого-то манит возможность заработать миллионы и уехать жить в Америку.

Худощавый парень Андрей, густо покраснев, признается, что надеется, что кружок поможет ему раскрепоститься. Пара девочек хихикают, и Андрей опускает глаза и обхватывает себя руками.

— Отличная цель! — говорит Дина. — Многие, кто ко мне приходят, не становятся актерами. Но бывшие ученики часто мне говорят, что наши тренинги очень помогли им в карьерном росте.

Улыбнувшись, Дина смотрит на Күннэй, следующую в очереди. Моя подруга произносит целую речь:

— Күннэй. Театр и кино учат нас эмпатии. Это — очень важная душевная работа. Гораздо проще думать стереотипами и не париться о людях вокруг. А актеры нам напоминают, что у каждого человека есть внутренний мир, и, значит, мы должны уважать друг друга. Актеры — врачеватели душ. Знаете, если пороки вроде жадности, эгоизма и ненависти — это раковые опухоли, то актеры помогают от них исцеляться. Хотя бы на время.

Вау, какая благородная миссия! Голос моей подруги отдается эхом в пустом зале, как если бы стены вторили словам Күннэй.

— Ого, да ты, прямо, как на кастинг подготовилась, — говорит Дина и кивает следующей девочке. — Идем дальше.

Внезапно меня поражает мысль, что я сама никогда не задумывалась о том, какое влияние мои комиксы могут оказывать на читателей. Даже когда я радовалась Сониному восторгу после очередной главы про Демьяна, в центре моего внимания всегда была я сама. Я наслаждалась превосходством над матерью: у меня получилось найти общий язык с Соней, в то время, как мать была настолько ужасной женщиной, что даже ее собственная дочь не питала к ней никаких теплых чувств. Я наслаждалась тем, что рядом с Соней я перевоплощалась из “кикиморы” в “Алиночку”, в центр мира, в старшую сестру.

Не было ни одного раза, когда бы я задумалась о том, что мои комиксы значили для Сони: я так и не спросила у нее, поверила ли ее мама, Ирина Павловна, в существование домовых, а когда Соня попросила переназвать домовенка и изменить сюжет, чтобы домовенок Фарух помирился с Лисаветой, я восприняла эти просьбы с раздражением.

Мне вспоминаются слова матери о том, что у Сони начались проблемы с ребятами.

Голос матери звучит у меня в ушах: “Ссоры постоянные.”

Мое сердце проваливается куда-то вниз.

Ребята на сцене передо мной разбиваются на пары для какого-то упражнения. В моем воображении они словно бы становятся призраками, и я как будто бы смотрю сквозь них в тот медовый вечер, когда я пришла в детский садик читать первую главу второй части комикса.

Как такое возможно, что мне даже не пришло на ум узнать, в чем дело? Сейчас также, как кусочки пазла, который мы с Күннэй собирали в первый день, когда она пригласила меня к себе в гости, также, как хаотичное движение ребят по сцене завершается возникновением двух параллельных линий, разрозненные воспоминания о Соне, Фарухе и Сониной маме складываются в одну картину, и сквозь хаос проявляется причинно-следственная связь.

Видимо, дети в группе задирают Фаруха, а Соня за него заступается.

Это осознание поражает меня, как молния. Моя душа, как будто бы расщепляется, и из разлома начинает течь смола стыда и раскаяния. Мне следовало бы навестить Соню, узнать, как у нее дела. И я была не права, когда раздражалась на Фаруха. Он же не виноват в том, что плохо знает русский.

После занятия, когда Күннэй спускается со сцены и подходит ко мне, ее глаза горят, а на губах — широкая улыбка.

— Ну как? Не хочешь присоединиться? — спрашивает подруга, подмигивая мне.

Энергия Күннэй и жизнеутверждающая радость, которая бьет из нее ключом разом рассеивают мое мрачное состояние. Не надо унывать. Ничего непоправимого еще не произошло. Любые проблемы можно решить!

Я качаю головой и говорю с улыбкой:

— Рада, что тебе понравилось, но театр — это, все-таки, не мое.

— Шучу, шучу.

Мы проходим к выходу из актового зала и начинаем спускаться по лестнице. Когда мы доходим до второго этажа, нас настигают легкие шаги. Мы с Күннэй прижимаемся к стене, чтобы пропустить ребят вперед. Это оказываются Ксюша и темноволосая девочка, чье имя я не запомнила.

Опередив нас на несколько ступенек, Ксюша неожиданно оборачивается и, улыбнувшись, машет рукой и говорит, глядя на Күннэй:

— Нихао!

Я продолжаю спускаться.

Темноволосая девочка сутулится, как от беззвучного хихиканья.

Я осознаю, что Күннэй замерла у меня за спиной, оборачиваюсь и вижу на лице подруги гнев. Ее густые черные брови сдвинуты так близко к переносице, что похожи на монобровь. Губы сжаты так плотно, что напоминают тонкую линию. На щеках пылает румянец.

Что случилось?

Неужели Күннэй так разозлилась на “нихао”?

“Нихао” значит “привет” на китайском.

Почему Ксюша поздоровалась с моей подругой по-китайски?

Почему она вообще с ней поздоровалась, а не попрощалась?

В мгновение ока девочки исчезают за поворотом лестницы. Какое-то время тишину нарушает только быстрый топот их шагов. Потом из вестибюля доносится взрыв смеха.

— Вот дуры, — говорит Күннэй сквозь сжатые губы.

Осознание того, что сейчас произошло накрывает меня волной. У Күннэй — азиатская внешность, и по сути Ксюша только что проявила к ней неуважение, намекнув, что Күннэй — чужестранка, что Күннэй здесь не место. Я смотрю на расстроенное лицо подруги, и мне вспоминаются все те бессчетные дни, когда мои одноклассники и одноклассницы терроризировали меня из-за моей лопоухости.

Күннэй начинает сбегать вниз по ступенькам. Я тороплюсь следом. Мне хочется сказать что-то утешительное, но на ум ничего не идет. Мне все продолжает вспоминаться тот ужасный период моей жизни, когда я была жертвой забияк. Тогда мне больше всего на свете хотелось, чтобы кто-то заступился за меня, сказал бы им всем замолчать, и они бы все послушались этого защитника и перестали мне досаждать. Но с Ксюшей и ее подругой драгоценные секунды, когда я могла бы вмешаться, уже упущены…

Половину дороги к Күннэй домой мы проходим в молчании. Моя подруга заговаривает первая:

— Мама с папой предупреждали про расизм, но я не думала, что столкнусь с ним тут. Лучшая школа Москвы называется.

Расизм. Я слышала это слово раньше, но никогда не задумывалась о том, что оно значит. С одной стороны, оно как будто бы подходит к тому, что только что произошло, а с другой, мне сложно сформулировать, почему.

— Күннэй, а я, случайно, ничего не делала, что… ну… расизм? Я просто его никогда не замечала.

Не успеваю я закончить свою мысль, как уже понимаю: это — неправда. Я видела расизм.

В моей памяти возникает сцена из прошлого. Зухра, вернувшаяся с перемены, обнаружила в своем пенале кожуру банана и, зажав черенок между большим и указательными пальцами, отошла в дальний угол класса и выбросила кожуру в мусорку.

Потом я вижу другую сцену. На уроке литературы во время парного задания учительница попросила Лолу пересесть за одну парту с девочкой, которая сидела одна на парте передо мной. Когда Лола опустилась на край стула, одноклассница даже не удостоила ее взглядом и продолжила выполнять задание в одиночку. Она только пару раз заговаривала с Лолой и каждый раз произносила слова по слогам и заканчивала свои реплики неизменным вопросом: “Поняла?”

Новая вспышка воспоминания. Фарух сидел, склонившись над экраном телефона в моей руке. Я смотрела на его затылок с презрением — ребенку скоро в школу, а он даже на родном языке не умеет читать. Я думала, что если его в школе будут дразнить, то это будет вполне заслуженно. Соня прервала мои мысли, возмутившись тем, что я сократила изначальную реплику Лисаветы и, забрав у меня из рук телефон, вбила предложение в переводчик целиком.

— Расизм, — говорит Күннэй сосредоточенным голосом, как будто бы читает лекцию, — это когда у людей есть какие-то стереотипы о людях из другой культуры, и они руководствуются этими стереотипами в своих поступках. “Нихао” — это кажется безобидно, но, на самом деле, это — как плевок в лицо. Мол, плевать откуда ты, плевать на твою культуру.

— Мне, правда, очень интересно слушать про твою культуру, — говорю я и тут же замечаю, что это звучит, как будто бы я оправдываюсь.

По сути, так и есть. Я проучилась с Лолой и Зухрой девять лет и, до сих пор, не знаю: они родились в России или переехали сюда из других стран, и если да, то откуда.

И Фарух… Как я могла раздражаться на ни в чем не виноватого ребенка, думать, что он своим присутствием, своим существованием портил мое время наедине с Соней? Теперь те мои мысли кажутся мне непростительным злом.

— Тут есть еще кое-что, — говорит Күннэй смягчившимся тоном. — Слышала про культурную апроприацию?

Я качаю головой.

— Вот тебе гипотетический сценарий. Помнишь про олонхо?

Я с энтузиазмом киваю:

— Да, ты еще говорила, что хочешь собственное сочинить.

— Так вот, в олонхо есть такие персонажи: айыы и абаасы. Это — добрые и злые духи. Если бы ты взяла и вставила этих персонажей в свой комикс, это было бы культурной апроприацией, потому что ты бы вырвала их из контекста. Это было бы неуважительно к нашей культуре.

Какое облегчение, что мне не приходило в голову добавлять в свой комикс фольклорных персонажей из других культур. Я говорю:

— Понятно, спасибо за предупреждение.

Мы проходим несколько метров в молчании, и тут у меня возникает новый вопрос:

— Погоди, то есть, вообще никак нельзя использовать мифологических персонажей из других культур? Есть же очень много фильмов и книг, где перемешаны разные мифологии: древнегреческая, древнеегипетская, индийская.

Тут мне вспоминаются вечера, которые я проводила, читая разные книги по истории живописи. В особенности я вспоминаю, как однажды читала про Васнецова и других художников, рисовавших в стиле национального романтизма. Это направление зародилось в Германии, потом распространилось по всей Европе и, наконец, проникло в Россию.

Я формулирую свой вопрос конкретнее:

— А как же культурный обмен?

Күннэй начинает отвечать мгновенно, как будто бы она только и ждала, пока я задам этот вопрос:

— Я всегда провожу тест с лакмусовой бумагой: с какой целью и как автор заимствует идеи из других культур? Если просто ради хайпа, то это — апроприация.

Мы идем еще какое-то время в молчании перед тем, как Күннэй добавляет:

— И еще апроприация — это когда доминирующая культура использует колонизированную культуру ради своей выгоды. Мол, вы, конечно, дикари, но вот украшения у вас прикольные. Это, как с головными уборами у коренных жителей Америки.

— Индейцев? Они разве еще существуют? — спрашиваю я, вспоминая книжки Майн Рида и детские костюмы принцессы Покахонтас, которые я часто видела ребенком в магазинах.

Күннэй смотрит на меня с улыбкой:

— Вот сразу видно, чему в школе учат и не учат. Да, Алин, и в Северной, и в Южной Америке живет много коренных народов, как и в России. У тех народов, у которых есть головные уборы из перьев, они играли важную роль, а европейцы взяли и превратили эти уборы в способ набить себе карманы.

Мы с Күннэй заворачиваем с Садового кольца в Хомутовский тупик, и шум дороги затихает.

Күннэй спрашивает:

— Ты смотрела “Аватара”? Не сериал, а фильм. Режиссер — Кэмерон.

Я киваю, вспоминая первые кадры, где главный герой парит над бескрайними лесами Пандоры. Конечно, я помню этот фильм. Он мне часто вспоминался, пока я бессонными ночами смотрела и пересматривала Гогины короткометражки о его приключениях в лесах.

— Это — отличный пример апроприации.

— Серьезно?!

Я смотрю на Күннэй в шоке и одновременно переживаю весь калейдоскоп эмоций, которые я испытала после первого в своей жизни 3D фильма: радость, что мать, все-таки, убедила меня пойти в кинотеатр вместе с ней и семьей тети Дарины, головокружительный восторг, вдохновение рисовать фан-арт.

Күннэй говорит:

— Кстати, пару лет назад министр культуры сказал, что “Аватара” сняли по мотивам олонхо, потому что у нас есть Мировое Древо — Аал Луук Мас, и в фильме тоже есть священное дерево. Я не совсем с этим согласна. Во многих культурах есть идеи о том, что деревья живые и что между людьми и деревьями могут существовать духовные связи. Не знаю…

Пожав плечами, Күннэй продолжает:

— Но вот что я точно знаю — тут апроприация глубже. На’ви очень похожи на коренные народы. Это — такой собирательный образ: они живут в гармонии с природой, никогда не убивают без надобности, борются против капитализма. Но в фильме На’ви не способны сплотиться и отразить людей-захватчиков. Им нужен… Как главного героя зовут? Джек? Джон? Джек! Им нужен этакий супергерой, белый спаситель.

Мне вдруг вспоминается цитата Киплинга: “бремя белого человека”. Күннэй продолжает:

— То есть, получается, что “Аватар” крадет культуры коренных народов, перемешивает их в одну солянку и использует, чтобы продвинуть идею о том, что вот, мол, колонизаторы — это, конечно, злодеи, но и среди них есть хорошие люди.

Вау, какая у меня умная подруга!

Над золотыми кронами тополей показываются окна дома Күннэй, а мне хочется, чтобы наша прогулка длилась вечно.

— Может, подольше погуляем? — предлагаю я. — Погода такая замечательная, и мне так интересно тебя слушать.

— Давай. Ты была в парке Баумана? Тут недалеко.

— Давай туда!

Күннэй кивает, и мы проходим мимо ее подъезда. Моя подруга говорит:

— Я тут вспомнила кое-что из детства. Мы с подружками обожали сериал “Аватар: легенда об Аанге”. Ты смотрела?

— Нет, я выросла на мультиках Диснея. А про что там?

— А для нас это было глаз не оторвать. Очень рекомендую! В общем, сюжет в том, что четверо ребят борются с тираном, который хочет поработить весь мир. И там главная изюминка в том, что в этом мире люди могут управлять четырьмя стихиями: водой, огнем, воздухом, и землей.

— Звучит интересно. Может, посмотрю как-нибудь.

— Но я это к чему рассказываю. Там главные героини обе очень крутые. Они сражаются наравне с пацанами. Мне нравилось представлять себя Катарой. Это — имя одной из героинь. Она сражается, управляя водой.

Мы с Күннэй сворачиваем на Старую Басманную улицу. Неожиданно моя подруга останавливается, отступает от меня на несколько шагов и занимает позу, которая напоминает мне позу из какого-то вида боевых искусств, но я не могу точно определить, какого.

Күннэй приседает на правое колено, вытягивает в сторону левую ногу и раскидывает руки в стороны, как если бы у нее за спиной были крылья дельтаплана. Я догадываюсь, что это — одна из боевых поз Катары из сериала.

Күннэй смеется, выпрямляется, и мы идем дальше.

— А однажды сестра уломала меня посмотреть с ней мультик про Белоснежку. Ну, знаешь, все эти немощные принцессы и принцы-спасители на белых конях. Я была в тихом ужасе.

Пройдя мимо здания с розовым фасадом, мы заходим сквозь чугунные ворота в парк имени Баумана. На парковых дорожках — море гуляющих, но для меня не существует никого, кроме подруги.

— В-общем, к чему я веду, — говорит Күннэй. — Помнишь, я сказала, что актеры — это врачеватели душ?

— Да, мне безумно понравилась эта твоя мысль. Я сама никогда не задумывалась, зачем я рисую. Мне просто нравится сам процесс.

— Это мне напоминает Фета. “Чистое искусство”. Вы проходили на лит-ре? У меня более прагматичный подход. Я реально не верю в искусство ради искусства. Все равно, все существует в культурных рамках. В диснеевских мультиках, да и вообще в старых детских книжках девочки — поголовно беспомощные, их надо спасать, а мальчики — бойкие, храбрые, всегда герои. Когда ты видишь такое, это, как гипноз. Тебе с детства внушают, что ты должна быть тихой и слабой, потому что ты, мол, будущая домохозяйка и должна стать служанкой для своего мужа, который будет тебя всем обеспечивать.

Күннэй морщится, а я осознаю, что это — именно то, каким я вижу свое будущее. После развода родителей я поставила себе цель стать полной противоположностью своей матери и воплощать в себе главные добродетели русской души: терпеливость, щедрость, самоотверженность, умение прощать.

В моей памяти вспыхивает воспоминание об одной давней родительской ссоре, когда мне было лет пять-шесть. Я сидела на ковре в главной комнате и разглядывала картинки в книжке “Приключения домовенка Кузи”. Из комнаты родителей доносились звуки телевизора — папа смотрел какую-то вечернюю программу.

Когда в замочной скважине заскрежетали мамины ключи, я услышала скрип диванных пружин и топот папиных тапок по полу в прихожую. “Где ты была?” — закричал папа. — “Я же тебе утром сказал: у меня завтра — важная встреча.” После того, как входная дверь захлоп-

нулась, мама сказала холодным голосом: “Я была у подруг, а ты — не мальчик маленький. Рубашку сам можешь погладить.”

Я чувствую себя запутавшейся. Я всегда думала, что это моя мать была неправа… Я не успеваю осмыслить свои эмоции, потому что Күннэй продолжает:

— Я считаю, что кино, особенно мультики для детей, очень важны. Дети видят в них разные модели поведения. Кстати, я сейчас понимаю, почему мне так понравилась Катара из “Аватара”. Она — смуглая, как я. Знаешь, это тоже имеет значение. Когда все героини — белоснежки, а ты — смуглая, это, знаешь ли, подрывает самооценку.

У меня в памяти возникает смуглое лицо Фаруха, его темные глаза и черные волосы, а потом сцена, когда Соня с Фарухом звонко смеются, уловив сходство между домовенком и Фарухом.

Мое сердце сжимается. Каким-то образом, Соня уже знает все то, о чем мне сейчас рассказывает Күннэй. Соня хотела поддержать Фаруха, показав ему, что он — не чужак, что таким, как он — есть место.

Может быть, во второй главе мне изобразить домовенка Фаруха смуглым?

Тем временем, Күннэй продолжает:

— И Нейтири из “Аватара”, который фильм, мне в начале понравилась. Сильная, независимая. Но потом она уходит на второй план. Было бы гораздо лучше, если бы это она приручила того большого дракона — торук, да? — и объединила все кланы.

Мы заходим в аллею, состоящую из увитых плющом металлических арок. Солнечный свет просачивается сквозь зеленые листья, и на земле у нас под ногами постоянно происходит игра теней. Этот танец напоминает мне то, что происходит у меня сейчас в душе — весь мой прожитый опыт как будто бы раскраивается на множество фрагментов. Слова Күннэй — это словно солнечные лучи, которые создают в моем сознании новые узоры.

Мне бы хотелось поблагодарить подругу, выразить то, как мне с ней интересно и как я ценю ее мысли, но мне сложно подобрать правильные слова. Если сказать просто “спасибо” или “как интересно” — этого недостаточно. Эти обычные слова не охватывают весь масштаб трансформации в моем сознании.

Я решаю перевести тему на статьи про чукотские войны и про процесс колонизации народа саха, которые Күннэй отправила мне в прошлые выходные. Я надеюсь, что смогу таким образом передать подруге насколько я ценю все, чему от нее учусь:

— Я, кстати, прочитала твои статьи. Действительно, поразительно, что в школе не рассказывали про Павлуцкого и Шестакова. И про ясак с аманатами.

Күннэй вздыхает:

— А чему удивляться? Империи невыгодно рассказывать про свои зверства.

Мы с подругой гуляем еще какое-то время, обсуждая то, как мало в российских школах информации о коренных народах. Благодаря Күннэй я узнаю, что самоназвание чукоч — ӆыгъоравэтӆьат и то, что российские нефтедобывающие и золотодобывающие компании ежегодно ущемляют права коренных жителей и подрывают их традиционный образ жизни.

Нагуляв аппетит, мы возвращаемся к Күннэй домой. Күннэй, как обычно, разогревает лепешки, а я выкладываю на блюдечко конфеты “Рошен” из коробки, которую принесла в качестве гостинца и нарезаю мяту для чая.

Потом я запираюсь в ванной, чтобы помыть руки. Включив кран, я набираю горсть горячей воды в ладони, зажмуриваюсь и с наслаждением ополаскиваю лицо. Я счастлива. Никогда в жизни у меня не было таких философских разговоров, после которых я бы чувствовала себя распустившимся цветком водяной лилии в пруду в китайском саду.

С закрытыми глазами я вдыхаю ароматы душистого мыла и туалетной воды с запахом сирени.

Китайский сад…

Китайский…

Внезапно в темноте перед моими закрытыми глазами возникают пронзительные голубые глаза Гоги, и у меня внутри все сжимается. Если бы я могла изменить одну деталь в сегодняшней прогулке с Күннэй, я бы добавила в нашу компанию Гогу. Я уверена, что у него, также как и у моей подруги, много интересных мыслей о роли кинематографа в жизни общества.

Ах, как было бы замечательно, если бы Финист ясный сокол стал участником нашего с Күннэй “Клуба Лепешек”.

Ах, я бы отдала все на свете, чтобы он стал моим молодым человеком.

Может, когда-нибудь Гога, Күннэй и я могли бы снять втроем фильм. Мне представляются финальные титры:

Режиссер и сценарист: Георгий Агафонов
Актриса: Күннэй Протодьяконова
Художница-постановщик: Алина Бабина
Художница по костюмам: Алина Бабина

Ах, если бы…

Я открываю глаза и слегка хлопаю себя подушечками пальцев по мокрым щекам. Алина, проснись. Ты не в сказке живешь. Надежда — это яд.

Я закручиваю кран и возвращаюсь на кухню с твердой решимостью больше не думать о Гоге.

Но стоит нам с Күннэй сесть за стол, как мне вдруг непреодолимо хочется поделиться с ней своими чувствами к Гоге. Может, Күннэй со своими бойкостью и смелостью придумает безобидный способ пригласить Гогу в наш клуб так, чтобы он не заподозрил, что я к нему неравнодушна?

Как заговорить на эту тему?

Раньше я никогда и ни с кем не обсуждала парней.

Только я решаюсь спросить, не понравился ли Күннэй кто-то из трех парней в театральном кружке, как вдруг из комнаты доносится конское ржание.

— О, это кто-то из подруг!

Күннэй кладет наполовину съеденную лепешку на тарелку и торопится к раковине. Моя руки, она бросает взгляд на цифровые часы над плитой и говорит поверх шума воды:

— У них же скоро полночь. Что им не спится?

Күннэй исчезает в коридоре. Вскоре рингтон прерывается, и из комнаты доносится разговор на саха тыла. Күннэй возвращается на кухню с телефоном в руках. Прежде, чем я успеваю разнервничаться, она пододвигает табуретку ко мне и садится со мной бок о бок.

На расположенном горизонтально экране — два широко улыбающихся лица. Күннэй говорит:

— Знакомьтесь. Лилия и Милана. Это — Алина.

Подруги Күннэй сидят рядом на диване: я вижу у них за спинами подушки и часть стены. На стене висят деревянная маска в виде длинного лица с узким подбородком и ловец снов с тремя серебристыми перьями.

У обеих девочек черты лиц уже заострились, и они выглядят старше, чем на фотографии над кухонным столом. Из того, что осталось неизменным — короткое каре Лилии и овальные очки Миланы в золотой оправе.

Лилия держит планшет у себя на коленях, и я замечаю, что она одета в черный худи с рисунком стилизованной мордочки койота с навостренными ушами. Милана одета в розовую кофточку с большим черным бантиком.

Я улыбаюсь и машу девочкам рукой.

— Привет, Алина! Наконец-то, мы тебя поймали, — говорит Лилия. — Она нам все уши про тебя прожужжала. Не волнуйся, компромата нет. Все отзывы — только положительные.

Она звонко смеется, а я улыбаюсь и украдкой смотрю на Күннэй. Мне очень приятно, что она рассказывала про меня своим подругам.

— Ты, значит, художница? — спрашивает Милана, подсаживая очки повыше на переносице.

— Да, я рисую комиксы для детей.

— Так круто! — говорит Лилия. — Обожаю комиксы. Какой твой самый любимый? “Наруто”?

— Вообще-то, я больше по детским книжкам, но не умею писать, так что, вот, рисую. И еще я — немного старомодная, — признаюсь я. — Знаете такую серию детских книжек про приключения Муми-тролля?

Лилия и Милана качают головами.

— Это из 70-х, — поясняю я.

Лилия говорит:

— Понятно, вы с Күннэй — два сапога пара. Две Стародушки.

Это — магическое мгновение — разделить с подругой прозвище, которой ей дали ее подруги детства.

— Ну не всем же быть впереди планеты всей, — смеется Күннэй.

— А чем ты еще увлекаешься? — спрашивает Милана. — Ну, помимо, рисования?

Я пожимаю плечами:

— Да так, собственно больше и не чем. Книги люблю читать. Фильмы смотрю.

Меня вдруг охватывает желание узнать побольше о Лилии и Милане, и я спрашиваю:

— А вы что? Күннэй говорила, что вы обе — технари? Но так я про вас больше ничего не знаю.

Лилия ахает, как будто бы в шоке, и смотрит на Милану с открытым ртом. Потом повернувшись к экрану, она говорит с наигранным возмущением:

— Что-о-о? Алина не знает, кто я?

Күннэй смеется и говорит:

— Ну, я подумала, тебе лучше самой представиться. Ты же у нас та еще скромница.

— Я — Лилия Саввинова — спасительница животных и провидица будущего! Скромная помощница для всех нуждающихся, — Лилия изображает, что раскланивается. — Алин, у тебя есть домашние животные?

Я качаю головой.

— Если в будущем заведешь котенка, щеночка, черепаху, лягушку, жабу, ящерицу, и они вдруг захворают, я — к твоим услугам. Подлечим, выходим, поставим на ноги. Также, — Лилия поднимает указательный палец, — если у тебя на душе неспокойно…

Тут Лилия расправляет ладонь и начинает загибать пальцы:

— Любит-не любит, завалю контроху-не завалю, заболею-не заболею, выиграю миллион в лотерею-не выиграю — по любым вопросам обращайся ко мне.

Лилия поворачивается к Милане и гладит ее по плечу.

— Бедняжка у нас уже третий месяц иссыхает от любви. Карты говорят одно и то же — ей с ним ничего не светит. И… — Лилия наклоняется к экрану и, загородив рот ладонью, говорит громким шепотом, — по правде сказать, он — тот еще козел!

Милана вздыхает, а Лилия, откинувшись на спинку дивана, заключает:

— Но любовь зла — полюбишь и козла.

Милана соединяет ладони лодочкой, прижимает их к груди и, закатив глаза к потолку, восклицает:

— Знаю, знаю, знаю! Но, бли-и-ин, он — такой красавчик!

Сердце грохочет у меня в груди. Хотя я пробыла в троице Күннэй, Миланы и Лилии, всего лишь, минут десять, я уже чувствую себя с ними комфортно. Я чувствую, что стоит мне только упомянуть про Гогу, как Лилия тут же засыплет меня сотней вопросов о нем, и мне будет также приятно на них отвечать, как мне было приятно от их с Миланой расспросов про мое хобби. Может, рассказать? Поделиться?

— Миланочка, встречают по одежке, а провожают по уму, — говорит Лилия, качая указательным пальцем из стороны в сторону.

Күннэй хлопает в ладоши и вмешивается в диалог подруг:

— Стопэ! Только не Боря. Сколько можно? Милана, представься нормально.

Милана наклоняется вперед, снова поправляет съехавшие на кончик носа очки и говорит:

— Пардон, я — Милана, хочу стать программистом.

— Она у нас — самая головастая, — говорит Лилия. — Знаешь поговорку: если гора не идет к Магомеду? Так вот, если решение задачи не идет к Лилии, то Лилия идет к Милане.

Я смеюсь. Как легко и комфортно общаться с подругами Күннэй! Они сразу же включили меня в свой междусобойчик. Они смеются не надо мной, не между друг другом, а вместе со мной! Мне так хорошо, что кажется, я парю в облаках.

Лилия говорит:

— В-общем, когда-нибудь в будущем я открою свою ветеринарную клинику, а Миланочка у нас устроится работать в Гугл и отредактирует там алгоритм так, чтобы моя клиника всегда была в поиске в топе. Мы разбогатеем и войдем в список Forbes.

— Ага, щас, разбежалась. Я ради тебя работой рисковать не буду, — смеется Милана.

— Что ты сказала?! — Лилия снова преувеличенно изображает возмущение, уронив планшет на колени и уперев руки в бока. — Я, значит, пашу, как раб на галерах, гадаю тебе денно и нощно, а ты ради меня не можешь даже алгоритм подправить самую малость?

Мое сердцебиение снова учащается. Я рада тому, что тема возвращается к любовным переживаниям.

— Ты же скромная помощница для всех нуждающихся, — парирует Милана.

— А вот захочу и не буду тебе больше гадать. Вот я на тебя полюбуюсь. Ты будешь спрашивать: Боря то, Боря се, а я — хм!

Лилия комично запрокидывает вверх подбородок и резко отворачивается от Миланы.

Я пользуюсь возможностью спросить:

— А кто такой Боря?

Күннэй шутливо стонет:

— Алин, что ты наделала? Ты же ящик Пандоры открыла…

Милана явно оживляется от моего вопроса. Она садится прямее, расправляет плечи, заправляет волосы за уши и, мечтательно подняв голову, начинает рассказывать:

— Боря — это наш одноклассник. Он — самый красивый человек на Земле. Күннэй, как богатырей описывают? Мускулы, как горы?

Күннэй прячет лицо в ладонях и качает головой, тихо завывая. Милана продолжает:

— Взгляд, как острие меча. Быстрый, как вольный скакун. Сильный, как тридцать богатырей.

— Хва-а-а-тит! — стонет Күннэй.

Милана смотрит обратно в экран и заканчивает:

— Ладно, девчонки, конечно, правы. Он — козел. Но, блин, мне нравятся плохие парни.

— Милана, если можно спросить, а что он такого сделал? — спрашиваю я.

Күннэй смотрит на меня в ужасе:

— Алин, и ты туда же? Их хлебом не корми… Они однажды всю ночь о Боре болтали. Представляешь? Целую ночь!

Күннэй качает головой, цокает языком и смотрит на меня так, как если бы я была единственной во всем мире, кто может ее понять. Но факт в том, что я отлично понимаю Милану. Если бы мне было с кем обсуждать Гогу, я бы тоже целыми ночами разговаривала только о нем.

Гога — красавец. Подражая тридцати шести видам Фудзи, я могла бы нарисовать тридцать шесть видов Финиста ясного сокола.

Гога — непревзойденный оратор. Когда он начинает говорить что-то на уроках, все: и учителя, и одноклассники, — затихают и внемлют его словам, как если бы Гога глаголил последнюю истину перед концом света.

Гога — творческая личность. Это — большая редкость, чтобы парни его возраста так серьезно занимались искусством.

— Нашла у кого спрашивать, — фыркает Лилия и снова начинает загибать пальцы. — Во-первых, двоешник. Во-вторых, лентяй. В-третьих, драчун. Он Айсену проходу не дает. Бедный Айсен…

Күннэй нагибается к экрану с озабоченным выражением лица и спрашивает на этот раз серьезным тоном:

— Опять что-то случилось?

Лилия вздыхает и отвечает:

— Ну да, пару дней назад — опять драка…

Лилия прикусывает нижнюю губу, а Милана принимается дергать ниточки на рукаве своей кофточки.

Через несколько секунд тишины Лилия резко поворачивается к Милане и говорит:

— Поэтому я ей и твержу — хватит по нему сохнуть! Найди себе парня получше.

Күннэй качает головой и говорит:

— Да уж, бывает невезуха. Бывает, что попадется какой-нибудь такой… и превращает всю жизнь в ад. Знаете, что со мной сегодня случилось? Я же ходила на занятие в театральный кружок.

— Ах да, ты же говорила! — восклицает Лилия. — Как прошло?

— Ну что, как? — говорит Күннэй. — Мне очень понравилось, но попалась там одна. Она мне “нихао” сказала.

Лилия ахает, а Милана хмурится.

— Вот расистка! — Лилия поднимает сжатую в кулак правую руку. — Вот бы я там была. Я бы ей так по роже заехала. Мало не покажется.

— Стародушка, может, ты к нам обратно? — говорит Милана. — Сдался тебе этот лицей, этот ГИТИС? У нас же полно хороших вузов. АГИКИ — ты же сама говорила.

Күннэй вздыхает и качает головой:

— Знаю, знаю… Я когда это “нихао” услышала, у меня тоже первая мысль — да ну на фиг! Что я тут вообще делаю? Алина — единственный лучик света в темном царстве.

Я смотрю на Күннэй, которая улыбается мне и двигает бровями в сторону глубокой тарелки с лепешками. Ах да, я так увлеклась разговором, что и забыла, что лепешки и чай остывают. Прежде, чем протянуть руку за угощением, я говорю Күннэй:

— Спасибо, приятно слышать.

Күннэй пододвигает к себе свою тарелку с недоеденной лепешкой, закидывает оставшуюся часть себе в рот и, прожевав, продолжает:

— Вот это и называется последствиями колонизации. Все самые престижные вузы — в Москве и Питере. А почему? Потому что все деньги сюда текут.

Күннэй делает несколько глотков чая и добавляет:

— Да, АГИКИ — классный вуз, но ГИТИС — столько мастерских, столько мастер-классов. Про ГИТИС все знают. Как вы думаете, если две актрисы одинаково хороши на роль, кого выберут? Ту, что закончила АГИКИ, или ту, у кого корочка из ГИТИСа?

Күннэй хмурится и ударяет несколько раз ложечкой о стенку кружки. Лилия и Милана молчат, как будто бы зная, что Күннэй еще не закончила.

Күннэй говорит:

— Я знаю, что это — неправильно. Но что поделать? Я постоянно слышу, какая в киноиндустрии большая конкуренция, как там тяжело пробиться. Но я реально нигде больше себя не вижу. Сниматься в рекламе? Вести корпоративы? Нет, спасибо!

Күннэй обхватывает кружку обеими руками, подносит ко рту, делает несколько медленных глотков, а потом, поставив кружку на стол, говорит финальным тоном:

— Обещаю: если поступлю в ГИТИС, то обязательно впитаю все, что смогу и вернусь домой обогащать нашу сцену, развивать наше кино.

Я уверена, что если бы услышала эти рассуждения Күннэй, когда мы с ней только познакомились, меня бы поразило то, как Күннэй говорит “нашу сцену и нашу киноиндустрию”, как если бы республика Саха не была частью России.

Однако, после прочтения статей о колонизации Сибири, в которых рассказывалось в частности о том, что русские воспринимали коренных жителей Сибири как ничейный народ, который они имели полное право взять в свою собственность, после всего, что Күннэй рассказывала мне о негативных стереотипах о коренных жителях, и особенно после того, как я услышала “нихао” в адрес Күннэй, приветствие, которое исключало ее из лицейского сообщества, подчеркивало, что она выглядит не так, как все, что она в Москве — чужая, — после всего прожитого за эту неделю дружбы, я понимаю свою подругу.

Те российские граждане, которые находятся в привилегированном положении, наслаждаются доступом к деньгам со всей России, никогда не будут заботится о процветании коренных народов. Коренным жителям можно полагаться только на себя и на своих союзников и союзниц.

Милана кивает, а Лилия говорит:

— Запротоколировано. Ты смотри, мы тебе, если что, это припомним.

— Да-да, — говорит Милана, — надеюсь, что доживу до твоего возвращения.

— Милана! — Лилия снова изображает на лице шок, и я с интересом жду, какую шутку они сейчас разыграют. — Я тысячу раз все перепроверила. За кого ты меня держишь?

Күннэй схватывает шутку подруг на лету:

— Какое на этот раз зелье? Улучшение памяти? Зрения? Слуха?

Күннэй поворачивается ко мне и поясняет:

— Это у нас каждую осень одно и то же. Когда сезон грибов и ягод, от Лилии просто не скрыться. Зелье на зелье зельем погоняет. Осеннее обострение!

— Ну давайте, заливайте! — наигранно возмущается Лилия. — Ты, Күннэй, помнишь, как ты математику на ОГЭ сдала? Можно подумать, мое зелье мудрости было ни при чем. А ты, Милана. Забыла про зачеты по физ-ре?

Күннэй говорит с усиливающимся смехом:

— Лиль, Лиль, Милана после твоего зелья силы и быстроты так облегчилась…

Күннэй не договаривает, потому что они с Лилией обе разражаются добродушным хохотом.

Я улыбаюсь, а Милана несколько раз пытается их перекричать. Когда Күннэй с Лилией утихают, Милана говорит:

— Вот поэтому… Поэтому… Я и сказала: “надеюсь, что доживу.”

Күннэй поворачивается ко мне и говорит:

— В-общем, Алина, готовься. Если соберешься ко мне в гости, придется побыть у Лилии лабораторным кроликом.

— Алин, не бойся, — Лилия машет рукой, — насколько мне известно, я еще никого до смерти не отравила.

— А как ты готовишь эти зелья? — спрашиваю я. — Ты знаешь какие-то рецепты или сама придумываешь?

— Когда я отвариваю мухоморы, то да, конечно, все по рецепту, — говорит Лилия с серьезным видом.

— Ты готовишь мухоморы?! — восклицаю я.

— Ну да, — тон Лилии звучит так спокойно, как если бы она отвечала на вопрос о погоде. — Мухоморы ядовиты только в сыром виде.

— И вы это едите? — я перевожу взгляд с Күннэй на Милану и обратно.

Тут все трое подруг звонко смеются.

— Она шутит, — говорит Милана.

Я присоединяюсь к их смеху:

— Уф! А я уже подумала…

Күннэй говорит:

— Я Лилю, конечно, очень люблю, но мухоморы ради нее есть не буду.

— А что за рецепты? Откуда? — спрашиваю я. — Например, зелье мудрости. Оно из чего?

— Она из интернета тырит, — говорит Милана. — Например, боровик с луком — это зелье мудрости, потому что…

— Шшш… — Лилия прижимает палец к губам, — что ты из меня шарлатанку делаешь? Ничего я не тырю! Я еще магию туда добавляю.

Лилия поднимает сжатую в кулак руку и быстро раскрывает ладонь, растопырив пальцы.

— Ага! Значит, ты, все-таки, признаешь, что рецепты — обычные. Тогда ты мне объясни, — Милана свешивает ноги на пол, садится прямо, и складывает руки на коленях, как примерная ученица. — Почему ты не можешь взять какой-нибудь рецепт с лисичками и добавить свою “магию”, чтобы он стал любовным зельем? Боишься, что не сработает?

Лилия закатывает глаза и говорит:

— Если он сам в тебя влюбится — окей, но брать грех на душу и влюблять его в тебя я не собираюсь.

Милана поворачивается к экрану и смотрит на нас с Күннэй:

— Алин, у меня к тебе вопрос. Человек, в нашем случае, я, виноват, когда влюбляется в другого человека?

Я энергично трясу головой. Вот она — возможность рассказать про Гогу. Я говорю:

— Нет, это от нас не зависит. Я точно знаю…

Я набираю в грудь побольше воздуха и уже собираюсь сказать: “Я тоже недавно влюбилась,” как вдруг Күннэй потягивается и говорит:

— Лиль, Мил, у вас же уже поздно. И у нас тоже вечереет. Алине скоро домой. Давайте, может, заканчивать?

Лилия и Милана одновременно наклоняются к планшету; Лилия зевает, а Милана снимает очки и массажирует веки подушечками большого и указательного пальцев.

— Да, ты права, — говорит Лилия. — Сразу спать захотелось.

— Ладно, приятно было познакомиться! — говорит Милана.

— Взаимно, — отвечаю я.

Күннэй машет подругам и, перед тем, как отключиться, говорит:

— Бакаа, скоро еще созвонимся!

Лилия и Милана машут, и звонок заканчивается.

Күннэй откладывает телефон на край стола и вздыхает.

— Я их всем сердцем люблю, но, честно сказать, иногда их разговоры про парней немного утомляют.

Күннэй вытирает глаза тыльными сторонами ладоней.

Я понимаю, что мне не удастся поделиться своими неразделенными чувствами к Гоге. Ладно, оно и к лучшему. Все равно, моя влюбленность безнадежна. Такой харизматичный парень, как Гога, никогда не обратит на меня внимания. Разговаривать о нем с Күннэй — это только подливать масла в огонь. Я решаю, что оставлю свои чувства при себе и буду надеяться, что со временем они угаснут сами собой.

А пока что буду радоваться тому, что имею.

Я говорю:

— Лилия и Милана — классные. Спасибо, что познакомила.

Күннэй смотрит на меня с улыбкой и отвечает:

— Ты им тоже понравилась. Будем и дальше общаться.

Глава 5

В субботу я с нетерпением жду 11 утра, чтобы поехать в гости к Күннэй. Мы с ней договорились встретиться около полудня. Когда я уточнила, не помешаю ли я Саргылане, Күннэй сказала, что у сестры по субботам — занятия танцами, а вечер она, скорее всего, проведет вне дома со своим молодым человеком.

У нас с подругой — большие планы: я, наконец-то, засяду рисовать вторую главу комикса, а Күннэй будет делать домашнее задание по предмету, который называется “Исследования современной культуры”. Задание заключается в том, чтобы придумать собственное произведение в жанре перформанса. Мне очень интересно, что у моей подруги получится. Сегодняшняя творческая встреча “Клуба Лепешек” обещает быть вдохновляющей и плодотворной.

Когда я прохожу в прихожую обуваться, из комнаты матери доносится скрип пружин. Мать только что проснулась.

Положив сумку на пол и вернувшись к себе в комнату, я решаю дождаться, когда она умоется и пойдет завтракать. Минут через десять я слышу, как дверь ванной открывается, и мать проходит на кухню. Я следую за ней и замираю в проходе.

— Доброе утро, Алиненок. Я думала, ты сегодня к подруге?

Поставив чайник кипятиться, мать оборачивается ко мне со своей обычной широкой улыбкой. Почему-то сегодня я не раздражаюсь на ее манеру называть меня уменьшительно-ласкательным именем.

Я смотрю на ее белый халат, который она купила несколько лет назад, когда летала со своей подругой и коллегой, тетей Олей, в Анапу по путевке. На холодильнике у матери за спиной — множество магнитов в виде разных достопримечательностей. Каждый из них хранит память об одной из материнских поездок за границу.

У меня в памяти вспыхивает воспоминание из квартиры, где мы с родителями жили до развода. Мама сидела на черном кожаном диване, скрестив руки на груди, а папа стоял напротив, уперев руки в боки, и выкрикивал обзывательства. Он был в ярости, потому что мама не спросила у него разрешения, прежде чем запланировать недельный отдых в Египте с тетей Дариной и тетей Олей. В результате, папа заставил маму все отменить.

Это стало для меня большим ударом.

Мне, тогда еще маленькой девочке, очень хотелось посмотреть на пирамиды. Плюс дочь тети Дарины — бойкая и веселая Василиса, которой я восхищалась — тоже должна была поехать. Но главная причина, почему отмена поездки так меня травмировала была в том, что отец не одобрил ее. Его крики в адрес матери: “эгоистка” и “лентяйка”, — долго отзывались эхом у меня в голове.

С тех пор, когда мать звала меня в турпоездки, я всегда отказывалась, потому что я усвоила моральный урок, преподнесенный отцом: загорать на пляже, бесцельно бродить по рынкам и глазеть на сувениры и выбрасывать деньги на изысканные деликатесы — апогей гедонизма.

Воспоминание из детства рассеивается. Его разгоняют слова Күннэй: “Тебе с детства внушают, что ты должна быть тихой и слабой, потому что ты, мол, будущая домохозяйка и должна стать служанкой для своего мужа, который будет всем тебя обеспечивать.”

Я прокашливаюсь и говорю:

— Доброе утро, да, мне скоро выходить… Просто я хотела спросить про Соню и Фаруха. Как у них дела?

Мать достает из шкафа тарелку и пакет с хлопьями и ставит на стол.

— Дети, слава Богу, попривыкли к Фаруху. До сих пор, конечно, поддразнивают, но это уже не то, что было в начале.

В моем сердце снова шевелятся стыд и раскаяние. Я боюсь спрашивать, что было в начале. Боюсь узнать, что мальчики в группе дрались с Фарухом, точнее, даже не дрались, а били его (я не могу себе представить, чтобы такой тихий и скромный мальчик, как Фарух мог кого-то ударить) только потому, что он почти не говорит по-русски и выглядит не так, как они.

Тем временем, мать, достав молоко из холодильника, заливает хлопья и продолжает рассказывать:

— А Соня все про тебя спрашивает: “Когда Алиночка придет?” Как твой комикс?

— Так, понемногу, — говорю я и внезапно чувствую желание открыться матери. — Кстати, мою подругу зовут Күннэй. Она из Республики Саха.

Насыпав в кружку одну ложечку кофе и две — сахарозаменителя, мать разворачивается ко мне, прислоняется поясницей к столешнице и внимательно на меня смотрит.

Я продолжаю:

— Она мечтает стать актрисой, что и понятно. Она превосходно играет. Я подумала, может, в эту пятницу мы с ней вместе придем. Она зачитает мой комикс.

Глаза матери загораются, и она говорит с энтузиазмом:

— Здорово! Буду рада с ней познакомиться. Күннэй, да?

— Да…

Я стою в замешательстве. Такой долгий разговор с матерью — большая редкость. Почему-то, мне хочется спросить, какие у нее планы на день, но тут вода в чайнике закипает. Бросив взгляд на цифровые часы над плитой, я замечаю, что уже 11:18.

Я поспешно говорю:

— Ладно, мне пора. Автобус…

— Хорошего дня! И передавай Күннэй от меня привет.

По дороге к Күннэй разговор с матерью не идет у меня из головы. Я прокручиваю в памяти наше совместное прошлое.

Я все винила мать в том, что она недостаточно обо мне заботится, но справедливо ли это? Разве не я первая отстранилась от матери?

Я же сама из года в год отказывалась ходить с ней в гости к ее подругам, запретила ей праздновать со мной мой день рождения, по другим праздникам ограничивалась скупыми “С днем рождения” и “С Новым годом” и отказывалась летать с ней в отпуск по путевкам.

Я пытаюсь вспомнить какой-то определенный момент, когда мы с матерью полностью разошлись, когда я перестала что-либо рассказывать ей о своей жизни, а мать перестала спрашивать. Однако, мне это не удается. Не было какого-то конкретного дня. Скорее, это был долгий процесс самовнушения: я убеждала себя, что мать не способна ни о ком заботиться, что она — непостоянная, своенравная, эгоистичная. Но ведь были же дни в младшей школе, когда мать стучалась ко мне в комнату и, получив мое разрешение войти, садилась ко мне на кровать и спрашивала: “Как день прошел?”

Что если мать, на самом деле, хотела и была готова заботиться обо мне, но я сама не позволяла ей? Я внушила себе, что мать виновата в распаде семьи и задалась целью во всем от нее отличаться. Каждый мой поступок, который казался мне добродетельным — то, как я терпела насмешки над собой в школе, то, как начала заботиться о Соне — все эти поступки были моим способом самоутверждаться: “Вот, посмотрите, я — не Валя. Я — идеал настоящей русской девушки, образец русской души. Вот какая я добрая, самоотверженная, терпеливая, заботливая.”

Но что, если отец был виноват в разводе не меньше матери или даже больше?

Я плохо помню отца. Когда я пытаюсь воспроизвести в памяти его образ, я вижу большие прямоугольные очки в черной оправе, торчащие в стороны большие уши, вспоминаю запахи его зимней кожаной куртки и гуталина, которым он всегда полировал перед выходом свою

обувь и слышу его возмущенный резкий голос, который всегда подпрыгивал на октаву вверх во время ссор с матерью.

Наверное, я могла бы найти отца в соцсетях, но я сознательно никогда этого не делала. После развода отец ни разу не вышел со мной на связь, и я всегда предпочитала винить в этом мать — думать, что за годы брака она довела его до такой крайности, что, освободившись, он захотел полностью стереть адское прошлое из памяти, включая собственную дочь.

Помню, что я всегда побаивалась отца. Он был для меня, как Перун. Его молчаливое присутствие в квартире было, как грозовые тучи в небе. Никогда невозможно было предугадать, когда и почему он разразится гневом. Точно также было невозможно понять, как его задобрить: его настроение портилось и улучшалось по неведомым мне правилам.

Несмотря на все это, я всегда восхищалась отцом; он был для меня непререкаемым авторитетом, на чью репутацию всегда во всем правого главы и кормильца семьи я не смела посягнуть ни одной дурной мыслью. В те редкие моменты, когда отец снисходил до того, чтобы похвалить меня за какой-нибудь мой детский рисунок, его слова поощрения становились для меня источником вдохновения на целые месяцы.

Сейчас я думаю, что, возможно, испытывая пиетет перед отцом, я просто-напросто копировала поведение окружающих. Помню, как однажды в далеком детстве, на приеме в больнице, женщина-врач спросила у меня, кем работает мой папа. Когда я объявила, что он — полицейский, глаза женщины-врача округлились, и она несколько раз повторила с пиететом в голосе: “Какая уважаемая профессия! Ты должна им гордиться. Страж порядка, настоящий защитник Родины.”

И еще было много подобных ситуаций. Своими жестами и интонациями окружающие меня взрослые создавали мировоззрение, в котором мужчины казались во всем компетентнее женщин и традиционно мужские профессии казались во много раз важнее, чем традиционно женские. Например, когда мальчики говорили, что хотят стать военными или космонавтами, их детские мечты встречались с бóльшими энтузиазмом и гордостью, чем когда девочки говорили, что хотят, например, стать учительницами или медсестрами.

Автобус останавливается рядом со станцией метро, и я тороплюсь на выход. Спустившись по эскалатору и устроившись на свободном сидении в полупустом вагоне электрички, я устремляю взгляд в окно.

Пока поезд несется по черному тоннелю вперед, время в моем воображении заворачивается петлей и снова отбрасывает меня в прошлое до развода.

Как у меня иногда бывает, я вижу сцены из прошлого, как будто бы откуда-то сверху.

Маленькая Алина стояла в коридоре и смотрела на маму, которая сидела за кухонным столом на фоне мрака за окном. Посасывая кончик указательного пальца, Алина пыталась понять, почему мама сидела, уронив голову на сложенные руки, почему ее плечи то и дело вздрагивали. Неужели, мама плакала?

Антураж меняется.

Алина сидела за кухонным столом напротив мамы и по левую руку от папы. Мама сидела с прямой спиной, рассказывала папе про свои планы на выходные и отрезала ножом кусочек жареного бекона. Она держала нож, задрав мизинец вверх. Алина оттопыривала мизинец каждый раз, когда протыкала своей вилкой мелко нарезанные кусочки мяса, но это было не то. Когда уже родители разрешат ей пользоваться настоящим ножом?!

Внезапно папа сжал руками край стола и отодвинул табуретку с оглушительным скрежетом. От силы его толчка, бокалы закачались, и Алинин яблочный сок расплескался на скатерть. Папа разразился гневной тирадой: “Сколько еще я должен это терпеть? Не жена, а проклятье!”

После развода мать повеселела. Вместо того, чтобы радоваться за нее, я находила в этом подтверждения тому, что Валя была никчемной женой.

Электричка ускоряется, грохот колес усиливается, и в этом шуме я снова слышу слова Күннэй: “Тебе с детства внушают, что ты должна быть тихой и слабой, потому что ты, мол, будущая домохозяйка и должна стать служанкой для своего мужа, который будет тебя всем обеспечивать.”

Действительно, почему мама, то есть мать, должна была гладить отцовские рубашки, готовить ему есть, прибирать квартиру и не имела права по собственному желанию отправиться в отпуск с подругами?

Вагон замедляется, и женский голос озвучивает по громкой связи:

— Станция “Чистые пруды”.

Я хватаю сумку, выхожу из вагона и тороплюсь в гости к подруге.

Когда Күннэй открывает дверь, меня приветствует громкий рэп. Я тут же догадываюсь, что Саргылана еще дома. Күннэй ненавидит рэп, и по ее хмурому лицу я понимаю, что она недовольна шумом.

Мой живот на секунду скручивается от волнения перед непредотвратимым знакомством, но, вспомнив, как замечательно прошло знакомство с Лилией и Миланой, я расслабляюсь и закрываю за собой дверь. Прошмыгнувший следом ветерок приятно охлаждает мои щеки.

— Сестра еще не собралась, — говорит Күннэй, — я тебе написала.

Я достаю из кармана джинс телефон и проверяю экран. Действительно, в уведомлениях — список непрочитанных сообщений от подруги:

> **Күннэй:** ***Алин, привет!***
> ***сестра задерживается***
> ***хотела предупредить***

— Спасибо, — говорю я.

Пока я разуваюсь, я поражаюсь контрасту: в случае с подругами Күннэй была так уверена, что все пройдет отлично, что познакомила меня с ними спонтанно, а в случае с Саргыланой она как будто бы не так уверена в том, как все пройдет. Видимо, они с сестрой не так близки, что и понятно, учитывая их большую разницу в возрасте.

Одевая тапки с помпонами, я вспоминаю все маленькие детали, которые я знаю о Саргылане. Күннэй рассказала, что ее сестра закончила журфак в МГУ четыре года назад. Значит, Саргылане сейчас 25 или 26. Еще я знаю, что сестра Күннэй работает в газете, что она тщательно следит за модой, старательно ухаживает за своей внешностью, занимается танцами и встречается с молодым человеком.

Я намечаю возможные темы для светской беседы. Можно сделать комплимент по поводу гардероба или спросить, каково Саргылане было учиться в МГУ. Я могла бы сказать, что МГУ — в списке университетов, куда я собираюсь подавать…

Тут в дверном проходе появляется девушка с волосами до плеч необычного цвета. Я бы назвала его розовым золотом. На секунду я теряю дар речи. Это — подруга Саргыланы?

Конечно, нет! Что я туплю? Саргылана просто-напросто покрасилась.

Сестра Күннэй поражает меня своей красотой. Черные леггинсы с узором из скачущих золотых оленей подчеркивают стройность ее длинных ног. Вместо обычной спортивной футболки, Саргылана одета в элегантный белый топ с перекрещивающимися на груди лямками. В пупке у девушки серебрится пирсинг.

Несмотря на то, что Саргылана собирается на занятие танцами, ее макияж безупречен. Ее черные ресницы густо накрашены и в паре с поблескивающей на щеках золотистой пудрой

они вызывают у меня ассоциацию со шмелем, который влетел в огромный розовый цветок шиповника и собирает с пестика пыльцу.

— Привет, — говорит Саргылана и, подняв палец с идеальным красным маникюром, добавляет, — пардон, минутку.

Она снова исчезает в комнате, и песня останавливается. Тем временем, Күннэй говорит мне:

— Ты проходи, я пока обед разогрею.

Я захожу в комнату и вижу, что Саргылана стоит над своей кроватью с телефоном в руках. На полу у нее под ногами — раскрытая спортивная сумка.

Я опускаю сумку рядом с диваном и смотрю на сестру Күннэй. Она что-то печатает несколько секунд, а потом, выключив экран, бросает телефон на матрас и разворачивается ко мне. Ее ярко накрашенные губы растягиваются в широкой улыбке.

— Алина, да? Я — Света.

— Света? — я хмурюсь от замешательства.

— Күннэй тебе не сказала? Вообще-то, мое крестильное имя — Фотиния. Но это, по сути, тоже самое, что Света. Можешь себе представить, называться Фотинией?

Света фыркает, а я вежливо улыбаюсь и говорю:

— А, понятно, я не знала. Приятно познакомиться.

Неужели Күннэй тоже православная? Почему-то этот факт не встраивается в тот образ о подруге, который у меня сложился за это время. Наверное, причина — в статье которую Күннэй мне недавно прислала. В этой статье рассказывается о преследованиях шаманов в годы Великих репрессий. Я делаю себе мысленную заметку расспросить подругу об ее отношении к православию, когда подвернется возможность.

— Ты меня извини, — говорит Света и кивает на телефон на матрасе, — я должна была выйти полчаса назад, но тут… эм… небольшой форс-мажор. Я немного в подвешенном состоянии.

Света заправляет волосы за уши и отходит к кровати Күннэй. Останавливается лицом к окну и ставит руки на пояс.

Я говорю:

— Ничего страшного. Вы даже не извиняйтесь. Это же я — в гостях.

Света разворачивается и говорит с улыбкой:

— Можем на “ты”.

— Хорошо.

Через несколько мгновений улыбка спадает со Светиного лица, и она снова подходит к своей кровати, берет телефон и проверяет что-то на экране.

Я чувствую, что она явно чем-то озабочена. Я собираюсь было уйти на кухню к Күннэй, но тут Света поднимает голову и спрашивает:

— Ты рисуешь?

— Да, комиксы. А ты танцуешь, да? Какой стиль?

Света проходит к дивану, садится, утонув правым боком в мягких подушках, и жестом приглашает меня сесть рядом.

— Знаешь, я в детстве мечтала стать балериной. Выступать в Большом. Быть примой в “Лебедином озере”. Но, в итоге, ушла в журналистику. Проще найти работу.

— Күннэй говорила, ты работаешь в газете?

— Да, “Аргументы и факты”. Слышала?

— Вообще-то, я не особо читаю новости.

— Я в твоем возрасте тоже не читала.

— Но мне интересно твои статьи почитать. Я поищу как-нибудь.

— Набери “Светлана Протодьяконова”, что-нибудь выпадет. Я в рубрике “Общество”. Глянь, может, заинтересует.

— Да, да, обязательно. А что по поводу танцев? Продолжаешь балетом заниматься?

Света вздыхает, опускает голову и какое-то время переворачивает телефон в руке.

— Нет, я сейчас хип-хоп учу. Гек говорит… Гек — это мой парень. Вообще-то, он — Сережа, но я зову его Гек. Как Гек из “Чука и Гека”. Он тоже любит петь — прямо, как Гек из книги. И он такой же противоречивый. Мечтатель и настоящий мужчина в одном лице. В обиду не даст. Он мне еще иногда Есенина напоминает.

Света нежно улыбается сама себе, и у нее на щеках проступает румянец.

Она влюблена.

Я знаю.

Из глубин моей памяти, как будто бы из ночных сумерек к первым лучам восходящего солнца, выпархивает Финист ясный сокол. Вот я снова оказываюсь в аудиториуме на второй лекции Олега. Профессор спрашивает, знаем ли мы что такое внешний и внутренний конфликт, чем они отличаются, и какую роль играют в фильмах. Гога, не поднимая руки и не дожидаясь разрешения, начинает отвечать.

Все головы, включая мою, поворачиваются к нему. Гога с рассыпавшимися по плечам волосами не обращает ни на кого внимания. Он продолжает давать абсолютно правильный ответ, и с высоты своего места он представляется мне соколом, парящим на волнах ветра. Его взгляд устремлен вперед, на Олега, и в эти мгновения, они с профессором — на равных.

У меня мелькает видение будущего, где Гога учится в Вышке на бакалавриате по программе “Кинопроизводство”. На четвертом году обучения его научным руководителем становится Олег, и вместе эти двое талантливых мужчин снимают блокбастер, который во время премьеры собирает миллионы.

Меня вдруг охватывает непреодолимое желание хотя бы на секунду снова оказаться в присутствии Гоги, хотя бы на несколько мгновений снова утонуть в его небесно-голубых глазах, хотя бы пару минут слушать его хрипловатый баритон.

Я тяжело вздыхаю. И почему только человеческая психика так устроена? Почему продолжаешь надеяться, даже когда разумом понимаешь, что надеждам не суждено сбыться?

О, как я благодарна Күннэй за то, что она пригласила меня в гости, за то, что я смогу отвлечься на комикс.

Света резко меняет позу — садится по-турецки и, опустив голову, сосредотачивается взглядом на зажатом между ладоней телефоне.

— В-общем, Гек, он — репер, сказал, что хип-хоп сейчас в моде, а балет — прошлый век.

— Он сам пишет песни? — спрашиваю я.

Как, оказывается, вокруг много творческих людей. Может, если бы я познакомилась с Күннэй и Светой раньше, девять лет школы не были бы для меня адом. Моя бурная фантазия снова подбрасывает мне сцену из альтернативного будущего. На этот раз к нашему с Күннэй “Клубу Лепешек” присоединяются помимо Гоги еще и Света с Геком, и впятером мы создаем великолепный фильм. Возможно, в этом фильме одна из героинь — балерина. В титрах значится:

Актриса: Светлана Протодьяконова
Композитор: Сергей…

— Да, он — гений, — Света вскидывает голову и смотрит на меня широко открытыми глазами.

Глаза Светы похожи на два черных озера, сверкающие отражением ярких звезд в безлунную ночь.

Неужели я выгляжу точно также, когда смотрю на Гогу? Только не это! Если влюбленный взгляд настолько очевиден, мне срочно надо принять меры предосторожности и смотреть на Финиста ясного сокола только в случаях крайней необходимости. Меньше всего я хочу, чтобы он догадался о моих муках неразделенной любви и начал бы меня жалеть.

После того, как родители развелись и с тех пор, как начался мой процесс отчуждения от матери, я привыкла страдать от издевательств со стороны сверстников в одиночестве. Я убедила саму себя в том, что истинно русская душа способна переносить любые мучения, не становясь обузой для других. Со временем мои молчаливые страдания стали для меня предметом гордости.

Я немного остываю, когда напоминаю себе, что с тех пор, как наши с Гогой взгляды встретились на первом уроке Олега, больше они не пересекались.

Колоссальным усилием воли я возвращаю свое внимание обратно к разговору со Светой и говорю с наигранным энтузиазмом:

— Мне бы хотелось послушать. Та песня, которая играла, когда я пришла — это его?

Почему-то Света краснеет и роняет взгляд. Она выглядит пристыженной.

— Нет, это — Эминем. Гек от него без ума.

Совладав со своим выражением лица, Света снова смотрит на меня и говорит:

— Эм… если хочешь Гека послушать, у него есть канал на Ютубе. Сергай Цез называется. Это — его творческий псевдоним. Как Гай Юлий Цезарь.

Я достаю телефон и, вводя пароль, спрашиваю:

— Прикольный никнейм, а слитно или раздельно?

Прежде, чем Света успевает ответить, ее телефон взрывается рингтоном — отрывком из какой-то неизвестной мне рэп-песни.

Света вскакивает с дивана так быстро, что случайно ударяется коленом о кофейный столик. Вскрикнув от боли, она вздергивает колено вверх и, растирая его ладонью, делает несколько прыжков к своей кровати. Все еще держа колено в воздухе, она принимает звонок и прижимает телефон к уху.

— Алло? Гек?

Я не хочу подслушивать и набираю в поисковой строке Ютуба “Сергай Цез” раздельно.

Мне тут же выпадает канал с фотопортретом профиля молодого человека с короткими курчавыми волосами желтого цвета и прямым носом. На голове у Сергея — золотой лавровый венок. Также на фотографии заметна часть его одежды — белая туника с пурпурной накидкой на плечах.

В это время после серии тихих поддакиваний, Света говорит голосом, который звучит на октаву выше ее нормального тона:

— Люблю тебя.

Я поднимаю взгляд как раз в тот момент, когда Света сокрушенно вздыхает и, наклонившись вперед, принимается растирать ладонями передние стороны бедер.

Через несколько минут она, не говоря ни слова, подходит к шкафу, распахивает дверцы, достает пару плечиков с одеждой и, даже не посмотрев на меня, выходит из комнаты.

Раздается хлопок двери, и я понимаю, что Света заперлась в ванной комнате.

Что случилось?

На пороге комнаты появляется Күннэй со словами:

— Обед готов. Идем?

Тут взгляд Күннэй падает на оставленные открытыми двери шкафа, и она вздыхает.

Я хочу было спросить, почему Светино поведение так резко поменялось, но прикусываю себе язык. Не надо лезть не в свое дело.

Пока мы с Күннэй накрываем на стол, Света уже успевает переодеться. Мы еще только приступаем к трапезе, а она уже выходит из ванны в белой блузке с пышными рукавами, которая заканчивается на талии, оголяя живот, и широкие бежевые брюки.

Я замечаю, что Күннэй бросает на старшую сестру быстрый взгляд, хмурится и качает головой, то ли неодобрительно, то ли с сочувствием.

Пока Света идет по коридору в прихожую, мне кажется, что Күннэй находится на грани того, чтобы что-то сказать, но передумывает, опускает голову, зачерпывает ложку супа и, подув на нее, отправляет в рот.

Света уходит, не попрощавшись.

После того, как входная дверь закрывается, мы какое-то время едим молча. Потом Күннэй говорит:

— Эх, не нравится мне этот Сергей. Я ей тысячу раз говорила.

Я поднимаю голову в надежде, что подруга объяснит причину своей антипатии. Так и происходит. Заметив мой вопросительный взгляд, Күннэй начинает делиться наболевшим:

— Она с ним год назад познакомилась. На каком-то рок-концерте. Она и так-то нам мало что рассказывала. Как уехала учиться в МГУ, так… Мама часто говорит: “Совсем с радаров пропала”.

Күннэй вздыхает и принимается медленно помешивать ложкой суп. Я не знаю, что сказать, потому что не знаю, какого рода отношения были между сестрами до переезда Светы в Москву.

Мне вспоминается мой долгий эмоциональный путь отчуждения от матери: сперва — боль и гнев, ослепляющие, как взрыв сверхновой звезды, потом обида, тлеющая, как поваленные лесным пожаром деревья, потом принятие реальности и рождение новой звезды — стремление во всем быть лучше матери, доказать самой себе и всему миру, что мне вовсе не нужны ни ее ласка, ни ее забота, ни ее любовь.

Были ли Күннэй со Светой когда-то близки? Была ли Света образцом для подражания? Или Света ранила своей отстраненностью родителей Күннэй, за что Күннэй не может ее простить?

Тем временем моя подруга продолжает:

— Я сразу поняла, что что-то не так, когда Света бросила из-за него балет. Она, пока училась в МГУ, ходила заниматься. А этот Сергей заставил ее бросить. Нет, конечно, когда я говорю, что это он ее заставил, она, конечно, бросается его защищать, мол, ничего он ее не заставлял, она сама захотела.

Күннэй снова вздыхает, качает головой и говорит с грустной иронией:

— Да уж, прямо, сама захотела.

Я спрашиваю:

— А ты его видела? Слушала его песни? Света сказала, он — рэпер.

Я тут же жалею о своем вопросе, потому что и так грустное лицо Күннэй становится еще пасмурнее. Она отпускает ложку, подпирает щеку кулаком и какое-то время молча теребит рукав футболки.

Я тороплюсь добавить:

— Конечно, можешь не отвечать…

— Да нет, все в порядке, — Күннэй набирает полные щеки воздуха, а на долгом выдохе через рот, который напоминает шумное сдутие воздушного шарика, меняет позу и садится, положив оба локтя на стол и свесив с края стола перекрещенные крест-накрест запястья.

Она говорит:

— Просто, я когда о нем вспоминаю, у меня сразу аппетит пропадает. Ну да, он заходил пару раз. Сразу видно, что выпендрежник. Понтов много, а по сути — пуф!

При слове “выпендрежник”, мое сердце екает и начинает колотиться в ускоренном темпе. Күннэй точно также охарактеризовала и Гогу. Но Гога — не выпендрежник! Он уже сотню раз это доказал.

Например, на уроках он никогда не отвечает на элементарные вопросы по домашним заданиям — он выше того, чтобы повторять, как попугай, заученный материал. Если Гога начинает говорить, то это — настоящие лекции. Однажды на уроке истории он целую четверть часа рассказывал про огнестрельное оружие, которым казаки пользовались при завоевании Сибири. Мне запомнились термины “пищали” и семиствольная пушка “Сорока”. Гога так увлекся, что даже вышел к доске и схематично изобразил эти оружия маркером.

После этого я миллион раз проигрывала в воображении то, как Гога, держа маркер, проводил линии с таким усилием, что кончик маркера поскрипывал в тишине, как его бицепс то напрягался, то расправлялся, будто идущие по реке волны, как он иногда барабанил кончиком маркера по доске, чтобы придать вес только что сказанной фразе.

А если дело доходит до дискуссий, то тут Гоге нет равных. Он — блестящий оратор и всегда выходит из словесных поединков победителем. Недавно на уроке обществознания один парень, худощавый, в очках и говорящий с заиканиями, заявил, что считает обязательную службу в армии неправильной: “Если ты — пацифист и веган, зачем тебе учиться стрелять?”

Гога сходу произнес длинный монолог, достойный места не иначе, как в главе про князя Болконского из толстовского романа “Война и мир”. Суть монолога заключалась в том, что пацифизм и веганство — это инфантилизм, и когда возникает реальная угроза твоему Отечеству, священный долг любого мужчины — взять в руки винтовку и ринуться в бой. Высказывая эти мысли, Гога преобразился: с прямой спиной, с рассыпавшимися по плечам волосами, с бесстрашным взглядом, он показался мне реинкарнацией Георгия Победоносца.

Мне вдруг хочется пересказать Күннэй слово в слово все Гогины убеждения о патриотизме, доказать ей, что Гога готов отдать за Родину жизнь. После этого она точно перестанет считать его выпендрежником. Я останавливаю сама себя: во-первых, речь сейчас не обо мне, а во-вторых, я же твердо решила не подливать масла в огонь.

Күннэй продолжает рассказывать про Сергея:

— В-общем, он начал передо мной хвастаться: мол, он поступил в МГУ, но бросил через пару недель, потому что понял, что это все — фигня. Потом начал самоутверждаться за счет Саргыланы: вон, она прилежно отучилась четыре года, и что? Мол, работает на нищенскую зарплату. А он скоро будет миллионы долларов зарабатывать.

Күннэй морщится, и я согласно киваю. Сергей — точно выпендрежник, а вот Гога — нет. Гога хочет стать режиссером не ради денег, а ради того, чтобы внести вклад в российскую культуру. Я это точно знаю. Такой идейный человек, как Гога — выше того, чтобы гнаться за материальными благами. И когда люди занимаются чем-то только ради денег, это сразу заметно. Для Гоги съемка фильмов — главная страсть, и он готов заниматься этим бесплатно. Об этом свидетельствует его страница во “ВКонтакте”.

Күннэй продолжает:

— Я Саргылане это все уже тысячу раз говорила, но она ничего не хочет слушать. Она с ним “счастлива”. А мне не нравится, как он к ней относится. Как к кукле, к вещи. Вот ему взбредет в голову, чтобы она приехала к нему на репетицию или, не знаю, захотелось ему в клуб, и Саргылана все бросает и едет к нему. А он ни разу ради нее ничем не пожертвовал. И волосы она покрасила, потому что ему, мол, блондинки больше нравятся.

Күннэй качает головой и говорит уже совсем резким голосом:

— А песни у него отвратительные. Лучше не слушай. Мат-перемат. Смысла — ноль.

Она вдавливает подушечки большого и указательного пальцев во внутренние уголки глаз и несколько секунд массажирует опущенные веки. Потом, отняв руку от лица, вздыхает, пару раз моргает и говорит усталым голосом:

— Так, ладно, я опять заводиться начала.

— Извини, не хотела… Давай, может, о чем-то другом поговорим? Ты говорила, что будешь перформанс сегодня готовить. А расскажи поподробнее… Что это такое? Ты уже придумала, что будешь делать?

Күннэй снова берется за ложку и, прежде чем хлебнуть супа, говорит:

— Перформанс — это такое мини-выступление с целью привлечь внимание к какой-то социальной проблеме. Слышала про Pussy Riot?

Я качаю головой:

— Это какая-то музыкальная группа?

— Да, женская панк-рок-группа. Я тоже про них не знала. Оказывается, в 2012-м они устроили перформанс в Храме Христа Спасителя — панк-молебен, чтобы Богородица прогнала Путина. Их арестовали за оскорбление чувств верующих. Потом громкий судебный процесс был. Их даже в тюрьму отправили.

Я роюсь в памяти, но не могу вспомнить, чтобы слышала об этом хоть где-то. Наверное, мне, и в самом деле, следует начать читать новости.

Тем временем, Күннэй говорит:

— У нас на уроке, кстати, вышли дебаты: справедливо их арестовали или нет. Ты как думаешь? Они заслуживали тюрьму?

— Хм… Дай подумать.

Я размышляю, прихлебывая суп. Мне снова вспоминается патриотическая речь Гоги о защите Родины. Он произносил слова “самопожертвование” и “священный долг” с таким глубоким убеждением, что ни у кого не могло остаться сомнений в том, что это были не просто слова. Гога — современная версия русских богатырей из былин. А я? Я всегда мечтала быть воплощением высших добродетелей русской души: терпеливость, щедрость, самоотверженность, умение прощать. Как мне ответить, опираясь на эти моральные ориентиры?

— Думаю, нет… Христианство ведь учит “подставлять вторую щеку” и прощать своих врагов.

Я представляю себе Гогу и пытаюсь угадать: если бы он был сейчас в одной комнате со мной и с Күннэй, как бы он отреагировал? Христианство ведь также учит не убивать, но с точки зрения Гоги убивать врагов ради защиты Родины — долг любого мужчины.

Күннэй открывает было рот, но я опережаю подругу с поправкой:

— Хотя, погоди. С другой стороны, я думаю, они, все-таки, заслужили наказание. Может, не тюрьму, конечно. Но это же, действительно, было неуважительно, а есть такое выражение: “Чтобы победило зло, достаточно, чтобы добро ничего не делало.” И это было зло — то, что они сделали. Например, моя бабушка была очень верующая. Ее бы такое неуважение ранило. Наверное, был бы самый лучший вариант, если бы эти певицы искренне извинились перед теми, кого обидели. Думаю, моя бабушка бы простила.

Вот теперь я довольна своим ответом. Он отражает ценность всепрощения, но в нем также есть место и для Гоги с его убежденностью, что злу всегда надо оказывать деятельное сопротивление.

Тут я вспоминаю про Светино крестильное имя и спрашиваю:

— А ты, кстати, сама верующая? Света мне сказала, она — православная.

Күннэй качает головой:

— Нет, я верю в шаманизм, в духов. Саргылана крестилась, когда сюда переехала, — Күннэй отправляет в рот ложку супа и задумчиво перемещает бульон из щеки в щеку, прежде чем проглотить. — Да, она просила называть ее Светой, но я за глаза, все равно, называю ее Саргыланой. Никак привыкнуть не могу.

— Понятно.

Мы едим какое-то время молча, а потом Күннэй возвращается к теме перформанса:

— Мне, кстати, понравился твой ответ. Я согласна, что тюрьма — это чересчур и что искреннее извинение было бы самым лучшим вариантом. Вообще взаимное уважение — это база. Когда его нет, то легко оправдать самые страшные преступления. Как, например, репрессии шаманов в 30-е.

— Да уж, страшные страницы истории…

Күннэй проглатывает несколько ложек супа и говорит:

— Но с другой стороны, на уроке нам рассказывали, что цель перформанса — вызвать общественный резонанс, чтобы привлечь внимание к общественным проблемам. То, что певицы просили изгнать Путина — это классная метафора. Путин — реальное зло.

Какое-то время мы едим молча. До дружбы с Күннэй я не интересовалась политикой, но после всего того, что она рассказала мне про коррупцию Путина и его окружения: про то, как налоги со всей страны стягиваются в федеральный бюджет, где разворовываются, а потом распределяются так, что обратно в регионы доходит самая малость, — после этого, я согласна с тем, что Путина можно было бы сравнить с дьяволом.

Тут мне приходит на ум мысль:

— Наверное, тут надо задать вопрос: чего, на самом деле, достиг их перформанс? Он помог настроить общественность против Путина или только обидел и ранил верующих? Но вот как это узнать? И тем более понять, что перевешивает…

— Мда… — задумчиво говорит Күннэй, — какой у нас философский разговор завязался… Наверное, я за точку зрения, что любой человек должен или должна нести ответственность перед теми, для кого они творят свое искусство. Если перформанс Pussy Riot больше ранит людей, чем меняет их взгляды на Путина, то, лучше придумать какой-то более эффективный способ.

— Как ты складно сформулировала! Я согласна.

— Кстати, ты же про мой перформанс спросила. Да, у меня уже есть идея. Я тебе покажу, когда все приготовлю.

После обеда я сажусь за письменный стол Күннэй работать над комиксом, а моя подруга раскладывает на кофейном столике ножницы, стопку разноцветного картона, карандаши и устраивается на диване у меня за спиной.

Я так увлекаюсь приключениями домовенка Фаруха, смуглого и одетого точь в точь, как Сонин друг, в белое поло, черные штаны и темно-синие кеды, что не замечаю, как пролетает время.

Когда я проверяю телефон, оказывается, прошло уже два часа. Вау! Давно я так продуктивно не работала. Без сомнений, это присутствие подруги помогло мне войти в транс. Скрежет ее карандаша по бумаге, потом скрежет ножниц — знание, что Күннэй усердно трудится над своей задумкой мотивировало меня не отвлекаться.

Я откидываюсь на спинку стула и медленно пересматриваю две страницы. Я добралась до того момента, где ради примирения домовенок Фарух принес Лисавете большую миску молока.

Я очень довольна своей работой и решаю сделать перерыв. Поскольку Күннэй все еще что-то вырезает, я включаю телефон и набираю в поисковике: “аргументы и факты светлана протодьяконова”.

Мне выпадают несколько заголовков:

“Новороссия” и “Крым Ваш”. Чьи это слова?

Больше, чем партнерство. Что нужно знать о Фестивале искусств “Газпрома” и КННК?

Я кликаю на второй заголовок и узнаю, что фестиваль, на котором выступили ансамбль “Сибирский сувенир” с российской стороны и “Каменный цветок” с китайской проводится регулярно с целью использовать культурный обмен, чтобы укреплять партнерство между двумя компаниями.

В первой части небольшой статьи рассказывается о совместных проектах “Газпрома” и КННК (оказывается, аббревиатура расшифровывается как Китайская Национальная Нефтегазовая Корпорация).

В статье написано:

“В мае Россия и Китай подписали самый крупный в мировой истории договор купли-продажи трубопроводного газа. 1 сентября была выполнена сварка первого стыка газотранспортной системы “Сила Сибири”. Этот трубопровод обеспечит транспортировку газа в Китай с Ковыктинского месторождения в Иркутской области и Чаяндинского в Якутии.”

— Ты нашла ее статьи?

Я вздрагиваю. Я и не слышала, как Күннэй подошла.

Обернувшись, я смотрю на подругу, которая, нахмурившись, сканирует мой экран. Я говорю с улыбкой:

— Если честно, я плохо понимаю про всякие торговые сделки. Ненавидела экономику. Хорошо, что в лицее ее не надо изучать.

Күннэй продолжает хмуриться. Я быстро перемещаю взгляд с подруги на статью и обратно и спрашиваю:

— Что-то не так?

Бегло дочитав до конца, Күннэй говорит со вздохом:

— Да нет, просто, я — не фанатка ее статей. То есть, если прямо сказать, они мне ну, вообще, никак.

— Почему?

Я ошарашенно поворачиваюсь обратно к телефону и несколько раз провожу пальцем вверх и вниз по экрану. На фотографиях запечатлены артисты и артистки в ярких национальных костюмах с широкими улыбками на лицах.

Күннэй говорит:

— Конечно, это — жизнь Саргыланы, я не вправе вмешиваться, но я всегда считала, что призвание журналиста — защищать правду. А то, что делает сестра — либо проплаченный контент, либо чистой воды пропаганда.

Я откидываюсь на спинку стула. Вместо того, чтобы опять спросить “почему”, я просто раскрываю рот с тихим “а?” и чешу затылок.

— Смотри, у тебя есть выбор: ты можешь написать про этот вот “фестиваль искусств”, — Күннэй презрительно фыркает, — или ездить по областям и республикам и брать интервью у представителей коренных народов о том, как добыча полезных ископаемых вредит их здоровью и разрушает их уклад жизни.

— Вредит здоровью?! — переспрашиваю я.

Я не могу себе представить, чтобы в наше время в нашем современном государстве промышленность вредила здоровью людей. Экологии — да. Но людям?!

— Ты о таком не слышала?

Я качаю головой.

— Да это — сплошь и рядом. Просто об этом не пишут, вот большинство людей и живут в неведении. Сейчас покажу. Можно?

Күннэй протягивает руку к телефону и, получив мое согласие, выходит со страницы обратно в поиск. Пальцы подруги зависают на мгновение над поисковой строкой, а затем она снова хмурится и нажимает на статью ““Новороссия” и “Крым Ваш”. Чьи это слова?”

— А вот это — гнусная пропаганда.

Щеки Күннэй краснеют, и я узнаю у нее на лице то же самое выражение гнева, которое появилось у нее, когда девочки из театральной мастерской, сбегая вниз по лестнице, сказали ей “нихао”.

Когда на экране появляется репродукция портрета Григория Потемкина, Күннэй массажирует лоб пальцами и говорит:

— Ты даже представить себе не можешь сколько мы с ней на эту тему ругались.

Я смотрю на подругу вопросительно. Я слышала новости об аннексии Крыма, но я тогда была слишком сосредоточена на подготовке к ОГЭ и вступительным испытаниям в лицей и не стала разбираться.

Перехватив мой взгляд, Күннэй объясняет холодным голосом:

— Если вкратце, то Светлана совсем увязла в пропаганде. Она не верит, что существует независимый украинский народ. Мол, они все — русские. Это она такой стала из-за Сергея. Он — расист. “Россия — для русских”, русские марши и прочее. Это, кстати, одна из главных причин, почему я его терпеть не могу.

Я прикусываю нижнюю губу. Я не знаю, что такое русские марши, но лозунг “Россия — для русских” звучит неправильно. В моем воображении проносятся лица Зухры, Лолы, Фаруха и мамы Фаруха, чье имя я, к своему стыду, не могу вспомнить.

Күннэй добавляет грустным голосом:

— Для мамы это — особенно больно. Она у нас ярая сторонница независимости Саха.

— Как отдельного государства? — спрашиваю я.

Раньше мне никогда не приходила в голову такая мысль, но теперь, после всех статей, которые Күннэй мне присылала и после многочисленных разговоров с ней о кровопролитном завоевании Сибири, о последствиях колонизации, когда все денежные ресурсы сосредоточены в центре, когда промышленное развитие ставится в приоритет над сохранением уклада жизни коренных народов — после всего моего интеллектуального развития за это короткое время, мысль о независимости республик внезапно кажется мне логичным решением проблем и способом восстановить историческую справедливость. Как было бы здорово, если бы на карте мира вдруг появилось 33 новых государства (по числу республик и автономных округов)!

Күннэй кивает в ответ на мой вопрос:

— Да. Мама считает, что у каждого народа есть право на самоопределение, и что саха лучше смогут о себе позаботиться если будут сами собой управлять. Я согласна: империя видит коренные народы и их родные земли только как ресурсы. Папа — более умеренных взглядов, но он полностью согласен с тем, что колонизация коренных народов Сибири была злом. И тут не может быть каких-то двояких прочтений.

Я киваю, а Күннэй, побарабанив пальцами по столу, говорит:

— Кстати, хочешь посмотреть мой перформанс?

Я оживляюсь:

— Да, с удовольствием!

— Скажи, если что подправить.

Я пересаживаюсь на диван, а Күннэй убирает все ненужное с кофейного столика и оставляет на нем только учебник истории. Затем садится напротив меня на пол и складывает на столе руки. Делает несколько медленных вдохов и выдохов — готовится к выступлению. Я настраиваюсь внимательно смотреть и слушать.

— Поехали, — говорит Күннэй.

Она закрывает глаза и открывает учебник. Перелистывая страницы вслепую, она говорит монотонным голосом:

— Российское государство начало присоединение Сибири во второй половине 16-го века. Первым шагом на пути к освоению новых территорий стал поход Ермака против Сибирского ханства в 1581-м году. Поход был спонсирован купцами Строгановыми, которым требовалась

военная подмога, чтобы защитить свои земли от набегов татар и манси. Войско казаков технологически превосходило войско сибирских татар. Примитивные луки и стрелы не могли противостоять пушкам и ружьям. Одно из положительных последствий присоединения Сибири — развитие коренных народов.

Тут Күннэй переворачивает несколько страниц разом, и в переплете книги оказывается вставлена закладка из картона. Күннэй поднимает ее на уровень лица и открывает глаза. Закладка вырезана в форме очков с прорезями в виде крестов вместо линз.

Күннэй восклицает:

— А я — саха! Я знаю, что коренные народы не были примитивными. У меня в руках — чурапчи. Изобретены, чтобы защищать глаза от снежной слепоты.

Күннэй откладывает чурапчи в сторону, перелистывает несколько страниц и достает еще одну поделку. На этот раз — это целая аппликация. Күннэй кладет на стол картонный круг неровной формы и одну за другой поднимает приклеенные к ней фигурки людей с копьями в руках.

— Это — мунха. Древний вид зимней рыбалки на карасей. Изобретен, чтобы помогать семьям переживать суровые зимы, когда температуры опускаются до -60.

После значительной паузы Күннэй снова закрывает глаза и продолжает монотонную лекцию с перелистыванием страниц учебника:

— В начале 17-го века проходило продвижение русских казаков к Тихому океану. В этот период было основано много острогов и городов, таких как Мангазея в 1601-ом и Якутск в 1632-ом. Казаки славно служили русскому царю, обогащая казну пушниной, которую они добывали либо охотой, либо собирая ясак с местных жителей. Присоединение Сибири оказало положительное влияние на развитие экономики российского государства и способствовало превращению страны в тяжеловесного игрока в мировой политике.

Күннэй находит еще одну картонную закладку. На этот раз она оказывается вырезана в форме карася. Открыв глаза, Күннэй восклицает:

— А я — саха! Я знаю, что для коренных народов всегда было важно соблюдать баланс в природе. Мунху на одном и том же озере проводят раз в два или три года, чтобы дать популяции карасей возможность восстановиться. Истребление соболя ради меха было злом.

Отложив карася на стол, Күннэй снова закрывает глаза и возобновляет монотонное вещание:

— Не смотря на все трудности, лишения и невзгоды, которые поджидали казаков во время их сибирских походов, они не сдавались. Непоколебимая вера в Бога придавала им сил и уверенности. Язычники не могли им противостоять. Распространение православной веры было еще одним положительным последствием присоединения Сибири. Примитивные верования канули в небытие, уступив место превосходящему их монотеизму.

Күннэй открывает глаза и демонстрирует закладку в виде шамана с бубном. Она снова восклицает:

— А я — саха! Я знаю, что шаманизм не примитивен. Шаманизм — это способ видеть мир одушевленным. Все вокруг живое — деревья, камни, реки, озера, горы. Шаманизм помогает прозреть, — на этих словах Күннэй устанавливает шамана на стол и поднимает чурапчи на уровень глаз, — и научиться жить не ради обогащения, а ради процветания всей жизни вокруг нас.

Тут Күннэй захлопывает учебник истории и одним резким движением сметает его со стола. Он с грохотом падает на пол.

Вау!

Не находя нужных слов, я аплодирую.

Күннэй вскакивает на ноги и, прижав руку к сердцу, с улыбкой отвешивает три поклона.

Глава 6

В последнюю пятницу сентября я брожу по автобусной остановке, слушая хруст жухлых разноцветных листьев у себя под ногами. Хотя Күннэй сказала, что не надо ее встречать, что она сама прекрасно доберется до детского садика, я, все равно, пришла.

Сейчас я представляю себе нашу скорую встречу. Стоит ли предупредить Күннэй о том, что у меня с матерью холодные отношения? Все это время Күннэй была со мной очень открыта: познакомила со своими лучшими подругами, поделилась своими напряженными отношениями с сестрой.

С одной стороны, мне хочется открыться ей в ответ и рассказать ей про свои нелады с матерью, но с другой стороны, мне сложно подобрать нужные слова. Что я скажу?

Я мысленно репетирую свою речь: “Күннэй, если что, не удивляйся, что я называю ее мать. Мы с ней не особо ладим. Мы — разные люди. Она — эгоистка и не способна заботиться о семье. Она была виновата в разводе с отцом, и я так и не смогла ее простить.”

Но если я это скажу, будет ли это правдой? Благодаря разговорам с Күннэй я чувствую, что не могу продолжать винить во всем мать. Называть ее эгоисткой будет несправедливой клеветой.

От порыва прохладного ветерка мне вспоминаются периоды моей жизни, когда мать проявляла самоотверженную заботу, а я упорно этого не замечала.

Октябрь — месяц, отмеченный датами смерти дедушки и бабушки с разницей в два года. Мне было тогда 9 и 11 лет. У нас с матерью и с бабушкой было время подготовиться к первой трагедии. Дедушке диагностировали рак легких за год до смерти.

Помню, как однажды мать предложила мне сделать для дедушки подарок в больницу — альбом с фотографиями и с моими рисунками. Я отказалась, потому что с моей тогдашней максималисткой точки зрения все прошлое было омрачено ссорами родителей и поэтому незачем было дарить эти тяжелые воспоминания дедушке.

Теперь спустя много лет, я думаю, что мать надеялась, что совместное занятие поможет нам справиться с горем вдвоем. Мой отказ был эгоцентричным. Когда родители привозили меня в деревню, для дедушки с бабушкой это всегда было праздником. Они крепко меня обнимали, целовали и повторяли: “А вот и наше сокровище!”

Не смотря на мой отказ, мать, все равно, сделала фотоальбом. Она долго трудилась над ним по вечерам, сочиняя к каждой фотографии небольшой текст-воспоминание или небольшое стихотворение. Сейчас, вспоминая мать, сидящую, сгорбившись, за столом с перьевой ручкой в руке, я впервые остро жалею, что не поучаствовала в том процессе деятельной любви.

Альбом был не единственным проявлением Валиной заботливости. Я вспоминаю, как мать каждый вечер звонила бабушке после работы и подолгу с ней разговаривала, оказывая душевную поддержку; как мать взяла кредит, чтобы помочь с оплатой дедушкиного лечения и как она потом несколько лет ограничивала себя во всем и по выходным подрабатывала репетитором русского языка для младшеклассников.

Смерть бабушки была внезапным ударом. В одни октябрьские выходные четыре года назад бабушка пожаловалась в телефонном разговоре на легкую простуду, а спустя несколько дней, нам с матерью позвонила соседка с новостью о том, что бабушку госпитализировали. Мать тут же взяла отгулы, и мы вылетели в Сыктывкар.

Помню кошмар тех дней: нехватка сна, пронизывающий до костей ледяной ветер, ночное небо, сплошь затянутое тучами, тесная комната в старой гостинице.

Однажды после разговора с бабушкой, когда мы с матерью вышли в коридор, мать вдруг пошатнулась, рухнула на стул для посетителей и, закрыв лицо руками, тихо разрыдалась.

Я стояла тогда в стороне и смотрела на нее с холодом. Ее поведение казалось мне наигранным. Мать изображала страдания перед спешащими туда-сюда медсестрами. Я тогда думала: женщина, которая разрушила семью и радовалась этому, женщина, которой плевать на то, что над ее дочерью издеваются в школе — такая женщина не способна искренне страдать.

Вот я сама точно знала, что страдаю. Я мучила себя, не давая себе высыпаться, я перестала есть, я выходила в холодные осенние ночи легко одетая — и все в иррациональной надежде на то, что благодаря моим страданиям бабушка выздоровеет.

Теперь я поражаюсь своей жестокости по отношению к матери. Я усугубляла ее страдания от потерь обоих ее родителей тем, что отталкивала ее от себя. Она не заслуживала этого!

Да, она — не типичная домохозяйка, но зато она всегда готова сорваться с места по первому зову о помощи от своих подруг. Может быть, обострения артрита у тети Дарины — вовсе не выдумка, не преувеличение, чтобы привлечь к себе внимание?

Мне становится стыдно за то, что я, до сих пор, так думала. Я узнаю в этих мыслях свой собственный детский эгоцентризм: как я думала, что раз мое детство было несчастным, то и для дедушки тот период времени был таким же; как я была уверена, что я страдаю от близящегося ухода бабушки по-настоящему, а мать притворяется.

На фоне безоблачного голубого неба показывается автобус Күннэй. Что я скажу?

Я пробую еще один вариант: “После развода родителей, я винила в этом мать и оттолкнула ее от себя.”

Автобус, фыркнув выхлопной трубой, останавливается возле остановки прежде, чем я успеваю что-либо решить. Двери открываются, и из салона выпрыгивает моя подруга в джинсах, серой кофте с оранжевыми рукавами и с маленьким рюкзачком за спиной.

— О, привет! — Күннэй подходит ко мне бодрой походкой с широкой улыбкой на лице.

У нее явно отличное настроение, и я тут же решаю не рассказывать ей о своих отношениях с матерью. Сейчас — не самое подходящее время.

— Привет, — говорю я, — как добралась?

Мы направляемся в сторону детского садика.

— Отлично. Автобус не надо было ждать. Я только выхожу из метро и, на тебе. Карета подана.

— Да, обожаю, когда так совпадает.

— Я, кстати, недавно открыла для себя драматурга Лорку.

— Хм… Не слышала про такого.

— Мне очень зашло. Я сейчас “Кровавую свадьбу” залпом прочитала, — Күннэй выворачивает руку за спину и хлопает себя по рюкзачку. — Рекомендую.

— Я бы с удовольствием, но, вряд ли, время найдется. Расскажешь, о чем?

— Заспойлерить?

— Да, у меня руки, точно, не дойдут.

Остаток пути до детского садика, Күннэй с увлечением рассказывает мне историю о трагическом любовном треугольнике между женатым мужчиной и девушкой, готовящейся выйти замуж за нелюбимого человека.

Когда мы проходим через калитку на территорию детского садика, я краем глаза замечаю женщину с пышными золотыми волосами, которые, как будто бы образуют гало вокруг ее головы. Она быстрой походкой идет вдоль забора.

Я вздрагиваю.

Сонина мама?

Не может быть!

Я же специально выбрала сегодняшний день, потому что по пятницам Соню из детского садика забирает папа.

С гулко колотящимся в груди сердцем, я оборачиваюсь и бросаю на женщину прямой взгляд.

Нет, это — не Ирина Павловна. Просто похожая прическа.

Уф, какое облегчение!

— Что-то не так? — спрашивает Күннэй, заметив мою остановку.

Я смотрю на смуглое лицо подруги, и у меня перед глазами мелькают воспоминания: Ирина Павловна с яростным выражением лица подходит к Соне и вздергивает ее за руку; Ирина Павловна, не обращая внимания на Фаруха, угрожает моей матери, что пойдет жаловаться в администрацию, если еще раз увидит Соню и Фаруха вместе; две девочки, сбегающие вниз по лестнице, оборачиваются и говорят: “Нихао!” — а затем, хихикая скрываются из виду.

— Да нет, просто знакомое лицо показалось.

— У меня такое часто бывает, — смеется Күннэй. — Я однажды в школе обозналась и обняла девочку из параллельного класса. Она со спины — вылитая Милана.

Когда мы с Күннэй, разувшись, заходим в класс старшей детской группы, Соня вскакивает с ковра в дальнем углу, где они с Фарухом играют и бросается нам навстречу с раскрытыми руками.

— Алиночка!

Соня врезается в меня с разбега, обнимает и зарывается лицом в мой живот. Я смеюсь и глажу ее по голове.

— Привет, Сонь! Знакомься, это — Күннэй. Моя подруга.

Соня делает шаг назад, запрокидывает голову и с интересом разглядывает Күннэй.

— Рада знакомству! — говорит Күннэй.

Соня резко разворачивается, громко зовет Фаруха по имени и машет ему, чтобы он подошел. Мальчик встает и, не поднимая голову, направляется к нам маленькими шажками. Мое сердце сжимается от раскаяния, что когда я увидела его в первый раз, я не приложила ни капли усилий, чтобы помочь ему почувствовать себя комфортно.

Я тороплюсь познакомить Фаруха со своей подругой:

— Фарух, приветик! Это — Күннэй.

Фарух останавливается в метре от нас и, заложив руки за спину, шепчет:

— Привет. Приятно познакомиться.

— Salom, Фарух! — говорит Күннэй.

Мальчик вскидывает голову, разглядывает Күннэй несколько секунд, а потом вдруг широко улыбается. Я любуюсь его улыбкой: в его черных глазах как будто бы зажигаются светлячки, а на щеках появляются две симметричные ямочки, с единственным отличием в том, что в правой есть родинка, а в левой — нет.

Неожиданно Фарух спрашивает:

— Siz o'zbek tilida gaplashasizmi?

Күннэй качает головой и очень медленно выговаривает на незнакомом языке:

— Yo‘q, men o‘zbekcha gapirmayman. Men Sakha Respublikasidanman.

Я смотрю на подругу с восхищением. Оказывается, она специально выучила набор стандартных фраз, чтобы Фарух не чувствовал себя чужаком, чей родной язык никто не принимает в расчет.

Фарух кивает, сгибает правую руку в локте и, держа загнутый вверх большой палец на уровне груди, говорит:

— Я учить русский.

Тут из комнаты, где расставлены кровати для тихого часа, выходит моя мать. Остановившись рядом с Фарухом, она ерошит его коротко подстриженные волосы и говорит:

— Фарух — полиглот! Талантище.

Фарух опускает голову и, покраснев, говорит:

— Спасибо.

Я задерживаюсь взглядом на матери. Она смотрит на Фаруха с доброй улыбкой, и мне внезапно вспоминается мое полузабытое детство. Всегда когда бабушка с дедушкой или мой отец хвалили мои рисунки, это было для меня поощрением продолжать. Однако, в самые тяжелые моменты, когда мне было плохо или что-то не получалось, только мамины объятия и поцелуи могли меня утешить.

— Здравствуйте! — Күннэй здоровается с моей матерью.

— Здравствуй, Күннэй. Зови меня Валентиной.

— Хорошо.

Күннэй хлопает в ладоши и окидывает всех веселым взглядом:

— Ну что? Айда читать комикс?

— Да! — кричит Соня и подпрыгивает несколько раз на месте, хлопая в ладоши.

— Но сначала… — Күннэй подмигивает и, сняв с плеч рюкзачок, ставит его на пол и, расстегнув, достает два пакета с конфетами “Раффаэлло”.

Глядя на мою мать, она уточняет: “У них же нет аллергий?” — прежде, чем протянуть пакеты Соне и Фаруху.

Соня хватает левый пакет, а Фарух принимает правый двумя руками с вежливым “спасибо.”

Спохватившись, Соня тоже благодарит мою подругу.

Күннэй снова запускает руку в рюкзак и, достав контейнер с творожными лепешками, протягивает его моей матери:

— А это вам с Алиной. Она их обожает. Может, Вам, Валентина, тоже понравится. Я сама постряпала.

— Спасибо огромное! — Моя мать принимает гостинец. — Очень приятно.

Күннэй встает и снова хлопает в ладоши.

— А вот теперь прошу всех занимать места.

Күннэй усаживается, скрестив ноги, в центре комнаты на ковре и, достав телефон из заднего кармана джинс, открывает Google переводчик. Соня с Фарухом садятся по обе стороны от моей подруги.

К моему удивлению моя мать садится у Фаруха за спиной и тоже готовится слушать. Мое сердце начинает учащенно биться. Я думала, что мать вернется за свой рабочий стол и углубится в административную работу. Неужели ей интересно посмотреть мой комикс?

Пока я протягиваю Күннэй свой альбом, ко мне внезапно возвращается давно забытое желание похвалы от мамы. Поразительно!

Тем временем Күннэй спрашивает:

— Хотите познакомиться с моим братиком? Его Хоочугур зовут. Он сейчас далеко-далеко. В республике Саха. Но тоже очень хочет посмотреть комикс.

Күннэй переводит сказанное для Фаруха, и ребята единодушно кивают. Соня уже успела открыть пакет с конфетами и, держа один сладкий шарик обеими руками, понемногу обкусывает его с боков. В этот момент она напоминает мне бельчонка.

Күннэй тут же звонит брату по видеосвязи. Вскоре на экране появляется хорошо знакомое мне с семейной фотографии на кухне Күннэй круглое лицо Хоочугура. Хоочугур полулежит на кровати, утопая в большой и мягкой на вид подушке. Заметный на экране справа ночник с торшером излучает теплый желтый цвет.

— Эҕэрдэ, salom, привет! — восклицает Күннэй и начинает называть имена. — Все знакомьтесь: Валентина, Алина, Соня, Фарух, Хоочугур.

Мы все, кто собрались вокруг Күннэй, улыбаемся и машем Хоочугуру, который с энтузиазмом машет нам в ответ.

Күннэй оборачивается ко мне и спрашивает:

— Алин, ты не против держать телефон?

Я киваю и принимаю телефон:

— Да, конечно!

Когда я располагаюсь у Күннэй за спиной и удостоверяюсь в том, что Хоочугуру хорошо виден альбом, моя подруга открывает вторую главу и зачитывает название на двух языках — русском и узбекском: “Глава о том, как домовенок Фарух и лиса Лисавета отправляются на поиски Стрибога и вместе с восемью ветрами спасают три тысячи деревьев от неизбежной гибели.”

Я бросаю взгляд на Фаруха и с удовольствием вижу, как он наклоняется всем корпусом вперед и внимательно разглядывает титульную страницу. Как же я рада, что расписала все реплики в комиксе на двух языках.

— А кто такой Стрибог? — спрашивает Соня.

— Шшш! — шепчет Фарух, приложив палец к губам. — Узнаем! Да?

Фарух смотрит на меня, и я киваю:

— Да, но если хотите, могу сейчас рассказать.

— Не надо! — в один голос восклицают Фарух и Хоочугур.

— Два голоса против одного, — подытоживает Күннэй.

— Я передумала! — заявляет Соня. — Я тоже хочу потом узнать.

— Что же… Тогда… — Күннэй торжественно перелистывает заглавную страницу.

При виде нового облика домовенка, Соня радостно взвизгивает, а Фарух наклоняется к альбому еще ближе. Его глаза расширяются, и он быстро сканирует взглядом две первые страницы. Потом он запрокидывает голову и шепчет:

— Это — я?

Я улыбаюсь и говорю:

— Да, ты — главный герой. Домовенок Фарух.

— Ой, как здорово! — Соня хлопает в ладоши. — А можно я буду Лисаветой?

Я смеюсь:

— Конечно! Хочешь, чтобы ее звали Соней?

Соня мотает головой и говорит:

— Мне нравится Лисавета. Такое редкое имя! У нас есть Лиза и Алиса, а вот Лисаветы — нету.

— Хорошо, значит, ты у нас будешь Лисаветой, — соглашаюсь я.

— А я кем буду? — спрашивает Хоочугур.

— Стрибог! — восклицает Фарух.

Хоочугур подпирает подбородок кулаком и, подумав, говорит:

— Но мы даже не знаем, кто это. Я потом решу. Стрибог или один из восьми ветров!

Соня и Фарух единодушно с ним соглашаются.

Краем глаза я замечаю, что мать смотрит на меня, но делаю вид, что не замечаю ее взгляда. С тех пор, как я впервые сказала ей про Күннэй, что-то изменилось в наших отношениях. Я начала говорить матери “пока” по утрам и “привет” по вечерам, а она в ответ начала желать мне хорошего дня, а однажды даже спросила, как у меня прошел день. После секундного замешательства, я рассказала ей про недавний словарный диктант по китайскому и неожиданно для самой себя обнаружила, что жалуюсь матери на сложность китайской системы письма: “Иероглифы — это, конечно, очень красиво, но выучить 3500 иероглифов — это для людей с фотографической памятью.”

Я не особо рефлексировала по поводу нашего с матерью нового стиля общения. В последнее время все мои фантазии были заняты Гогой. Однако, сейчас мне приходит на ум вопрос: могут ли наши с матерью отношения измениться, и если да, какие отношения мне бы хотелось?

Тут Күннэй начинает разыгрывать мой комикс по ролям, и я переключаюсь в настоящий момент и принимаюсь украдкой поглядывать на реакцию слушательниц и слушателей.

Соня так погружена в историю, что забывает про свою наполовину съеденную конфету, которую она держит на полпути к приоткрытому рту. В уголках ее пухлых губ — следы шоколада с ореховыми крошками.

Во время эпизода, где домовенок Фарух мирится с Лисаветой, Соня торжественно восклицает:

— Вот, я же говорила, что лисы — не воры!

На другой стороне земного шара, там, где солнце уже скрылось за горизонтом, Хоочугур смотрит в экран, сосредоточенно сдвинув брови. Его глаза бегают туда-сюда следом за указательным пальцем сестры, которым та водит по картинкам.

Фарух сидит, упираясь в пол ладонями с растопыренными пальцами и нависая над комиксом всем корпусом. Он тоже внимательно разглядывает рисунки.

Моя мать сидит на боку, опершись одной рукой в пол, а другой рукой поглаживает Фаруха по спине. У нее на губах играет легкая улыбка, и она то кивает, то одобрительно хмыкает.

После того, как домовенок Фарух и Лисавета мирятся, и домовенок узнает от лисы, что вода в деревенском колодце иссякла, потому что русалки перекрыли подземную реку в наказание людям за безжалостную вырубку леса, они отправляются к горе Пайер, одной из вершин Уральских гор, над которой располагается облачный дом Стрибога, чтобы попросить у бога ветров помощи перенести лес в безопасное место. Путь главных героев полон приключений. Күннэй добирается до первого из них — встречи с русалками.

Работая над комиксом, я придумала два вида русалок. Жители деревни впали в немилость древесных русалок, в то время, как их сестры, речные русалки, пребывают в неведении о происходящем. Визуально я изобразила русалок так: бурая кожа древесных напоминает кору деревьев, а у речных кожа — аквамаринового цвета. В то время, как у речных русалок вместо ног — рыбьи хвосты, а между пальцев рук есть перепонки, древесные русалки перемещаются с помощью корней, а вместо ногтей на пальцах рук — фрагменты коры.

“Смотри, какая красота!” — говорит Лисавета, указывая лапой на жемчужину. Жемчужина лежит на берегу реки и переливается на солнце всеми цветами радуги.

Лисавета садится на задние лапы и чешет когтями у себя за ухом.

Лисавета говорит, разводя лапы в стороны: “Хороши мы! Мы ведь Стрибогу ничего не взяли. Чем мы ему заплатим?”

Фарух садится на пенек и подпирает подбородок рукой. “Ты права. У меня дома есть сундук.”

Фарух мечтательно смотрит вверх. В пузыре мыслей — сундук. На крышке и боках сияют агаты и малахиты; углы сундука отделаны медными узорами, а замок сделан из золота. “Он весь украшен самоцветами. О-о-о-чень красивый.”

Фарух печально вздыхает: “Он достался мне по наследству.” В пузыре мыслей возникает сцена того, как мама и папа домовенка — седоволосые домовиха и домовой — вручают ему сундук.

Фарух смотрит на Лисавету полным решимости взглядом: “Но ради Аксиньи мне ничего не жалко!”

Фарух хмурится: “Но как же быть? Не возвращаться же теперь!”

Лисавета встает на все четыре лапы.

Подойдя к жемчужине, она обнюхивает драгоценный камень со всех сторон.

Обернувшись к Фаруху, она говорит: “А что если нам подарить Стрибогу эту жемчужину?”

Лисавета ставит уши торчком, радуясь собственной идее. “Я слышала, что гора Пайер — серая и унылая.”

Фарух показывает два больших пальца вверх. “Давай соберем как можно больше!”

Фарух и Лисавета расходятся в разных направлениях, чтобы поискать еще жемчужин на берегу реки.

Неподалеку от лаптя Фаруха белеет жемчужина.

Пальцы Фаруха сжимаются вокруг жемчужины. “Какая красота!”

Лисавета берет одну из жемчужин в рот и помещает за щеку.

По воздуху летит комок водорослей.

Комок шмякается в лоб Лисаветы. “Ай-я-я-яй!”

Выплюнув жемчужину, Лисавета отпрыгивает от края реки, оседает на лапах, испуганно прижимает уши к голове и поджимает хвост.

Над водой показывается голова рассерженной речной русалки с цветком водяной лилии за ухом. “Не трогай!”

Лисавета поворачивается на крики Фаруха. “Лисавета! Стой! Не трогай жемчужины!”

К Лисавете подбегает заляпанный водорослями Фарух.

“Тебе тоже досталось?” Фарух счищает со лба Лисаветы ком водорослей.

“Я протестую!” Лисавета направляется к берегу реки.

Рядом с русалкой, у которой за ухом — водяная лилия, появляются головы еще двух. У одной волосы украшены ракушками, а у другой — рыбьей чешуей.

— Я хочу такую прическу! — говорит Соня, тыча пальцем в ракушки.

— Да-да, тебе бы очень пошло, — говорит моя мать. — Принеси в понедельник свою коллекцию. Я что-нибудь придумаю.

— У-у-у! — восклицает Соня и хлопает в ладоши. — Как здорово! Спасибочки, тетя Валя!

— Алин, да ты, прямо, законодательница мод! — говорит Күннэй и продолжает читать.

“Это — не ваши жемчужины.” Лисавета садится рядом с жемчужиной, которую она недавно выронила.

“Пускай! Но это мы их собрали и разложили по берегу.” Русалка с водяной лилией скрещивает на груди руки и непримиримо вздергивает вверх подбородок.

“Лола права. У нас скоро лунный праздник!” Русалка с ракушками в волосах поднимает руку, повернув ладонь к небу.

“А вы портите наши декорации.” Русалка с рыбьей чешуей в волосах сдвигает брови к переносице.

“Мы с Ули и Виши столько лун потратили!” Лола кладет руки на плечи своих подруг.

“Ох, извините, мы не знали.” Фарух складывает руки за спину и виновато опускает голову.

“У вас праздник, а у нас — беда.” Лисавета вытирает правый глаз лапой так, как будто бы смахивает слезу.

“Какая?!” Русалки озабоченно вскидывают брови вверх так, что у них на лбах появляются три конуса.

“А вы не слышали от своих сестер, древесных русалок?” Лисавета наклоняет голову вбок.

“Нет! Что случилось?” Лола закрывает рот рукой от испуга.

Русалка с ракушками в волосах прячет лицо в руках и начинает плакать.

“Ули, не плачь.” Виши гладит подругу по спине.

“Август — единственный месяц, когда мы с ними не видимся.” Лола разводит руками.

“Да, мы так заняты лунным праздником, что времени совсем нет.” Виши обнимает Ули за плечи.

“Люди начали вырубать лес рядом с моей деревней.” Фарух стоит, грустно опустив голову.

“И за это ваши сестры лишили жителей воды.” Лисавета указывает лапой на русалок.

“А как наши сестры? Они не пострадали?” Ули поднимает на Лисавету и Фаруха заплаканные глаза.

“С ними все хорошо, но деревья погибают, и жители деревни мучаются.” Фарух стоит, заложив руки за спину и копает лаптем углубление в песке.

“Вот я и предложила найти Стрибога и попросить, чтобы его восемь ветров спасли лес.” Лисавета важно вскидывает голову.

“Но, вряд ли, Стрибог согласится, если мы придем с пустыми руками.” Фарух вздыхает так, что его плечи поднимаются до мочек ушей.

“И вы задумали подарить жемчужины?” Лола заправляет волосы за уши.

“Тогда, пожалуйста, собирайте, сколько душе угодно!” Ули раскидывает руки в стороны.

“Мы вам поможем!” Виши поднимает правую руку над водой и напрягает ее, демонстрируя свой бицепс.

Над поверхностью воды виднеются три хвоста нырнувших за жемчужинами русалок.

Улыбающиеся русалки вручают Фаруху три сплетенных из водорослей мешка. Каждый до краев заполнен жемчужинами.

“Попутных течений!” Русалки дружно машут руками на прощание.

Тут раздается стук по дверной раме. Я с содроганием смотрю вверх, боясь увидеть вопреки ожиданиям Ирину Павловну, но к моему облегчению, это — Сонин папа.

Мать быстро поднимается на ноги и уходит объяснить ситуацию. Сонин папа соглашается подождать и исчезает в вестибюле. Когда мать возвращается, Күннэй продолжает читать.

“Ничего себе горка.” Лисавета стоит, задрав голову вверх.

Пик горы Пайер исчезает в облаках.

“Да уж,” — Фарух чешет затылок. — “Никогда в жизни таких высоких гор не видывал.”

Лисавета и Фарух поднимаются по горной тропке наверх. Фарух идет, согнувшись под тяжестью мешков с жемчужинами, которые он взвалил себе на спину.

Лисавета замирает и настораживает уши. Откуда-то спереди доносится: “Клац! Клац! Клац!”

“Не нравятся мне эти звуки.” Лисавета оседает на лапах, прижимает уши к макушке и поджимает хвост.

“Мне тоже, но выбора нет.” Фарух делает шаг вперед.

Фарух с Лисаветой добираются до пещеры. Звуки становятся громче: “КЛАЦ! КЛАЦ! КЛАЦ!”

Фарух и Лисавета переглядываются.

“Попробуем проскочить мимо.” Лисавета прижимает уши к голове.

Фарух кивает.

Оба поворачиваются лицом и мордой вперед. Лисавета оседает на лапах, а Фарух подгибает колени, как бегун, который готовится к старту.

Рука Фаруха показывает три пальца.

Два пальца.

Один палец.

Фарух и Лисавета бегут мимо пещеры.

Дно одного из мешков у Фаруха за спиной рвется.

“Бум!” Жемчужины высыпаются на тропинку и прыгают по камням.

Фарух оборачивается и в ужасе смотрит на рассыпавшиеся драгоценности. Из пещеры доносятся голоса: “Что это было?” и “Вы слышали?”

— Бегите! — умоляет Соня.
— Да, бегите! — вторит ей Фарух.
— Не останавливайтесь! — просит Хоочугур.
Из пещеры доносится шум шагов: “Та-дум! Та-дум! Та-дум!”
На стене пещеры в свете факела появляется тень высокого мужчины с киркой на плече.
— Мне страшно! — говорит Соня.
— Бегите! — шепчет Фарух.

Мордочка Лисавета морщится. “Брось их! Бежим!”

Фарух разворачивается и готовится рвануть дальше.

“Смотрите, кто к нам пожаловал!” На выходе из пещеры стоит горняк с закинутой на плечо киркой.

“Обед сам в рот просится!” Второй горняк снимает с плеча ружье.

“И сколько жемчуга! Разбогатеем!” Третий горняк пощипывает свою густую черную бороду.

Лисавета широко разевает красную пасть. “Бежим!!!”

Фарух и Лисавета бросаются наутек.
Второй горняк поднимает ружье и целится.

Я специально разместила этот рисунок самым последним на страничном развороте, чтобы усилить напряжение.

— Ой, мамочки! — Соня закрывает глаза руками.

— Ууф! — Хоочугур отворачивается.

— Они жить? — спрашивает Фарух, глядя на нас с Күннэй с надеждой в глазах.

Күннэй переворачивает страницу.

Следующий рисунок занимает целый разворот. Здесь появляется новое действующее лицо — гигантский огненный вихрь. Вихрь — антропоморфный. У него есть лицо с черными, будто угольки, глазами и мускулистые руки. В одной руке он сжимает кувалду.

Одним взмахом кувалды вихрь заметает трех горняков обратно в пещеру.
Выронив ружье и кирку, горняки летят по воздуху, молотя руками и ногами.

Соня, Фарух и Хоочугур дружно смеются.

— Так им и надо! — кричит Соня.

Күннэй переворачивает страницу.

Вихрь ударяет кувалдой по горе над пещерой, от чего вход в пещеру засыпает камнями. Фарух и Лисавета наблюдают за происходящим круглыми от удивления глазами.

“А ты кто?” Фарух стоит, запрокинув голову и открыв рот.
“Спасибо тебе, что спас наши шкуру и кожу!” Лисавета кланяется.
“Да, спасибо, но почему ты нам помог?” Фарух ставит мешки с жемчужинами на землю.
“Я — Сварог,” — вихрь закидывает кувалду на плечо. — “Мое ремесло — кузнечное дело. Я кую стрелы тепла для Дажьбога, ледяные копья для Стрибога и стальные снаряды града для Перуна.”

— Я хочу быть Сварогом! — кричит Хоочугур.

— Я так и думала, — с улыбкой говорит Күннэй.

— Я — кузнец! — говорит Хоочугур. — Я умею ковать.

— Правда? — удивляется Соня и смотрит на телефон у меня в руках.

Мне тоже очень любопытно послушать Хоочугура, и я передаю телефон Күннэй. Ее брат начинает рассказывать:

— Да, наш папа — самый классный в мире кузнец. Он что угодно может сковать: ножи, топоры, украшения. Он меня учит. Я, правда, пока сам ничего не сковал, но я ему во всем помогаю. Он говорит, я скоро смогу и сам ковать.

— Вау! — восхищается Соня.

— Хоочугур, погоди, я Фаруху переведу, — говорит Күннэй и, открыв переводчик, печатает: “Хоочугур и наш с ним папа — кузнецы. Они куют ножи, топоры и разные украшения.”

— Ого! — говорит Фарух.

— А браслетик ты можешь сделать? — спрашивает Соня.

— Да, все, что угодно! — заявляет Хоочугур.

Тут в комнату снова заглядывает Сонин папа. Он спрашивает доброжелательным голосом:

— Вы скоро?

— У нас минут пятнадцать осталось дочитать, — говорю я.

— Можно я дослушаю? — просит Соня, вытягивая губы трубочкой, и умоляюще складывает руки на груди. — Папочка, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Сонин папа смотрит на часы и говорит:

— Ладно, но только пятнадцать минут. Пожалуйста, не больше. У нас ведь ужин скоро.

Күннэй говорит Хоочугуру:

— Нас тут торопят. Давай ты ребятам в другой раз подробнее расскажешь?

Күннэй возвращает мне телефон и продолжает читать.

“Я терпеть не могу этих горняков!” — Сварог сжимает свободную от кувалды руку в кулак. — “Они опустошают недра гор не ради чего-то полезного, а потому что алчны и жестоки.”

“Жестоки — это точно.” Лисавета садится на тропинку.

“И алчны — с этим я согласен,” — Фарух скрещивает руки на груди. — “Они живут только ради серебра и думают только о том, как бы его побольше заработать.”

“Да, всеми правдами и неправдами,” — Сварог хмурится. — “Ну, а вы сами? Зачем вам столько жемчуга?”

“Мы идем к Стрибогу с просьбой,” — объясняет Фарух. — “Жемчужины будут платой за помощь.”

“Ему понравятся?” Лисавета прижимает уши к макушке.

“Ты, кстати, можешь эти себе взять,” — Фарух указывает на рассыпавшиеся жемчужины. — “За то, что ты нас спас.”

“Я помог вам от чистого сердца,” — Сварог прикладывает руку к груди. — “Мне ничего от вас не нужно. А за Стрибога сказать не могу. Настроения у него, сами понимаете, переменчивые.”

“Спасибо, Сварог.” Лисавета и Фарух одновременно кланяются.

“Пусть ваш путь будет легким, как этот камушек.” Сварог подкидывает в левой руке маленький камень.

Лисавета и Фарух продолжают подниматься на гору. Они выглядят устало. Фарух идет, опустив голову. Лисавета идет, высунув язык и опустив хвост.

Путник и путница выходят на заснеженное плато горы Пайер.

“Уф!” Фарух выдыхает облачко пара и опускает мешки с жемчужинами на снег.

“Как тут холодно!” Фарух обнимает себя за плечи и дрожит.

“А вот и дом Стрибога!” Лисавета поднимает голову.

В небе висит огромное облако, которое по форме напоминает коровай.

Рука Фаруха выкладывает на снегу одуванчик из жемчужин.

Лапа Лисаветы изображает с помощью жемчужин несколько завитков.

Вид сверху показывает рисунок на снегу: ветер уносит вдаль семена одуванчиков.

“Как красиво!” С облака спускается антропоморфный вихрь. У него большие фиолетовые глаза, крылья вместо рук, лапы, напоминающие птичьи и хвост с длинными перьями.

“Здравствуй, Стрибог!” — Фарух кланяется. — “Это — тебе.”

“За что же? Что я такого замечательного сделал? Память у меня коротка!” Стрибог крутит головой из стороны в сторону так, что кажется у него — сотни лиц.

Фарух и Лисавета переглядываются.

“Мы пришли с просьбой.” Лисавета садится и складывает передние лапы на груди.

“Рядом с моей родной деревней люди жестоко вырубают лес.” Фарух густо краснеет.

“Что?! Да я их одним мигом сдую с лица земли!” Глаза Стрибога чернеют, и в них вместо зрачков сверкают разряды молний.

“Нет! Пожалуйста, не надо!” Фарух испуганно машет руками.

“Может быть, ты и твои восемь ветров лучше перенесете весь лес в безопасное место?” Лисавета встает на все четыре лапы, припав на передние, и, прижав уши к макушке, смотрит на Стрибогу снизу вверх.

“Но это же люди неправы!” — Глаза Стрибога белеют, и в них появляются маленькие черные торнадо. — “Почему деревья должны страдать?”

“Ты прав,” — печально вздыхает Фарух, — “но я — домовой, а мы, домовые, не имеем права накликать на людей беды.”

Фарух прячет лицо в руках. “Если я причиню вред людям, то мне больше не быть домовым.”

“Ах, понимаю, понимаю.” — Глаза Стрибога становятся светло-синими. — “Если я перестану странствовать по миру, то я перестану быть Стрибогом.”

Стрибог опускает голову. “Что же, я согласен переместить деревья.”

Стрибог сворачивает губы трубочкой. “У-у-у-у!”

Сверху видно, как к заснеженному плато слетаются восемь антропоморфных ветров, которые напоминают капли воды с лицами. Вытянутые концы этих капель — это покрытые перьями хвосты. Ветра также, как и Стрибог напоминают птиц крыльями и когтистыми лапами.

Стрибог нагибается. “Садитесь мне на спину и показывайте путь!”

Лисавета и Фарух летят верхом на Стрибоге на фоне закатного неба. За ними движется вереница из восьми ветров.

Күннэй открывает рисунок, который занимает целый страничный разворот. Я долго над ним работала и очень им горжусь — на фоне огромной полной луны Стрибог и восемь ветров переносят деревья в безопасное место, сжимая стволы в лапах.

Рано утром деревенская девочка бежит по лугу с взволнованным лицом.

Девочка останавливается на деревенской дороге и складывает руки рупором вокруг широко открытого рта. “Вода вернулась!”

Аксинья с улыбкой достает из колодца полное ведро воды.

В избе Аксиньи Фарух сидит на полу рядом с ведром и держит в руках черпак.

“Самая вкусная вода на свете!” Фарух, зажмурившись, делает глоток.

Аксинья идет по двору.

“Ах!” Аксинья прижимает руки к губам.

Вокруг трех яблонь во дворе Аксиньи рассыпаны несколько сотен жемчужин.

Фарух и Лисавета стоят в кустах и смотрят на яблони и пораженную Аксинью.

“Стрибогу не понравились жемчужины?” Лисавета огорченно свешивает уши и опускает хвост.

“Понравились, но у него философия — делать добро не ради платы, а ради добра.” Фарух поднимает указательный палец вверх.

А вот и сказочке конец!

Соня и Фарух хлопают в ладоши, а я возвращаю телефон Күннэй, чтобы Хоочугур мог всех видеть.

— Ну как вам? — спрашиваю я с замиранием сердца.

— Классно! — говорит Соня.

— Мне очень понравилось. Большое спасибо, — вежливо отвечает Фарух.

— Круто! — говорит Хоочугур. — А что, если дальше на деревню нападает абаасы? Чтобы его победить вам требуется волшебный меч. Я вам его кую, и мы втроем выходим на бой.

— Хоочугур, минутку, я сейчас Фаруху переведу, — говорит Күннэй и перепечатывает идею брата в переводчик.

Мне вспоминается, как в детстве я частенько воображала себя разными персонажами из своих любимых книг, мультиков или фильмов. Как это здорово, что мой комикс понравился Соне, Фаруху и Хоочугуру настолько, что они хотят представлять самих себя моими персонажами.

— Абаасы? — спрашивает Фарух. — А это кто?

— Это — злые духи из Нижнего мира, — отвечает Күннэй и параллельно печатает свои слова в переводчик.

После того, как Фарух кивает, она открывает новую страницу в браузере и находит картинки абаасов. На экране возникают мультяшные картинки монстров. Эти монстры напоминают либо злых джинов, либо многолапых драконов.

— Хмм… — говорит Күннэй, — я бы их, конечно, по-другому изобразила…

— Какие противные! — Соня морщит нос и отворачивается.

Күннэй переключает экран с браузера обратно на видео с Хоочугуром.

— Как вам идея? — спрашивает Хоочугур.

— Да, давайте сражаться с абаасы, — соглашается Соня. — Их не жалко!

— А ты, Фарух? — Хоочугур смотрит на Фаруха.

— Я — за! Меч, лук и копье, — говорит Фарух. — Я — лук.

— Точно! Одного меча не хватит, — восклицает Хоочугур. — Я буду сражаться топором, а ты, Соня?

— Не меч, а кинжал! — говорит Соня. — С изумрудной рукояткой.

— Окей! — говорит Хоочугур.

— Соня! — В комнату заглядывает Сонин папа. — Пора домой, а то мама уже нервничает.

Соня тяжело вздыхает и, посмотрев на меня, спрашивает:

— Когда вы снова придете?

Күннэй предлагает:

— Хотите все обменяться номерами? Тогда вы сможете играть, когда захотите. Правда, со сменой часовых поясов. В Якутске на шесть часов вперед. Валентина, вы им поможете?

— Да, с удовольствием, — говорит моя мать. — Давай номер Хоочугура. Я буду им все настраивать.

— Это было бы здорово, если Вас не затруднит.

— Без проблем!

Күннэй сохраняет номер Хоочугура на телефоне моей матери и говорит:

— Хоочугур обычно с семи до восьми свободен. Это — 11 утра.

— Отлично, буду держать их на связи, — обещает мама и добавляет, посмотрев на Сониного папу, который продолжает стоять на пороге. — Ну все, Сонь, беги. Тебе, правда, пора. Извините, что задержали.

— Ничего страшного, — говорит Сонин папа и проверяет время на наручных часах.

Соня снова тяжело вздыхает, а потом начинает со всеми прощаться. Она машет Хоочугуру и Күннэй рукой на прощание, говорит Фаруху “хаyr,” обнимает меня и, сказав моей матери “до свидания,” — убегает к папе.

После Сониного ухода, Күннэй предлагает игру. Мы по кругу даем ответ из одного слова на своем родном языке на вопросы, вроде “Какой твой любимый цвет?”, а затем переводим это слово на два других языка.

Я узнаю, что:

любимый цвет Күннэй — кыһыл, qizil, красный
Фаруха — sariq, сағарҳай, желтый
моей матери — зеленый, чээл күөх, yashil
мой — оранжевый, сырдык саарыл, тўқсариқ
любимое животное Күннэй — ат, от, лошадь,
Фаруха — sher, хахай, лев
моей матери — олень, таба, kiyik
мой — медведь, эһэ, ayiq

Нашу игру прерывает тихое постукивание по дверной раме. Мама Фаруха.

— Здравствуйте, Фатима Имановна! — Моя мать встает следом за Фарухом, который порывается было к своей маме, но потом замирает, оглядывается, указывает на Күннэй и оживленно говорит что-то на узбекском. Я различаю имена подруги и ее брата.

Фатима Имановна улыбается сыну и, сбросив туфли, подходит к Күннэй, которая поднимается ей навстречу.

Фатима Имановна — я мысленно повторяю это имя с десяток раз, чтобы оно отпечаталось у меня в памяти.

— Привет, Хоочугур, — говорит Фатима Имановна, нагибаясь к телефону и, сощурившись, приветственно машет брату Күннэй рукой. — Вы — новые друзья моего сына? Очень рада, очень приятно!

Фарух прижимает пакет с конфетами к груди и снова говорит что-то по-узбекски. Его мама улыбается, кивает и говорит:

— Федя, а “спасибо”?

Фарух кивает и снова отвечает маме по-узбекски. Я слышу слова “Федя” и “Фарух”.

В разговор вступает моя мать:

— Фатима Имановна, ему Фарух больше нравится, и я переучила детей, чтобы они его правильно называли.

— О? — Фатима Имановна удивленно смотрит на мою мать.

— Фарух вам не рассказывал? Он у нас теперь настоящий маленький ученый. Сам учит русский, а всех детей учит узбекскому.

— Да Вы что? А что ты маме ничего не рассказывал? — спрашивает Фатима Имановна и, наклонившись, ласково тормошит Фаруха за щеку.

— Он у вас — сама скромность, — говорит мать. — Скромность — это, конечно, замечательно, но похвалы иногда тоже не помешают.

Хоочугур говорит:

— Когда я вырасту, я стану великим кузнецом. Как папа!

Күннэй смеется, а Фарух заявляет:

— А я стать дипломат!

— Да, да, конечно, будешь дипломатом, — говорит Фатима Имановна и ерошит волосы сына. Потом она говорит извиняющимся тоном. — Извините, нам пора. Муж скоро с работы вернется.

— Конечно, конечно! — Мать машет руками. — Даже не извиняйтесь. Мы все прекрасно понимаем.

— Пока! — Фарух машет на прощание рукой.

Күннэй и Хоочугур отвечают ему в один голос:

— Хаyr! Пока!

После еще одного раунда прощаний на разных языках и в разных регистрах вежливости, Фатима Имановна с сыном уходят, Хоочугур отключается, и мы с матерью и Күннэй остаемся втроем.

— Огромное вам, девчат, спасибо. Такой сюрприз детям устроили, — говорит моя мать.

— Да не за что! — отвечает Күннэй. — Это все — Алина. Классная художница.

Подруга подмигивает мне, а моя мать соглашается:

— Да, Алин, замечательный комикс. У тебя, прямо, талант.

Мы с матерью встречаемся глазами, и на мгновение весь мир как будто бы преображается, и мне кажется, что вовсе и не было девяти ужасных лет, когда я упорно делала вид, что Валя — чужой для меня человек.

Все вокруг как будто бы исчезает, и я оказываюсь в подвешенном состоянии в темноте космического пространства и вижу Млечный путь — неразрывную связь с мамой, такую же древнюю, как Вселенная, состоящую из скопления звезд, незабываемых моментов, когда я чувствовала себя в безопасности, когда я верила, что вечное счастье возможно, когда я надеялась, что любая моя мечта обязательно исполнится, стоит только задуть свечки на праздничном торте или сделать глоток детского шампанского с шоколадкой под бой Курантов в новогоднюю ночь, когда я просыпалась ночью в холодном поту от кошмара и засыпала только в маминых объятиях.

Тут мать переводит взгляд на Күннэй и говорит:

— А у тебя — актерский талант. Хочешь играть в Большом?

— Спасибо большое, но нет. Я хочу поступить в ГИТИС, но потом вернусь домой. У нас в Саха много театров. Целых 12. И мы ставим пьесы на родном языке.

Мать кивает.

— Большой — это, конечно, престижо, — продолжает Күннэй, — но я хочу в жизни делать то, что я хочу. А я ведь еще олонхосут. Это так называются те, кто исполняют олонхо. Олонхо — это наш традиционный эпос. У меня вообще три мечты: выступать в театрах на родном языке, исполнять олонхо и сниматься в наших фильмах. Вы, наверное, не в курсе про саха-кино? Очень душевные фильмы.

— Нет, не слышала, но погугулю. И абсолютно с тобой согласна. Жизнь — коротка. Вот бы я в вашем возрасте это понимала. Понимала, что не надо тратить время на то, что причиняет только боль.

Мать вздыхает, а я опускаю голову. Я знаю, что она имеет в виду брак с отцом.

Тут мать спохватывается:

— Күннэй, мы тебя не задерживаем?

— Да нет, я не тороплюсь. Но Вы, наверное, устали после работы. Я уже пойду.

Я торопливо говорю:

— Я тебя провожу.

Мать кивает и говорит:

— Еще раз, рада была познакомиться, Күннэй. Приходи еще. Гостинцы на мне в следующий раз.

Пока мы с Күннэй идем к остановке, красота осеннего пейзажа захватывает у меня дух. Все как будто бы горит в лучах заходящего солнца: клен с листьями на ветвях, которые по цвету напоминают расплавленное золото, головки одуванчиков на обочине тротуара, облетевшие листья тополя на все еще зеленой траве. В моей душе также светло. Я вдруг ясно чувствую, что хочу всегда дружить с Күннэй и доверять ей все свои переживания. А еще я хочу когда-нибудь в будущем снова начать называть свою мать “мамой”.

— Хоочугур с Фарухом — комедия, — говорит Күннэй со смехом. — У одного эго до луны, а другой — воплощение скромности.

— А что Хоочугур говорил про то, что они с вашим папой — кузнецы?

— О, я тебе не рассказывала? Мой папа — кузнец. Он — ИП.

— ИП?

— Работает на себя. Индивидуальный предприниматель.

— Вау, как круто!

— Да, он — мастер на все руки. И у него, кстати, свой онлайн-магазин есть. Я тебе скину ссылку.

— С удовольствием посмотрю.

Мы останавливаемся на пустой остановке. Повернувшись ко мне лицом, Күннэй зажмуривается, вдыхает полной грудью уже пронизанный легкой прохладой воздух и говорит:

— Кстати, я глянула прогноз погоды. Эти выходные будут последними теплыми осенними деньками. Айда завтра на рыбалку? На Лосином острове есть небольшое озеро, где можно рыбачить.

Предложение Күннэй настолько внезапное, что я на мгновение теряю дар речи. Во-первых, я не умею рыбачить; когда я была маленькой, дедушка иногда брал меня с собой на рыбалку, но все мои обязанности тогда заключались в том, чтобы собирать в банку дождевых червей и служить второй парой глаз в слежке за поплавком.

— Или ты занята? Домашка? — спрашивает Күннэй.

— Нет, я свободна. Просто никогда удочку в руках не держала. У тебя есть? И как мы туда доберемся?

— О, я как только сюда приехала, сразу же за удочками. Мы просто с подругами дома весь июль, август и сентябрь с озера не вылезаем: плавание, рыбалка. Я знала, что буду скучать. Пробовала Саргылану вытащить, но она ни в какую. Я попрошу ее нас подбросить.

— Если ее не затруднит… Я с удовольствием!

То, что Күннэй хочет вовлечь меня в одно из их с подругами традиционных занятий, очень для меня важно. Это — еще один знак, что Күннэй, Лилия и Милана готовы принять меня в свой круг.

Вторая причина, почему я соглашаюсь, это воспоминания о рыбалке с дедушкой. Мне хочется снова испытать то умиротворенное состояние, которое снисходило на меня каждый раз на берегу лесного озера, среди тихого шума тростников и шелеста листьев тополей и березок.

Мы с Күннэй договариваемся встретиться у нее дома в полдень и провести на Лосином острове целый день.

— До завтра! — говорит подруга, направляясь к дверям только что подъехавшего автобуса.

Я машу ей рукой и возвращаюсь домой в радостном настроении.

Когда я разуваюсь и прохожу в прихожую, из ванной выходит мать в домашнем халате и с обмотанной полотенцем головой. Мы встречаемся глазами, и внезапно слова сами собой вырываются у меня из груди:

— Я хотела лепешки Күннэй разогреть. Хочешь вместе поужинать?

Если мать и удивляется моему внезапному предложению (мать знает, что я всегда ем в одиночестве и параллельно смотрю что-нибудь познавательное на “Ютубе”), то она не показывает виду. Она останавливается в проходе, ставит руки на пояс и говорит:

— Да, давай. Ты пока раздевайся, я все сделаю. Ты, кстати, с чем любишь? Сметана? Сгущенка?

Я смотрю на мать и впервые за долгое время вижу в ней не эгоистку и лентяйку, а свою маму, которая отстранилась от меня, чтобы дать мне личное пространство, которое я так настойчиво требовала, отталкивая ее заботу снова и снова.

У меня встает ком в горле, и “сгущенка” — это все, что я умудряюсь выговорить прежде, чем скрыться у себя в комнате.

Когда я захожу на кухню после душа, мать уже накрыла на стол и ждет меня, сидя спиной к окну. Дымок с ароматом мяты, поднимающийся от ее кружки с чаем, вьется у нее перед лицом. Я присаживаюсь на краешек стула на своем обычном месте напротив матери и лицом к окну.

— Алиненок, ты как чай любишь? С мятой? С лимоном?

Тут я замечаю, что моя кружка все еще стоит на кухонном гарнитуре рядом с чайником.

— С мятой.

Я порываюсь было встать, но мать опережает меня. Вскочив, она подходит к столешнице, счищает мелко нарезанные листики мяты в кружку с заваркой, заливает кипятком и подает мне на стол.

— Спасибо, — я складываю руки лодочкой и подпираю ими голову.

Тут же спохватившись, что мы же сели ужинать, я упираюсь запястьями в край стола.

Мать уже сидит напротив, но тоже не решается первой взять лепешку из стоящей посередине стола глубокой тарелки.

Зачем я предложила поужинать вместе? Чего я ждала? Чего хотела? Я вспоминаю Күннэй и пытаюсь представить себе, как бы она поступила в этой ситуации, как бы она нарушила эту неловкую паузу.

— Какие у тебя планы на выходные? — спрашиваю я, протянув руку и взяв одну из лоснящихся от масла лепешек.

Мать тут же следует моему примеру и говорит:

— Да так, ничего особенного. С подругами повидаемся: пошьем, погуляем. Все, как обычно. А вы с Күннэй?

— Она меня завтра на рыбалку пригласила. На Лосиный остров.

— О, здорово! Подвезти вас?

Я смотрю на мать и снова поражаюсь тому, как все эти годы я могла быть так абсолютно уверена в ее эгоизме. Вот же, сейчас мать от чистого сердца и без задней мысли предлагает свое время. Такое ощущение, что после развода родителей, я попала в пещеру Платона и видела мир вокруг одномерным, а теперь отвернулась от стены и впервые увидела мать на фоне костра не бессердечной тенью, а сложным и многомерным человеком со своими желаниями и стремлениями, ошибками и сожалениями, мыслями, чувствами и эмоциями.

— Спасибо, но Күннэй уже свою сестру попросит.

— Ладно, но дай знать, если что.

Мы едим какое-то время молча, а потом мать говорит:

— Алиненок, знаешь, мне Соня сегодня тебя в детстве напомнила. Ты такая же непоседа была. У бабушки с дедушкой тебя в доме было просто не удержать. Помнишь?

Воспоминания накатываются на меня волной.

Раннее утро. Я иду по деревенской дороге сквозь густой туман. Мои ресницы отяжелели от капель. Я поднимаю голову, а из белой завесы пара на меня смотрят головы гигантских подсолнухов.

Знойный полдень. Ящерицы греются на камнях: одно мгновение они лежат неподвижно, второе, и они уже исчезли в траве.

Я собираю колорадских жуков с листьев картофеля и скидываю их в стеклянную банку.

— Да, я помню, как мы с тобой светлячков ловили, — говорю я.

О, те вечера были одними из самых счастливых в моей жизни. У меня перед глазами возникает сцена: мы с мамой, одетые в дождевики и резиновые сапоги, идем в сумерках по опушке леса. Небо цвета индиго с багряно-золотой полосой на западе напоминает почти готовый черничный пирог в теплой печи. То тут, то там тусклые зеленые огоньки перемигиваются с первыми звездами на медленно темнеющем небосводе.

— И ты мне потом сказки читала, — добавляю я, вспомнив, как, дочитав одну из сказок, мама выключала лампу в моей спальне на чердаке, и, после того, как она спускалась вниз, освещая себе путь ручным фонариком, банка со светлячками оставалась единственным источником света в темной комнате.

Мать оживленно кивает:

— Да, да, ты обожала “Снежную королеву” и “Дюймовочку”. Честно, я даже подустала их перечитывать.

Мать смеется, а я вспоминаю, что обожала эти сказки потому, что они будоражили мою фантазию. Мне нравилось представлять Герду в далекой заснеженной тундре в компании северных оленей или Дюймовочку в стране фей и эльфов.

Какая это была изумительная способность — видеть мир не таким, какой он есть на самом деле. В детстве я, как и Соня, искренне верила, что разные мифологические существа, вроде фей и домовых, действительно, существуют. Все это было до того, как я приучила саму себя видеть мир одномерным.

Я обхватываю кружку обеими руками и делаю долгий глоток ароматного чая. Как бы сложилась моя жизнь, если бы я не оттолкнула от себя мать? Я бы побывала с ней на югах, искупалась бы в море, увидела бы восточную архитектуре в Стамбуле, продолжила бы дружить с Василисой. Может, девять лет школы не были бы адом. Может, если бы я рассказала маме об издевательствах одноклассников, она перевела бы меня в другую школу.

Я вздыхаю и отставляю кружку обратно на подстаканник.

Зачем гадать, что было бы? Может, в этом фантастическом альтернативном будущем, я бы никогда не встретила Күннэй.

Я хочу прямо сейчас начать строить новое будущее, где я буду счастлива, пользуясь тем, что у меня есть под рукой в данный момент.

Мой взгляд на прошлое полностью изменился. Я больше не виню маму в разводе. Я понимаю, что она развелась с отцом, потому что он ограничивал ее свободу, и это делало ее глубоко несчастной. Однако, то, что я, до сих пор, не могу понять — почему мама согласилась выйти замуж за нелюбимого человека? Или было время, когда она его любила?

— Мам, — говорю я и чувствую, что начинаю терять контроль над своим голосом. — Я давно хотела спросить. Если можно… Почему ты вышла замуж за отца?

Я смотрю на маму. Ее лицо мгновенно становится серьезным, а потом она несколько раз понимающе кивает. Она знает, что их с отцом развод стал причиной нашего с ней отчуждения. Тема развода всегда была табу между нами. Я вижу, что она чувствует, что мне важно закрыть этот гештальт, чтобы мы могли двинуться дальше.

Я добавляю:

— Знаешь, я все это время тебя в этом винила. Но сейчас я начала думать: ведь это он был не прав. Он постоянно что-то от тебя требовал.

Мама вздыхает и кладет лепешку на тарелку.

— Это сложно объяснить, — говорит она. — Когда он начал за мной ухаживать, он был другим человеком: всегда вежливый, пунктуальный, обходительный. Он всегда с интересом слушал мою болтовню. Не знаю, может, притворялся, что с интересом. И тогда еще было давление от подруг. Он всем очень нравился. Все гнали меня замуж. “Давай, Валя, грех упускать такой шанс.”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.